

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Тверской государственный университет»

На правах рукописи

КОРКУНОВ Владимир Владимирович

**КИМРСКИЙ ЛОКАЛЬНЫЙ ТЕКСТ
В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

10.01.01 — русская литература

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель
д-р. филол. наук, проф.
Сорочан А.Ю.

ТВЕРЬ 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. «Кимрский текст»: этапы формирования	30
1.1. Дореволюционный период	30
1.2. «Кимрский текст» в советское время (1917-1991)	55
1.3. Кимры в современной художественной литературе и публицистике	99
Глава II. Локальная биография	126
2.1. Сближение гетеро- и автостереотипов на примере «Помышления о Кимрах» Б.А. Ахмадулиной	129
2.2. «Вдали от Кимр»: А.А. Фадеев и Б.А. Ахмадулина	135
2.3. «101-й километр»: О.Э. Мандельштам и М.М. Бахтин	150
2.4. «Взгляд “изнутри”»: С.И. Петров и М.А. Рыбаков	183
2.5. Художественно-литературное пространство на пересечении гетеро- и автостереотипов	205
Заключение	209
Список использованной литературы	221
Приложение	241

ВВЕДЕНИЕ

Изучение локальных текстов в настоящее время вызывает значительный интерес. Многие литературоведы обращаются к исследованиям образа места, локальной словесности, провинциальной литературы. Очевидно, что «столичный» текст первоначально представляется более насыщенным, нежели текст «провинциальный». Однако со временем исследования, посвященные провинциальным текстам, приобретают все большее значение. Внимание филологов привлекает и тверской текст; первые шаги в его изучении уже сделаны¹. Следствием всеобщей текстуализации пространства становится устойчивый интерес к исследованию локусов, в том числе и тверских (свидетельством этому могут служить, например, бологовские экспедиции Санкт-Петербургских исследователей²). Настоящая работа является продолжением данной линии исследований и посвящена «кимрскому тексту».

Кимры — город в Тверской области с населением около 50 тысяч человек. Первое упоминание о нём, имевшем в то время статус села, датировано 1546 г. Территория, на которой находилось село Кимры, передавалась различным владельцам за службу царю³. Среди первых — близкие ко двору люди: боярин, князь В. Старицкий (родственник Ивана IV), боярин, князь Ф. Мстиславский (потомок Великого князя Литовского Гедимины), боярин, князь А. Львов, боярин Ф. Салтыков (отец П. Салтыковой, ставшей женой Ивана V). К этому времени Кимры получают известность как обувное село, растут и крепнут торговые связи, кимрские сапожники начинают получать государственные заказы по производству обуви.

¹ Например, в книге: *Сорочан А.Ю.* Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. — Тверь: Издательство М. Батасовой, 2010. — 172 с.

² *Ахметова М.В., Лурье М.Л.* Материалы бологовских экспедиций 2004 года [Электронный ресурс] // <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetovalurie2.htm>.

³ Сведения о владельцах села Кимры почерпнуты из следующего труда: *Суханов А.З.* Бывшие владельцы села Кимры XVI-XIX вв. — Кимры: Кимрская типография, 1997. — 80 с.

В дальнейшем Кимры становились владениями родственников боярина Салтыкова, затем — рода Скавронских (родни Петра I) — графини А.К. Скавронской (супруги государственного канцлера графа М.И. Воронцова). Во времена «правления» Скавронских и Воронцовых Кимры развивались в торговом отношении, росло значение ярмарок. Это способствовало строительству в 1767 г. Гостиного двора с тридцатью каменными лавками.

В 1798 г. Е.В. Скавронская выходит замуж за мальтийского рыцаря, итальянца, графа Ю.П. Литту. Во время правления Павла I Литта был сослан в Кимры, которые стал обустривать по своему вкусу — начав возводить каменный трёхэтажный дворец, создав зверинец, лебединый пруд, террасные пруды, липовые аллеи и др. Дворец достроен не был, поскольку после смерти императора Литте разрешили вернуться в Петербург. В этот же период процветали отношения села с Петербургом, больших размахов достигла торговля хлебом. Расширялись госзаказы; к 1812 г. кимряки обували почти всю русскую армию.

Последней владелицей Кимр стала графиня Ю.П. Самойлова, внучка Е.В. Скавронской-Литта, которой супруг ещё при жизни передал правление над вотчиной. В 1846 г. кимряки откупились от Ю.П. Самойловой, жившей в то время за границей, за внушительную сумму в 495 тысяч рублей.

В 1901 г. на правом берегу нынешних Кимр, где тогда располагалась деревня Савёлово (присоединена к Кимрам в 1934 г.), появилась железнодорожная станция с одноимённым названием, впоследствии связавшая Кимры с обеими столицами. В 1907 г. в Кимрах строится обувная фабрика «Якорь», будущая «Красная звезда».

Статус города село обрело указом Временного правительства 3 (16) июня 1917 г. В 1918 г. Кимры стали во главе новообразованного Кимрского уезда Тверской области; в 1929 г. — Кимрского района Московской области, а в 1935 г. вошли в состав Калининской (ныне Тверской) области.

В конце первой — второй половине XX века на правом берегу Кимр активно развивалось градообразующее предприятие — Савёловский

машиностроительный завод (до 12000 рабочих), в последние годы существенно сокративший объёмы производства.

Благодаря относительной близости к Москве (~130 км.) и расположению на берегах рек Волга и Кимрка, село, а впоследствии город, неоднократно возникало в путевых заметках. Во многих произведениях упоминается и важнейший местный промысел — обувное производство.

Очевидно, что в процессе изучения локальных текстов, мы сталкиваемся с пересечениями краеведческого и литературного дискурсов. Представим это наглядно, выделив по несколько соответствующих констант.

Литературные константы кимрского края

1. Весна 1877 — осень 1879 гг. — в этот период в имении Шубино (расположенном на территории современного Кимрского района, около села Печетово) жил А.А. Голенищев-Кутузов, работая над стихотворениями для первого, «Затишье и буря» (1878), и второго, «Стихотворения» (1884), сборников.
2. 24 (11 по старому стилю) декабря 1901 г. — в Кимрах родился А.А. Фадеев.
3. Июнь-ноябрь 1937 г. — пребывание в Кимрах О.Э. Мандельштама.
4. Осень 1937 г. — июнь 1945 г. — в Кимрах жил М.М. Бахтин.
5. Декабрь 1998 г. — создание Б.А. Ахмадулиной «Помышлений о Кимрах» — фрагмента цикла «Глубокий обморок».

Стихотворения А.А. Голенищева-Кутузова «кимрскими» можно назвать условно — образ места в них не просматривается; автор больше ориентируется на уездный центр — Корчеву, а также регулярно выезжает в Петербург. А.А. Фадеев посвятил Кимрам единственное письмо, опубликованное в местной «Коллективной жизни»; он важен Кимрам скорее как символ, предмет гордости (особенно в советское время). О.Э. Мандельштам и М.М. Бахтин оказались в Кимрах в 1937 г. с разницей в несколько месяцев. Обоим было запрещено селиться в Москве; они выбрали населённый пункт, максимально близкий к столице (за 101-километровой

отметкой), имеющий с ней железнодорожное сообщение. Мандельштам создал на кимрской земле стихотворения, называемые «савёловским циклом»⁴ (часто повторяется ошибка, определяющая местом проживания Мандельштамов географически несуществующий посёлок Савёлово; в нашей работе мы её исправляем). Бахтин в Кимрах закончил труд «Франсуа Рабле в истории реализма», а также «Дополнения и изменения к “Рабле”» 1944 года, ряд статей и набросков. Кимрский период — единственный в его биографии, сопряжённый с преподаванием в сельской школе; здесь ему ампутировали ногу (операцию, как удалось выяснить, проводил хирург В.П. Арсеньев, дальний родственник Лермонтова). До конца 1980-х гг. подавляющее число кимряков не знало, что Мандельштам и Бахтин жили в Кимрах. Данное исследование призвано, в числе прочего, окончательно «вернуть» их «кимрские жизнь и творчество» местному (и, шире, — отечественному) литературоведению.

Б.А. Ахмадулина — единственная из приведённого списка — Кимры посетить не успела, однако её «Помышления о Кимрах» оказали существенное влияние на самосознание кимряков на границе 1990-х — 2000-х гг. Фрагменты произведения публиковались в местных СМИ, исполнялись со сцены, досконально изучались на заседаниях кимрского клуба краеведов и литературной группы «Вдохновение». В исследовании акцентируется внимание на дружбе Б.А. Ахмадулиной с санитарками терапевтического отделения Боткинской больницы, «кимрским десантом»⁵; сохранились письма, воспоминания. История Кимр воссоздавалась поэтом как посредством бесед с санитарками, так и благодаря кимрским краеведческим книгам, оказавшимся в отделении больницы.

Исторические константы кимрского края

1. Первое упоминание о Кимрах — 1546 г.;

⁴ Впервые этот термин предложила В.А. Швейцер в статье «Мандельштам после Воронежа» (Вопросы литературы, — 1990. № 4. — С. 238.).

⁵ Выражение Б.А. Ахмадулиной.

2. Выкуп села Кимры у владелицы Ю.П. Самойловой — 1846 г.;
3. Строительство железной дороги — 1901 г.;
4. Основание фабрики «Красная звезда» (первое название «Якорь») — 1907 г.; Савёловского машиностроительного завода — 1915 г.;
5. Присоединение Кимр к Московской области — 1929 г.; присоединение Кимр к Калининской области — 1935 г.;
6. Присоединение к Кимрам ряда деревень, включая дер. Савёлово, и ж/д станцию «Савёлово» — 1934 г.

Не все краеведческие константы нашли отражение в художественных текстах. Писателями совершенно не затронуты расформирование Тверской губернии, присоединение Кимр к Московской, а затем — к Калининской области (тогда как с краеведческой точки зрения — это переломные, ключевые этапы кимрского бытования).

Сведения о первом упоминании Кимр и выкупе села находят отражение, в основном, в работах краеведов. Строительство железной дороги стало причиной изменения самосознания жителей Кимр — ускорился путь до Москвы, была в определённой мере преодолена оторванность от центра. Появились новые возможности для культурного и торгового обменов, стали развиваться миграционные процессы.

Фабрика «Красная звезда» и Савёловский машиностроительный завод (неоднократно меняющий название) нашли прямое отражение в художественных текстах.

Исторический и литературный пути пересекаются, но каждый рассматривает значимость явления по-своему. Важные событийно исторические константы (к примеру, присоединение Кимр к Московской области) далеко не всегда находят отражение в текстах. И наоборот — значительный «кимрский» текст (например, кимрская трилогия М.А. Рыбакова) не находит должного применения в краеведении. Между тем, наиболее объективное представление о населённом пункте складывается из многих составляющих — это и краеведческие изыскания, и образ места,

воссозданный в художественных текстах. Очевидно, что для краеведов становится существенным обращение к художественной литературе; литературоведам — к реальным историческим событиям.

И сами Кимры, и «кимрский текст» в истории России и русской литературы периферийны. Это подтверждается уже тем, что совокупное количество источников-текстов сравнительно невелико. Однако Кимры, так или иначе, отразились в творчестве В.Н. Татищева, Н.А. Некрасова, А.П. Чехова, А.Н. Островского, Т. Готье, М.Е. Салтыкова-Щедрина, В.А. Гиляровского, С.П. Подъячева, И.Г. Эренбурга, А.Н. Толстого, М.М. Пришвина, Б.Н. Полевого, Ф.И. Панфёрова, А.А. Фадеева, В.А. Кострова, А.А. Вознесенского, О.Э. Мандельштама, Н.Я. Мандельштам, Ю.В. Трифонова, А.Н. Рыбакова, А.И. Солженицына, Б.А. Ахмадулиной, Ю.М. Полякова, Л.А. Аннинского, Н.П. Красновой и др., поэтому целесообразно изучать этот обширный и разнородный материал.

Исследования локальных текстов **актуальны** сразу в нескольких аспектах. Когда внимание сосредоточено на регионах и их пограничных точках, изменяется восприятие литературного произведения (в связи с местными реалиями), уточняются неясные ранее детали: «Понимание локуса (города, территории, края) как *текста* <...> содержательно представляет принципиально новый, территориальный, аспект историко-литературного процесса»⁶. «Кимрский текст» важен не только потому, что локальные тексты — одна из актуальных проблем литературоведения. Обращение к региональному компоненту литературы приобретает особое значение в связи с процессом глобализации, следствием которого является вытеснение национальных культур в пользу популярных международных культурных явлений, что приводит к кризису национальной идентификации.

⁶ *Абашев В.В.* Пермский текст в русской культуре и литературе XX века: дисс. ... докт. филол. наук: 10.01.01. — Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 2000. — С. 5.

В исследовании рассматриваются и анализируются этапы создания образа места. Учитываются географические (Кимры расположены на берегах рек; своеобразно деление на районы и др.), индустриальные (в частности, развитие обувного промысла) и другие особенности жизни села/города, нашедшие отражение в текстах. На их основе делается попытка выстроить систему структурных и содержательных особенностей, формирующих локальный образ.

В ходе описания выделялись наиболее репрезентативные (сапожное дело, ярмарки, деревянный модерн и др.) сегменты образа места, интерпретированные в художественных произведениях; «кимрские» тексты рассмотрены с момента первого упоминания о Кимрах (XVI век) до настоящего времени.

Основные цели исследования — изучить «кимрский текст» как способ репрезентации территории (1), выделить характеризующие его отличительные черты (2), рассмотреть культурную и историческую жизнь локуса (3), отражённую в текстах. При изучении локальной биографии (периода, в который жизненный путь писателя пересекался с Кимрами) необходимо показать, как город связан с судьбами тех или иных писателей. В исследовании затронуты три аспекта этой темы: «изнутри» — биографии значимых писателей, большую часть жизни проведших в Кимрах, в нашем случае это М.А. Рыбаков и С.И. Петров; «извне» — биографии авторов, относительно недолгое время проживших в Кимрах: О.Э. Мандельштам и М.М. Бахтин; «со стороны» — биографии людей, связанных с Кимрами скорее корпусом мифов, чем корпусом текстов: А.А. Фадеев и Б.А. Ахмадулина (4). Сочетая развёрнутые описания и биографические микросюжеты, мы можем внести существенные дополнения в методологию изучения локальных текстов.

На основании целей определяются задачи исследования — собрать (1) и описать (2) максимально возможный корпус текстов, посвящённых Кимрам, а также дополнить культурный контекст наиболее значимыми биографиями

писателей, напрямую связанных с Кимрами (3); ввести в научный оборот новые, значительные (пусть и в региональном масштабе) имена (4). Так, в диссертации изучены жизнь и творчество С.И. Петрова, погибшего в первые месяцы Великой Отечественной войны⁷.

На сегодняшний день наиболее значительным (к сожалению, и единственным) собранием «кимрских» текстов является антология «Город Кимры в художественной прозе и публицистике» (Тверь: Элитон, 2012. — 152 с.; составители д.ф.н. профессор Л.Н. Скаковская, к.ф.н. доцент А.М. Бойников при участии В.В. Коркунова и А.А. Петрова).

На страницах антологии произведения писателей, формирующих большинство культурных констант края, тематически поделены следующим образом: сапожный промысел, ярмарки и торговля, приближенность к столице и железнодорожный вокзал, реки Волга и Кимрка, переправы и рыбная ловля, микротопонимика (проявленная предельно кратко), православие, принадлежность к царскому селу, пожары, Великая Отечественная война, деревянный модерн и пр. Книга стала предтечей и настоящего исследования (нами передан блок архивных, в том числе уникальных, материалов составителям).

Изданию антологии предшествовала работа краеведов (первые интересующие нас публикации относятся к 1960-м гг.), собирающих тексты, так или иначе связанные с Кимрами. На сегодняшний день источники, приведённые ими, изучены и досконально описаны⁸.

Наша работа — закономерное развитие первых изысканий. Разумеется, оно не полно; работа по сбору «кимрских» текстов не прекращается, и уже в

⁷ Также нами подготовлен сборник памяти С.И. Петрова «Осиянное слово» (М.: издательство журнала «Юность», 2011. — 74 с.), в который вошло исследование о жизни и творчестве поэта, его стихотворения, а также тексты победителей Международного поэтического конкурса им. С.И. Петрова, проводимого автором данного исследования.

⁸ Примерами таких работ являются:

Орешкин П.Н. Кимры в литературе // Коллективная жизнь. — 1962. 18 марта. — С. 3;
Коркунов В.И. Сквозь годы // За коммунистический труд. — 1988. 22 сентября. — С. 3;
Коркунов В.И. Кимры в литературе // Кимрский вестник. — 1993. 1 июля. — С. 2;
Алексеева И.А. Сапоги-сапожки // Кимрский вестник. — 1995. 5 января. — С. 3;
Боровикова Е.Н. Что читать о Кимрах? // Кимрский вестник. — 1996. 20 июня. — С. 3.

процессе исследования было обнаружено несколько неизвестных ранее источников.

Объектом исследования становятся тексты (официальные документы, путевые заметки, художественные произведения, публицистические и автодокументальные свидетельства, исторические и краеведческие работы) XVI-XXI веков, связанные с Кимрами.

Предмет диссертационного исследования — локальный «кимрский текст».

Материалом исследования является корпус текстов, связанных с Кимрами. В первую очередь, следующие издания (дореволюционный период): грамоты и акты XVI века, В.Н. Татищев «Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской»; переписка Великого князя Александра Николаевича с императором Николаем I. 1837 год, Т. Готье «Путешествие в Россию», Н.Г. Лебедев «Статистико-этнографическое описание села Кимры», Н.А. Некрасов «Кому на Руси жить хорошо», А.Н. Островский «Дневник путешествия по Волге 1856 г.», М.Е. Салтыков-Щедрин «Благонамеренные речи», «Современная идиллия», А.С. Столяров «Село Кимры и его обитатели»; (советское время): частушки о Кимрах, В.А. Гиляровский «Волга. Путеводитель по городам России», «Москва и москвичи», П.П. Дудочкин «Её судьба», Н.Я. Мандельштам «Воспоминания», О.Э. Мандельштам «Пароходик с петухами...», «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...», «Стансы», Б.Н. Полевой «Сапоги», Ю.Ф. Помозов «Течёт Волга», М.М. Пришвин «Башмаки», М.А. Рыбаков «Пробуждение», «Лихолетье», «Бурелом», «Первопуток», А.Н. Толстой «Пётр Первый», Я.З. Шведов «Кимры»; (современные тексты): Г.А. Андреев «Мы жили тогда на планете другой...», Л.А. Аннинский «Кимрогимния» («Кимрогения»), Б.А. Ахмадулина «Глубокий обморок», М.Б. Бару «Кольчуга из щучьей чешуи», В.И. Белов «Хроника тех ещё времён», В.И. Коркунов «Страницы истории кимрского края» (в двух книгах), В.Ф. Кравченко «Книга реки. В одиночку под парусом», И.М. Михайлов

«Кимры», О.П. Ситнова «Кимры», А.В. Полубота «Деревянная симфония Кимр», А.И. Солженицын «Россия в обвале», «Очерки возвратных лет: 1994-1999» и др.

Помимо непосредственного упоминания региона в произведениях, мы обращали внимание и на тексты, в которых местом действия является кимрский край, повествование связано с выходцем из Кимр и т.п. Тем не менее, для настоящего исследования важно понимание локуса как закрытого пространственного образа: «локус соотносится с конкретным пространственным образом, отсылающим к действительности»⁹. В нашем случае «конкретный пространственный образ» — Кимры.

В биографической главе материалом исследования являлись данные, полученные в архивах и музеях; воспоминания, материал, собранный нами в беседах с очевидцами, в т.ч. почерпнутый из домашнего архива, собираемого более пятидесяти лет.

Теоретическая и методологическая основа исследования. В качестве теоретической базы нами использовались работы М.М. Бахтина «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа»¹⁰, статьи из сборника «Текст: семантика и структура» под ред. Т.В. Цивьян (М.: Наука, 1983 г.), В.Н. Топорова «Петербургский текст русской литературы» (СПб.: Искусство-СПб), 2003), «Петербургский текст» (М.: Наука, 2009), Б.М. Гаспарова «Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования» (М., 1996), В.В. Абашева «Пермь как текст» (Пермь, 2000), Ю.М. Лотмана «Структура художественного текста» (М.: Искусство, 1970), «Культура и взрыв» (М., 1992), «Семиосфера» (СПб.: Искусство-СПб, 2000), Н.А. Купиной, Г.В. Битенской «Сверхтекст и его разновидности» («Человек. Текст. Культура». — Екатеринбург, 1994), В.А. Кошелева «О литературной “провинции” и литературной

⁹ Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного ун-та. — 2005. № 11. — С. 88.

¹⁰ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г.Бочаров. — М.: Искусство, 1986. — С.297-325.

«провинциальности» Нового времени», Ю.Л. Фрейдина «Долгая память столиц и провинций», Е.В. Милюковой «Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы» (все три — в сборнике «Русская провинция: миф — текст — реальность». — М., СПб, 2000), В.Ю. Прокофьевой «Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы» («Вестник Оренбургского государственного ун-та». — Оренбург, 2005), А.Л. Жебраускаса «Понятие культурных констант и поиск ориентиров постсовременности» («Известия Российского государственного педагогического ун-та им. А.М. Герцена». — СПб., 2006), А.Ю. Сорочана «Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы» (Тверь: издательство М. Батасовой, 2010), П. Нора «Проблематика мест памяти» (СПб.: изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999).

Методологическую базу составили обозначенные труды В.Н. Топорова, В.В. Абашева, А.Ю. Сорочана, а также теоретические работы, представленные в сборниках «Текст: семантика и структура» и «Русская провинция: миф — текст — реальность» (М., СПб., 2000); материалы экспедиций, в частности «Материалы бологовских экспедиций 2004 года» М.В. Ахметовой и М.Л. Лурье¹¹ и др.

При этом учитывалась методика бытописателей и краеведов, работавших в кимрском крае с середины XIX века: Н.Г. Лебедева¹², М.В. Малюгина¹³, А.С. Столярова¹⁴ до трудившихся в XX веке: А.З. Суханова¹⁵ и П.Н. Орешкина¹⁶, а также современников: В.И. Коркунова¹⁷, В.П. Покудина¹⁸ и др.

¹¹ Ахметова М.В., Лурье М.Л. Материалы бологовских экспедиций 2004 года...

¹² Лебедев Н. Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда. — СПб, 1853; Лебедев Н. Статистико-этнографическое описание села Кимры. — Кимры: Кимрская типография, 1993. — 72 с.

¹³ Малюгин М. Записки купца Малюгина. — Кимры: Кимрская типография, 1993. — 72 с.

¹⁴ Столяров А. Летопись событий с. Кимры Тверской губернии. I. С октября 1905 года по февраль 1906 г. — М.: Типография К. Л. Меньшова, 1906. — 30 с.; Столяров А. Село Кимра. // На светлый праздник. — СПб.: Типография Муллер и Богельман, 1895. — С. 127-138; Столяров А. Село Кимры и его обитатели. В царстве обуви. — Кимры: Кимрская типография, 1992. — 88 с.

¹⁵ Суханов А.З. Бывшие владельцы села Кимры XVI-XIX вв. — Кимры: Кимрская типография, 1997. — 80 с.

¹⁶ Орешкин П. Скульптор Абалев // Родной край. Книга 8. — Калинин: Книжное издательство, 1956. — С. 336-344.

В работе мы учитываем методологические принципы В.Н. Топорова, выявившего корпус текстов, связанных с Петербургом и описавшим его; определившего и систематизировавшего наиболее важные лексемы. Насколько это было возможно, *мы выделили основные культурные константы и постарались зафиксировать слова, характеризующие их* (итог данной работы представлен в Таблице, см. Приложение).

Также мы обращаемся к принципам, обозначенным М.Л. Лурье, который наметил пути исследования локального текста: «В существующих работах о городских локальных текстах наиболее распространены два подхода. В одном случае исследователи пытаются, анализируя материал, прежде всего обнаружить общие идеи (или мотивы), доминирующие в городском самосознании и формирующие его специфичность. Это позволяет в обобщенном виде воспроизвести “образ места” как сумму его основных семантических характеристик и образных кодов. Другой путь состоит в выявлении максимального репрезентативного ряда единичных объектов (напр., район города, прославленный земляк, изображение на гербе, эпизод городской истории и т.п.), которые в данном локальном тексте становятся предметом семантизации и фактором текстопорождения. Этот путь приводит к выявлению актуального тезауруса местной культурной традиции и, в пределе, — к идее описания каждого локального текста в словарно-энциклопедической форме»¹⁹.

Не отказываясь от первого подхода, мы концентрируем внимание на втором — *начиная от генезиса и, анализируя последующие трансформации, доводим описание (на ключевых репрезентативных точках) текстов до сегодняшнего дня*. Таким образом, можно наглядно проследить процессы

¹⁷ Коркунов В.И., Коркунов В.В. Страницы истории кимрского края. — Тверь: Марина, 2008. — 336 с.; Коркунов В.И. Страницы истории кимрского края. Книга вторая. — Тверь: Издательство М. Батасовой, 2010. — 344 с.

¹⁸ Кашинская писцовая книга 1628-1629 / Сост. В.П. Покудин. — Кимры: Кимрская типография, 2006. — 224 с.

¹⁹ Лурье М.Л. Элементы локального текста: методика контекстного анализа [Электронный ресурс] // http://www.ruthenia.ru/folklore/ls10_program_lurye.htm.

зарождения, затухания, варьирования тех или иных жизнеобразующих кимрских констант. В этом видится эволюция локального самосознания, дарвиновский отбор — под влиянием места (так, скажем, в кимрском крае исторически слабо развито сельское хозяйство вследствие болотистой местности) и времени (например, советское время предопределило разрушение ярмарочных традиций).

Наконец, мы обращаемся к работам А.Ю. Сорочана, отмечавшего, что «в XX веке литературное краеведение должно учитывать накопление “образов пространства” — и в творчестве местных авторов, и в “централизованных” репрезентациях локуса»²⁰. Вместе с этим мы понимали, что «недостаточно знать, какие писатели бывали или постоянно проживали в том или ином регионе и что они писали об этом регионе. Недостаточно составить перечень текстов, в которых упоминается данный регион»²¹. Мы опирались на выявление культурных констант, наиболее репрезентативно, на наш взгляд, отражающих образ места, суть его духовной жизни и эволюции.

В качестве основного метода выявления «кимрского текста» мы использовали историко-литературный (это связано с относительной неразработанностью — вследствие новизны темы — научно-методологического аппарата и принципов выявления локальных текстов). Помимо художественных текстов, в работе рассматриваются и локальные биографии. Это даёт возможность точнее понять и проанализировать произведения, написанные в Кимрах или связанные с этим местом.

Степень разработанности проблемы. Образ места как литературно-исторический феномен впервые проявился в англоязычных исследованиях первой половины XX века²². Структура исследования следует модели, заданной в монографии А.Ю. Сорочана, посвященной «тверскому тексту»: сбор и описание источников (1), встраивание их в национально-культурную

²⁰ Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы... С. 9.

²¹ Там же. С. 8.

²² Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы... С. 166.

среду (2), обобщение собранного материала одновременно с реконструированием образа (3) и поиск причинно-следственных связей в полученном образе (4)²³.

В отечественной практике текстуализация пространства началась с выявления петербургского текста (в 1973 г.) В.Н. Топоровым. Итогом первых изысканий стал труд «Петербург и петербургский текст русской литературы» (Петербург. — Тарту, 1984). В последующие годы проблематика локального текста, в первую очередь, как *нового, неразработанного явления в науке*, стала достаточно популярна (этому посвящены уже упомянутые исследования В.В. Абашева, А.Ю. Сорочана, а также монографии А.П. Люсого «Крымский текст в русской литературе» (СПб.: Алетейя, 2003), «Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры» (М.: Вече: Русский импульс, 2013), диссертационное исследование Т.А. Юдиной «Концепт “Оренбург” в произведениях русских писателей XIX-XX вв.» (Оренбург, 2009), конференции, посвящённые столичным и провинциальным текстам и др.). По словам М.В. Строганова, «современную филологию охватила тотальная текстуализация пространства»²⁴.

Попробуем разобраться в феномене локального текста, учитывая недостаточную разработанность (вследствие относительной новизны темы) понятийного и методологического аппарата на сегодняшний день. Говоря о локальном тексте, М.Л. Лурье вывел достаточно универсальное определение: «*локальный текст* (курсив М.Л. Лурье. — В.К.) понимается как система ментальных, речевых и визуальных и стереотипов, устойчивых образов, сюжетов и поведенческих практик, связанных с каким-либо городом и актуальных для сообщества, идентифицирующего себя с этим городом»²⁵.

Соглашаясь с этим, отметим, что определение локального текста применительно к небольшим городам (Пермь в исследовании В.В. Абашева

²³ Там же.

²⁴ Строганов М.В. Рецензия: Люсый А.П. «Крымский текст в русской литературе» // НЛО — 2003, № 64. — С. 380.

²⁵ Лурье М.Л. Элементы локального текста...

— город провинциальный, но небольшим его не назовёшь) и более-менее объективный разговор о них не может быть в полной мере правомочным по одной причине: он формируется скорее не путём выборки и анализа, а накопления, где выборка и анализ в силу объективных причин — малого корпуса текстов — отходят на второй план. Это, в первую очередь, повышает роль и значение исследователя — сборщика текстов, поскольку от более полного перечня произведений, связанных с Кимрами, зависит максимально объективное выявление закономерностей и особенностей его представления. Большее значение приобретают первые упоминания о Кимрах — грамоты, описания, акты; в них задаются основополагающие для локуса элементы — промыслы, бытовые и географические особенности и т.д. Исходя из них, имея представление об исторических и топонимических чертах местности, можно подходить к определению непосредственно «кимрского текста».

В данном исследовании мы, помимо описания собранных материалов, старались проследить и за эволюцией места: духовной, производственной, бытовой, топонимической. Отдельно были отслежены изменения в образе кимряка (кимрячки).

В.Н. Топоров указывает на достаточный признак Петербургского текста: более глубокие сакральные сущности, тайный нерв, «путь к нравственному спасению, к духовному возрождению в условиях, когда жизнь гибнет в царстве смерти, а ложь и зло торжествуют над истиной и добром»²⁶. (Устойчивые описания, будь они «климатическими, топографическими, пейзажно-ландшафтными, этнографически-бытовыми и культурными»²⁷ в этой системе нелегитимны.) В отношении «кимрского текста» ориентация на подобный признак вряд ли может быть применима, поскольку имеющихся текстов порой недостаточно для определения необходимых констант.

Предположение, что единый петербургский текст создаётся многими авторами (и другие теории Топорова относительно данного феномена)

²⁶ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. — СПб.: Искусство-СПБ, 2003. — С. 27.

²⁷ Там же. С. 26.

активно оспаривается. Не соглашаясь с ними в сути (иначе сама работа по выявлению «кимрского текста» была бы бессмысленной) но соглашаясь в некоторых частностях касательно «осознавания» автором своей сакральности, процитируем мнение В. Шмида: «Петербургский текст никакими чертами текста не наделён. Он не обладает главным, то есть интенциональным единством, за которым стоит некий авторский замысел. Осознавание автором того, что он причастен к общему делу, а именно к созданию некоего сверхтекста, некоей формации, если и наблюдается, то лишь к концу существования этой формации, то есть в эпоху модернизма. Хотя классические представители этой формации создавали “петербургские” повести и поэмы вполне сознательно и специфическую их петербургскость понимали, идея соединяющего их большого ПТ (Петербургского текста. — В.К.) им была, конечно, чужда»²⁸. Такое мнение также имеет право на существование.

Очевидно, что «кимрский текст» как таковой обладает ещё меньшими чертами текста. Наделение текста кимрскими чертами становилось задачей небольшого круга авторов (например, М.А. Рыбакова, О.П. Ситновой, Я.З. Шведова). История, запомнившийся образ, интересное фонетическое созвучие чаще были условиями упоминания локуса. (Только одна тема прозвучала отчётливо во все временные периоды — обувной промысел.)

Локальный текст помогает выявить комплекс культурных констант — реконструировать их, и на этой базе обозначить ключевые точки развития населённого пункта, определить наиболее значительные его элементы — выявить своеобразие.

М.М. Звягинцева в работе «Константы региональной культуры» предположила, что «комплекс культурных констант является также основным содержанием культурной памяти», которая выражается «как

²⁸ Шмид В. Что такое “ПТ”? // Существует ли петербургский текст?: Петербургский сборник. Вып. 4 / Под ред. В.М. Марковича и В. Шмида. — СПб., 2005. — С. 6.

особая символическая форма передачи и актуализации культурных смыслов, выходящая за рамки опыта отдельных людей или групп, сохраняемая традицией, формализованная или ритуализованная»²⁹. То есть — тем или иным образом передаётся из поколения в поколение и охватывает общество шире, чем каждая конкретная группа.

Применительно к кимрскому краю выделяются культурные константы; именно они определяют базовую структуру локального текста. Следом за А.Л. Жебраускасом мы употребляем слово «константа» в его «качественном значении — “самое значимое”, “системообразующее”, а не в буквальном — “непреходящее”, “неизменное”»³⁰.

Для Кимр это, в первую очередь, сапожный промысел (1), ярмарки и торговля (2), приближённость к столице и ж/д вокзал (3), Волга, Кимрка, та или иная переправа через них (4), микротопонимическая градация (5), православная традиция (имеется в виду, в первую очередь, Покровский собор, сохранившийся в памяти предков подобием Успенского собора Московского Кремля) (6), царское село (7), проблема наркомании (8) и некоторые другие.

«Кимрский текст» формируется и с учетом сложившихся представлений о нём, и с использованием текстов, вводящих новые, «нелегитимные» представления — чаще всего это частные характеристики места. Сосуществуют образ региона в контексте российской литературы и локальный образ, возникший непосредственно в кимрском крае. В исследовании акцентируются проявления гетеростереотипа (представления об иной общности; в нашем случае представления не кимрских авторов о Кимрах) и автостереотипа (представления о своём; в нашем случае

²⁹ Звягинцева М.М. Константы региональной культуры [Электронный ресурс] // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного ун-та. — 2007. № 2. — <http://www.scientific-notes.ru/pdf/sa29.pdf>.

³⁰ Жебраускас А.Л. Понятие культурных констант и поиски ориентиров постсовременности // Известия Российского государственного педагогического ун-та. — 2006. № 20. — С. 19.

представления кимрских авторов о Кимрах)³¹ в художественных произведениях. Гетеростереотип формируется раньше. И к моменту появления первых свидетельств кимряков стереотипное представление о крае уже сформировано.

В.В. Абашев во введении к докторской диссертации «Пермский текст в русской культуре и литературе XX века» формулирует: «Историко-культурную жизнь любого исторически развитого локуса (города, региона) можно описать как процесс становления и эволюции особого “локального текста”, который формируется как существенное смысловое единство всех “высказываний” о данном локусе и закрепляется в культурном сознании как целостный образ места, оказывая формирующее влияние на его восприятие»³². При этом локус — Пермь — понимается как текст, открывающий новые горизонты для интерпретации литературных произведений (в отношении «кимрского текста» мы поостереглись это делать). Одновременно с этим исследователь представляет «принципиально новый, территориальный, аспект историко-литературного процесса»³³. Здесь же вырабатывается и особый взгляд на саму Пермь. Но если Пермь — город с миллионным населением, как быть с Кимрами, население которых — менее 50 тысяч человек, а в досоветские времена составляло всего несколько тысяч? Возможны ли обобщения? Только частичные.

Единого канона в процессах выявления локальных текстов на сегодняшний день нет. В связи с этим логичным выглядит следующее утверждение В.В. Абашева: «Отмечая несомненные успехи литературной регионалистики, нельзя не признать, что в её развитии пока преобладает эмпирический, описательный подход. Сказывается недостаточная

³¹ О продуктивности анализа гетеро- и автостереотипов в процессе исследования локального текста см.: Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы... С. 168, 169.

³² Абашев В.В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века. — Екатеринбург, 2000. — С. 10.

³³ Там же. С. 5.

разработанность теоретической основы таких исследований, учитывающих специфичность массового литературного материала»³⁴.

Кимры как провинция особенно остро воспринимаются в последние десятилетия изнутри. Принадлежность к столице, пусть и «обувного царства», предопределяла особый взгляд на ближайшее окружение — сёла и деревеньки отступали перед миром сапожников; несомненным поводом для гордости служили государственные заказы на производство обуви. В.Н. Топоров в статье «Пространство и текст» выводил «два логических полюса <...> соотношения: текст пространственен <...> и пространство есть текст (т.е. пространство как таковое может быть понято как сообщение)»³⁵. Можно предположить, что текст в той же мере формирует пространство, как и пространство — текст, иначе большая часть исследовательской работы, текстуализирующей пространство, теряла бы смысл, становясь исключительно литературным краеведением. Тема пространства, так или иначе, проникает в локальные провинциальные тексты, особенно малых городов, расположенных в тени больших, как, скажем, Кимры, находящиеся между Москвой и Санкт-Петербургом. Аналогично описывали Бологое М.В. Ахметова и М.Л. Лурье в «Материалах бологовских экспедиций 2004 года»: «Благодаря своему положению на дороге из Петербурга в Москву, Бологое осмысляется как некий промежуточный, транзитный локус»³⁶.

Транзитный локус. Находящийся в тени больших путей и свершений.

Железнодорожные пути связывают обе российские столицы и через Кимры.

Определив ключевые для развития города и района темы (культурные константы), мы можем судить об изменяющемся самосознании, духовном росте — об особости Кимр в ряду больших и малых российских городов.

³⁴ Там же. С. 9.

³⁵ Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Отв. Ред. Т. В. Цивьян. — М.: НАУКА, 1983. — С. 227.

³⁶ Ахметова М.В., Лурье М.Л. Материалы бологовских экспедиций 2004 года...

Безусловно, пространство оказывает влияние на текст (пахотные земли не приносят большого урожая, приходится заниматься ремёслами, отсюда и сапожная тема). Но, одновременно, и текст оказывает влияние на пространство; обороненное кем-то словосочетание «Кимры — обувная столица» укореняется от поколения к поколению.

Есть и общие места, разбросанные по множеству текстов. Но как их выделить, если упоминания «одного и того же» применительно к Кимрам, могут разделять даже не годы, а века («Зарека» появляется у А.Н. Островского в XIX веке, затем у И. М. Михайлова в XXI веке, а между ними — иные формы употребления микропонима)?

Ответ, предлагаемый нами, таков: описанием, в процессе которого будут фиксироваться «общие места», группироваться, выделяться из контекста.

Наиболее внятно, на наш взгляд, понятие **локального текста** прописано в докторской диссертации В.В. Абашева, где автор обращает внимание на теорию Ю.М. Лотмана: «...как текст может выступать и отдельное произведение, и его часть, и композиционная группа, жанр, в конечном итоге — литература в целом³⁷». От одного обобщения (текст = литература) нетрудно перейти ко второму (локус = текст). Затем в исследовании В.В. Абашева представлен дальнейший «путь» от текста к локальному тексту — через труды Б.М. Гаспарова («Действие презумпции текстуальности состоит в том, что осознав некий текст как целое, мы тем самым ищем его понимания как целого³⁸», Н.А. Купиной и Г.В. Битенской (текст как единица культуры, свертекст: «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединённая содержательно и ситуативно, характеризующаяся цельной модальной установкой, достаточно определёнными позициями адресанта и адресата, с особыми критериями

³⁷ Абашев В.В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века... С. 14.

³⁸ Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М., 1996. — С. 324.

нормального/анормального³⁹»). В.В. Абашев полагает, что «<мы> выходим к тому, чтобы всё богатство и многообразие знаковых (текстовых) репрезентаций локуса объединить в рамках особого текстового единства, а именно локального текста⁴⁰».

Учитывая множество толкований и не устоявшийся понятийный аппарат, а также ориентацию предыдущих исследователей преимущественно на масштабные локусы (Петербург, Москва, Пермь, Крым и др.), в диссертации мы уточняем определение локального текста: *Локальный текст* — это совокупность гетеростереотипных и автостереотипных текстуальных воплощений локуса, имеющих не случайный характер, в которых проявляются культурные константы края (или личное его восприятие), воспроизводящие образ места.

Мы поддерживаем идею, вынесенную в предисловие к сборнику «Геопанорама русской культуры: провинция и её локальные тексты»: «Очень часто разное представляется в виде хаотического набора местных достопримечательностей. Осмыслить их общность, увидеть в них проявление культурной традиции помогает сложившийся образ каждой из русских земель — “провинций”, благодаря которому она и воспринимается как культурный феномен»⁴¹. Итак, отталкиваясь от первой и основополагающей константы «Кимры — сапожное царство», мы начинаем изучать локус.

Важной частью работы, на наш взгляд, стала разработка биографической главы, в определённой степени отвечающая на вопрос, как особенности ландшафта, эпохи, культурного контекста местности влияют на личность и её талант.

В I главе нами исследуется «кимрский текст» — с момента появления первых свидетельств до наших дней. Это стало возможным благодаря

³⁹ Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура. — Екатеринбург, 1994. — С. 215.

⁴⁰ Абашев В.В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века... С. 17.

⁴¹ Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты [Электронный ресурс] // <http://lib.rus.ec/b/181573/read>.

сравнительно малому количеству текстов, связанных с Кимрами (что, в свою очередь, предопределила относительная незначительность населённого пункта). При этом мы внимательно следили за проявлениями автостереотипа и гетеростереотипа. Предложенная периодизация такова: дореволюционный период (мы его делим на параграфы, посвящённые первым упоминаниям о Кимрах, переходу от торговых текстов к текстам литературным и зарождению литературы непосредственно в Кимрах), советское время (выделяя произведения 1920-1930 гг., военного времени и периода от послевоенных лет до начала 1990-х гг.), а также Кимры в современной художественной литературе и публицистике (с разделением на 1990-е и 2000-е гг. — вплоть до 2014 г.). И если в текстах дореволюционного периода автостереотип только зарождается, в советское время он существует в произведениях параллельно с гетеростереотипом. На пересечениях взглядов извне и изнутри мы заострили внимание, анализируя произведения последнего периода, поскольку отчётливо наметились расхождения в описаниях локуса: критическое (автостереотипа) и зачастую излишне положительное (гетеростереотип).

Во II главе мы концентрируемся на локальных биографиях Б.А. Ахмадулиной, М.М. Бахтина, О.Э. Мандельштама, С.И. Петрова, М.А. Рыбакова и А.А. Фадеева, по-разному связанных с Кимрами. Петров и Рыбаков — создатели автостереотипа — всю сознательную жизнь провели в черте города. Мандельштам и Бахтин оказались здесь (101-й километр) по причине невозможности жизни в Москве. Фадеев родился в Кимрах и несколько раз (в зрелости) бывал в этих местах. Ахмадулина здесь, напротив, ни разу не бывала, однако общалась и вела переписку с рядом кимряков. Анализируются «кимрские» произведения обозначенных авторов, в некоторых случаях даются новые трактовки (например, предлагается новое осмысление стихотворения О.Э. Мандельштама «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...»). Также в главе акцентируется внимание на том факте, что без изучения нюансов региональной биографии локальный (в нашем случае,

«кимрский») текст остаётся одномерным; при объединении истории места с историей образа места, на наш взгляд, краеведческая и литературоведческая работы выходят на новый уровень.

Для более точного понимания описываемых явлений, мы максимально насыщали текст историческими фактами, данными, почерпнутыми из архивов, библиотек, газетных подшивок и рассказов кимряков. Также мы старались учитывать максимальное количество свидетельств (даже не самого выдающегося литературного качества — где их взять в достатке?). В работе мы намеренно избегаем обозначения «городской текст», поскольку Кимры — бывшее село; город, включивший в себя ряд окрестных деревень, не может восприниматься в отрыве от района. В некоторой степени представленная работа — альтернативная история края; история, выявленная и проанализированная под иным углом, в которой город воспринимается через призму текста. Исследование не может считаться полным, поскольку его можно проводить бесконечно, как и любую литературно-краеведческую работу. В его процессе мы постоянно дополняли список текстов, искали новые пересечения и соотношения уже известных связей.

Научная новизна. В исследовании впервые изучается и описывается «кимрский текст»; обстоятельно рассмотрен локальный текст малого провинциального города, бывшего села. Предлагается новое определение локального текста, что видится уместным в период формирования научно-методологических представлений о данной проблеме. Научно продуктивным нам представляется и анализ нового локального материала, связанного с кимрской культурой, литературой и историей.

В диссертации сделан акцент на введение в научный оборот новых имён, в первую очередь, местного и областного значения; отдельные биографические исследования посвящены С.И. Петрову и М.А. Рыбакову — они призваны обогатить тверское литературоведение (в случае с обоими авторами имеют место и процессы возвращения имён). В диссертации представлены новые материалы о жизни и творчестве Б.А. Ахмадулиной,

М.М. Бахтина, О.Э. Мандельштама, С.И. Петрова, М.А. Рыбакова, А.А. Фадеева, внесены уточнения в творческие биографии названных авторов.

Структура и объём работы. Диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, включающего 280 наименований. Диссертация содержит 240 страниц, 1 приложение.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения полученных данных в выявлении и описании локального текста. Результаты исследования могут быть использованы в вузовских и школьных курсах по литературному краеведению, истории литературы, в спецкурсах и спецсеминарах, посвященных проблематике локального текста.

Теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных знаний в области изучения и описания локального текста и биографических материалов, а также в научном осмыслении «кимрского текста». Представленная диссертация — первое подобное исследование, сконцентрированное на малом локусе, что делает её теоретические и методологические построения существенными для последующих научных изысканий.

Степень достоверности результатов исследования обеспечивается, с одной стороны, основательным анализом накопленной литературы по проблематике локального текста, с другой стороны — всесторонним исследованием и анализом практического материала.

Апробация результатов.

Выступления. Доклад в рамках круглого стола VII поэтических встреч «Берновская осень». Пос. Берново Тверской области. 2 октября 2011 г. («Савёловский период» в русской литературе); I Научно-практическая конференция «Современная русская литература: истоки, перспективы, параллели». Москва. 29 октября 2011 г. («Савёловский период» в русской литературе); I Международная научная конференция «Связь времён», посвященная 75-летию со дня рождения Беллы Ахмадулиной. Москва. 28 мая

2012 г. («“Столица сердца” Беллы Ахмадулиной. Кимрский след в творчестве поэта»); Международная научная конференция «Настоящее как сюжет». Тверь. 12 мая 2013 г. («Образы санитарок в цикле Беллы Ахмадулиной “Глубокий обморок”»: к вопросу о герое времени в художественной литературе»); Лекция в Останкинском институте телевидения и радиовещания. 20 ноября 2013 г. («“Кимрский текст” русской литературы»).

Публикации.

Книги. Коркунов В.И., Коркунов В.В. Кимрская старина 3. — Кимры, 2004; Коркунов В.И., Коркунов В.В. Страницы истории кимрского края. — Тверь: Марина, 2008; Коркунов В.В. Савёловский период в судьбах русской литературы. — Кимры, 2012; Коркунов В.И., Коркунов В.В. Кимрская старина 7. — Кимры, 2012; Коркунов В.В. Люди кимрского края. — Кимры, 2014; Коркунов В.И., Коркунов В.В., Коркунова М.П. Страницы истории кимрского края. Книга третья. — Кимры, 2015; Коркунов В.В. Кимры в тексте. — М.: Академика, 2015.

Статьи в книгах и сборниках. Коркунов В.В. 80 лет литгруппы: от кружка до «Вдохновения» // «Где-то в городе...». — Кимры, 2007. — С. 3-8; Коркунов В.В. «Пароходик с петухами». О пребывании Осипа Мандельштама в Кимрах // В зеркале. — Тверь: Марина, 2008. — С. 96-105; Коркунов В.В. «Не совсем ведь я ушёл...» Пропавший голос Сергея Петрова // Обретённый голос / Под ред. В.В. Коркунова. — М.: издательство журнала «Юность», 2011. — С. 3-13; Коркунов В.В. Литературная группа «Вдохновение» // Молодой Петербург 2010-2011. — СПб, 2011. — С. 169-179; Коркунов В.В. Образы санитарок в цикле Беллы Ахмадулиной «Глубокий обморок»: к вопросу о герое времени в художественной литературе // Настоящее как сюжет: материалы международной научной конференции. — Тверь: издательство М. Батасовой, 2013. — С. 246-249; Коркунов В.В. Петров Сергей Иванович // Тверские памятные даты на 2014 год. — Тверь: ТО «Книжный клуб», 2013. — С. 198-200; Коркунов В.В. Временное пристанище. «Дачные каникулы» Осипа Мандельштама // Корни,

побеги, плоды... Мандельштамовские дни в Варшаве. — М.: РГГУ, 2015. — С. 281-308.

Периодические издания (выделены издания, входящие в список ВАК).
Коркунов В.В. «Пароходик с петухами» (О пребывании Осипа Мандельштама в Кимрах). Предисловие Б.А. Ахмадулиной // Знамя. — 2009. № 2. — С. 153-158; Коркунов В.В. Подрезанные крылья. «Савёловский период» Михаила Бахтина // Юность. — 2010. № 9. — С. 29-37; Коркунов В.В. «Милая, милая Таня...» (о Б.А. Ахмадулиной) // Тверской литературный альманах. — 2010. № 13. — С. 113-119; Коркунов В.В. Возвращение Михаила Бахтина // Тверской литературный альманах. — 2010. № 13. — С. 120-121; Коркунов В.В. Стихи о больничной одинокости. «Глубокий обморок» Беллы Ахмадулиной // Осиянное слово. — 2011. № 2. — С. 103-108; Коркунов В.В. Литературная мозаика // Литера. — 2012. № 6. — С. 101-116; Коркунов В.В. Памяти великого поэта (об О.Э. Мандельштаме) // Homo Legens. — 2012. № 2-3. — С. 182-187; Коркунов В.В. «Столица сердца» Беллы Ахмадулиной. Кимрский след в творчестве поэта. Комментарии // Знамя. — 2011. № 9. — С. 199-209; **Коркунов В.В. Зарождение литературы в Кимрах // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». — 2013. Выпуск 4. — С. 221-225;** Коркунов В.В. «Дачные каникулы» Михаила Бахтина // Зарубежные записки. — 2013. № 2. — С. 106-120; **Коркунов В.В. Ещё раз о «Савёловском периоде» Осипа Мандельштама. К вопросу о разночтениях в стихах и сохранении памяти поэта в Кимрах // Вопросы литературы. — 2013. Ноябрь-декабрь. — С. 125-132;** Коркунов В.В. Локальный текст как предмет исследования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2014. № 6/2. — С. 196-198; Коркунов В.В. Локальный текст: к вопросу объединения биографического и исторического контекстов // Дети Ра. — 2014. № 7. — С. 73-76; Коркунов В.В. Рифма к слову «кимры» // ЛитГост. — 2014. № 11. — С. 12; **Коркунов В.В. На пути к «кимрскому тексту»: теория и практика // Вопросы литературы. — 2014. Ноябрь-декабрь. — С. 325-344;** Коркунов

В.В. А. А. Фадеев: осуждённый быть жестоким // Тверская старина. — 2015. № 35. [В печати].

Положения, выносимые на защиту.

1. «Кимрский текст» в русской литературе — постепенно формирующееся единство, для которого характерно взаимодействие автостереотипа и гетеростереотипа. На материале текстов, созданных в Кимрах и о Кимрах, мы можем выделить основные черты авто- и гетеростереотипов в локальном тексте.

2. Особенность «кимрского текста» — постепенное усиление базовых локальных констант, самых значимых, системообразующих элементов локуса (сапожный промысел, приближенность к столице, железнодорожный узел и др.). В литературе XIX-XXI веков мы можем обнаружить, как эти константы определяют формирование образов Кимр и кимряков.

3. «Кимрский текст» — яркий пример текста провинциального; ему свойственно противопоставление двух моделей: Кимры — центр мира и Кимры — окраина. В текстах местных авторов до 2000-х гг. Кимры представлены условным «центром»: «одно из лучших сёл» (Н.Г. Лебедев), «счастлива я только здесь» (О.В. Федотова); в текстах новейшего времени наметился мотив «окраинности»: Кимры как малый городок (Ю.Г. Максименко, Л.О. Старшинова, Л.И. Куляндрова). В гетеростереотипе «оппозиция» определяется исходными целями текста: путешественники видят в населённом пункте то «сильно развитое, богатое и представительное село» (Н.Н. Лендер) или «сапожный центр» (С.П. Подъячев), столицу деревянного модерна (М.Б. Бару); «периферия» чаще описывается при случайных посещениях села/города (Т. Готье).

4. Многие тексты содержат стереотипный образ провинциального города; принципы стереотипизации заимствуются из краеведческого дискурса. Особенно это характерно для литературы конца XX века. Взаимодействие литературы и краеведения на примере Кимр сводится к созданию ряда текстов, в которых условно представлены ключевые

исторические события (самый репрезентативный пример: «Помышления о Кимрах» Б.А. Ахмадулиной) без фактических искажений.

5. Биографии авторов, связанных с кимрским краем, составляют очень важный элемент локального текста. Это касается как писателей, связанных с Кимрами условно (Фадеев родился в городе, Ахмадулина здесь не бывала), так и авторов, составлявших «гордость кимрского края» (автостереотипы в данном случае проявляются и в конструировании биографии).

6. На основе анализа и сопоставления «кимрского текста» с иными типами провинциального текста представлено уточнённое определение: локальный текст — это совокупность «внешних» и «внутренних» текстуальных воплощений локуса, в которых фиксируются культурные константы региона.

ГЛАВА I

«КИМРСКИЙ ТЕКСТ»: ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ

1.1. Дореволюционный период

1.1.1 Первые упоминания о Кимрах

Художественного осмысления Кимр первые документы, дошедшие до нас — грамоты и акты — не предполагали, однако при формировании образа места они играют немаловажную роль — в них появляются константы, связанные с кимрским краем, имеющие большое значение для самосознания кимряков и не теряющие актуальности на протяжении веков. Первым документом, в котором фигурировало слово «Кимры» (а точнее: «Кимра»), стала грамота Великого князя Ивана Васильевича (Грозного) 1546 года. Суть её сводилась к следующему: купленную беспошлинно соль игумен Афанасий с братией могли продавать в Кимре и окрестных сёлах, а проданная соль не облагалась пошлинами. Здесь же встречалось упоминание о кимрских ярмарках: «Дата им соль в Москву вести и продавати по города на Белозере, и на Угличе, и в Кашине, и в Твери, и в Димитрове и по волостям и на Холопье в Ярманке, и на Кимре и по селом, где им в тех городех случится та соль продати»⁴². Торговое село Кимра было известно в этом качестве уже к середине XVI века — нетрудно предположить, что репутация заработана за немалый промежуток времени.

Следующий документ также связан с Иваном Грозным — грамота от 4 июля 1549 г., выданная Грише Оникееву в Дмитров⁴³. Гриша Оникеев обязан помогать кимрским и дмитровским таможенникам собирать дань с неплательщиков — эти деньги должны доставаться таможенникам, а

⁴² ЛОИИ. Оп. 1. № 165.

⁴³ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. I. — СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1836. — С. 212-213.

вырученное за протаможье (пошлина за неявку товаров на таможду) — делиться: рубль таможенникам, рубль — царю.

Содержание грамоты указывает на размах торговли в Кимрах и Дмитрове (в противном случае неплательщики едва ли обратили бы на себя внимание царя), а также на относительное богатство села.

В приведённом отрывке обращает на себя внимание слово «кимряне» — именно так называли жителей Кимр в тот период («кимрянин»-«кимрянка»-«кимряне»). В «Петре I» А.Н. Толстой ближе к концу книги вводит героиню — бабу-кимрянку Домну Вахрамееву⁴⁴; наименование «баба-кимрянка» было отдельно отмечено местными краеведами⁴⁵. В скором времени «кимряне» уступят «кимрякам» («кимряк»-«кимрячка»-«кимряки»), последнее определение бытует с XIX века. Оба варианта употребляются и сейчас. Исчезновению слова «кимряне» препятствуют краевед В.И. Коркунов⁴⁶, художник К. Пак⁴⁷; в недавнем эфире на телеканале «ОТР»⁴⁸ жителей Кимр также называли «кимрянами».

Следующим обнаруженным текстом стало «Генеральное соображение по Тверской губернии, извлечённое из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783-1784 г.». В нём упоминается сапожный промысел — ключевая характеристика Кимр на протяжении всей истории города («Старинный, досточтимый городок,/ прилежный прихожанин и сапожник...»⁴⁹ — Б.А. Ахмадулина). Отдельно отмечены функционирующие в волости (в тот период Кимры входили в

⁴⁴ Толстой А.Н. Пётр Первый. — М.: Советская Россия. — С. 481. (Первое появление персонажа.)

⁴⁵ Орешкин П.Н. Кимры в литературе...

⁴⁶ Во многих книгах, например: Коркунов В.И., Коркунов В.В. Страницы истории кимрского края. — Тверь: Марина, 2008. — 336 с.; Коркунов В.И. Страницы истории кимрского края. Часть вторая. — Тверь: издательство М. Батасовой, 2010. — 344 с.

⁴⁷ Коркунов В.В. Люди кимрского края. — Кимры, 2014. — С. 90.

⁴⁸ В рамках цикла программ «Малые города России». Эфир от 26.06.2013 года. Интернет-источник: http://www.otr-online.ru/programmi/programmiparts_3561.html. В программе, впрочем, допущена масса фактологических ошибок. Так, Кимры названы бывшей столицей башмачников (правильно — обувщиков), было сказано, что О.Э. Мандельштам был сослан в Кимры, что также неверно — опальному поэту было запрещено селиться в ряде крупных городов СССР, выбор в пользу Кимр им был сделан добровольно, и др.

⁴⁹ Ахмадулина Б.А. Озябший гиацинт. — М.: Астрель: Олимп, 2008. — С. 164.

состав Корчевского уезда) скипидарные и кожевенные заводы, дано описание ярмарок:

«Ярмонок годовых бывает в уезде три: в селе Кимре Графини Скавронской Июня 29 и Октября 1-го и притом еженедельный торг по субботам; в селе Ильинском Июля и Ноября 8 и по зимам еженедельные в пятницы торги; в селе Горицах еженедельный торг по воскресеньям; в Кимру о Покровской ярмонке съезжается купечество из Твери, Кашина и Калязина с разными для употребления крестьянского шолковыми и бумажными товарами; обыватели — с хлебом, лесом, деревянною посудой»⁵⁰.

Торговля занимает всё более важное место в жизни села. В тексте мы фиксируем новые товары, привозимые в Кимры (очевидно, что хлеб был произведён не в этих краях). И — обратим внимание на ярмарку «1-го Октября», отразившуюся и в описательном труде В.Н. Татищева «Лексикон Российской исторической, политической и гражданской» (Часть III)⁵¹. Ещё одна деталь, упомянутая Татищевым относительно Кимр, стала причиной многих споров среди кимрских краеведов: «сие место по гистории Руской хотя прежде исхода 12 ста по Христе не упоминается, однако ж видимо, что весьма древнее жилище, ибо в не дальнем от онаго разстоянии видно древнее городище»⁵². Судя по всему, историк имел сведения о более ранних упоминаниях Кимр, датированных XI веком. На сегодняшний день, несмотря на продолжающийся поиск, о них ничего не известно. Запросы в архивы и фонды однозначного ответа не дали — эксперты предполагали, что Татищев, скорее всего, имел в виду местность близ гидронима Кимрка, нежели одноимённый населённый пункт⁵³.

⁵⁰ Генеральное соображение по Тверской губернии, извлечённое из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783-1784 г. — Тверь: Типография Губернской Земской Управы, 1873. — С. 60.

⁵¹ *Татищев В.Н.* Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. Часть III. — СПб.: В Типографии Горного Училища, 1793. — С. 204, 205. (В антологии «Город Кимры в художественной литературе и публицистике ошибочно указано: «Часть I». Ошибка, судя по всему, вызвана тем, что экземпляр книги Татищева, который попался в руки исследователям, был сшит с последующими частями — такой же экземпляр оказался и у нас.)

⁵² Там же. С. 205.

⁵³ Сведения о переписке находятся в домашнем архиве автора.

1.1.2 От торговых текстов к текстам литературным

В XIX веке к грамотам и описаниям экономического характера добавляются и художественные тексты, связанные с Кимрами; начинает формироваться тот самый текст, который является предметом нашего исследования.

Среди этих свидетельств одно эпистолярное. В мае 1837 г. Кимры впервые посетил представитель дома Романовых — великий князь Александр Николаевич, будущий император Александр II. 7 мая 1837 г. цесаревич отправил отцу, императору Николаю I, письмо, в котором, помимо прочего, было сказано: «Мы останавливались на половине дороги в богатом селе Кимры, принадлежавшем гр. Самойловой, и заходили там в церковь, построенную совершенно по образцу московского Успенского собора»⁵⁴.

Отметим немаловажную характеристику Кимр: будущий Александр II называет Кимры «богатым селом», отмечая при этом церковь, построенную по образцу Успенского собора (имелся в виду Покровский собор). «3 церкви каменные»⁵⁵ в Кимрах упоминал и В.Н. Татищев. С Покровским собором (кроме аналогии с Успенским) связаны «литературные происшествия» — в нём крестили А.А. Фадеева⁵⁶; здесь хранилась икона Иверской Божией Матери, покровительницы Кимр, которой Б.А. Ахмадулина просила ставить свечи (ныне икона находится в Преображенском соборе); она же посвятила святому месту следующие строки: «Урод и хам взорвёт Покровский храм,/ и люто сгинет праведник в пустыне»⁵⁷.

Характеристикой *locus communis* (набора стереотипов, связанных с данной местностью) может стать отрывок из очерков московского бытописателя И.Т. Кокорева «Сибирка. Мещанские очерки»:

⁵⁴ Леонтьев Я.В. Калязинская хрестоматия. — М., 2002. — С. 35.

⁵⁵ Татищев В.Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской... С. 204.

⁵⁶ Запись об этом событии хранится в Кимрском краеведческом музее.

⁵⁷ Ахмадулина Б.А. Озябший гиацинт... С. 165.

«Как понадобились кучеру новые сапоги, так кимряк. Это слово надобно пояснить для некоторых читателей. Кимряками называются сапожники, которые умеют шить одну русскую обувь, то есть сапоги величиною с ботфорты, фунтов в десять весом, крепко подкованные полувершковыми гвоздями. Они большею частью крестьяне из селения Кимры (Тверской губернии, Корчевского уезда), и от него получили своё название, сделавшееся отличительным термином их работы»⁵⁸.

«Кимряк» представляется едва ли не именем нарицательным, по «кимрякам» определяют принадлежность к сапожной братии, это слово в тот период — неофициальный синоним их деятельности. Обувное дело — главный промысел Кимр, что становится известным далеко за пределами села. И начинает формироваться образ кимряка, прошедший через множество текстов. В данном тексте мы узнаём о кимряке, что он — селянин, сапожник, исключительно владеющий искусством создания обуви.

В описании С.П. Шевырёва читаем следующее:

«Кожи сбываются исключительно в селе Кимре. Здесь крестьяне шьют сапоги, башмаки и галоши, и сбывают их в Москву. <...> Я видел село Кимру: с первого разу заметны его довольство и богатство, проистекающие от главного промысла...»⁵⁹

Несмотря на богатство села и обилие каменных построек (некоторые из них попали впоследствии в набор открыток, выпущенный в середине 2000-х, — «Каменный модерн»), большая часть Кимр была деревянной, а потому существовала опасность пожаров — известно, что купец Малюгин погиб во время одного из них. Кимряк-сапожник появляется и в этом тексте, однако новыми характеристиками не отмечается.

⁵⁸ Очерки и рассказы И.Т. Кокорева. Часть II. — М.: В Университетской Типографии, 1858. — С. 74.

⁵⁹ Шевырёв С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ваканционные дни профессора С. Шевырёва в 1847 году. В двух частях. Часть вторая. — М.: В Университетской типографии, 1850. — С. 130.

Писатель и деятель в области сельского хозяйства С.А. Маслов в «Заметках во время поездки по Волге от Твери до Костромы» приводит свидетельство, связанное с ещё одной кимрской константой:

«Часу в шестом пополудни показалась вдали пылающая Кимра. Прежде всего виднелась колокольня и большая, как собор, каменная, пятиглавая церковь с средним куполом и четырьмя по углам башенками; дым иногда застилал её от взоров; но вот показался огонь и в окнах колокольни, вот вспыхнули главы и на церкви, видно было, что загорелись стропила под крышею и огонь пробивался сквозь железные листы, вот огонь и в церкви... <...> Кимра пылала вдоль всего берега и пламя переносилось от одного строения к другому без всякой помощи <...> Всё, что глаз мог видеть вдоль большой улицы и по берегу Волги, было в пламени; полагали, что горит и сгорело до 600 домов, а осталось 30 или 40, и то не значительных»⁶⁰.

Кимрские пожары как неизбежность того времени определяются лишь в дореволюционном периоде, поскольку обладали разрушительной силой — выгорало практически всё село. Масштабы кимрских пожаров не раз находили отражение в литературных текстах — преимущественно описательного характера. Образ горящего кимряка зафиксирован писателем: «...общая скорбь, все сняли шляпы и начали вслух горевать, а многие молиться... <...> Бедные кимряки не утерпели и, спрыгнув с парохода в воду, перешли к берегу в брод и побежали прямою дорогою через поля, не зная ещё об участи своих домов»⁶¹. Этот фрагмент — первое описание кимряка, не сапожника-профессионала, а человека: чувствующего и переживающего, беспокойного и богомольного. Несмотря на «общие черты», оно немаловажно при формировании образа места — существует всего несколько описаний кимряков в отрыве от профессии.

⁶⁰ Маслов С.А. Заметки во время поездки по Волге от Твери до Костромы. — М.: В Университетской Типографии, 1859. — С. 7, 9.

⁶¹ Там же. С. 9.

Маслов концентрирует внимание ещё на одной характеристике: получив всероссийскую славу обувных мастеров, кимрские сапожники-кустари начали «халтурить»: «На палубе многие вели шуточный разговор, а в том числе и два товарища из Кимры. На вопрос мой: славится ли и теперь ваша Кимра сапогами? Как же, отвечал один из них; у нас многие готовят сапоги и для Москвы, а более для Петербурга; товар такой, что два дня поносишь, а на третий чини»⁶². Свидетельства о качестве кимрской обуви и, одновременно, халтуре местных обувщиков, встречаются в литературе повсеместно. Н.А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» называл товар кимрских кустарей «первейшим сортом»:

«Пошли по лавкам странники:

Любуются платочками,

Ивановскими ситцами,

Шляями, новой обувью,

Издельем кимряков.

<...>

Товар первейший сорт!»⁶³

В.А. Гиляровский в «Москве и москвичах», подтверждая значение Кимр как одного из главных обувных поставщиков в столицу, не забывает о своеобразной характеристике сапожников:

«И там и тут торговали специально грубой привозной обувью — сапогами и башмаками, главным образом кимрского производства. В семидесятых годах (XIX в. — В.К.) ещё практиковались бумажные подмётки <...> Конечно, от этого страдал больше всего небогатый люд, а надуть покупателя благодаря “зазывалам” было легко. На последние деньги купит он сапоги, наденет, пройдёт две-три улицы по лужам в дождливую погоду — глядь, подошва отстала и вместо кожи бумага из сапога торчит»⁶⁴.

⁶² Там же. С. 7.

⁶³ Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. — М.: Детская литература, 1966. — С. 53, 54.

⁶⁴ Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Очерки московского быта. — М.: Советский писатель, 1935. — С. 82, 83.

При анализе совокупности текстов, связанных с Кимрами, становится понятно, что «сапожная тема» — ключевая; это тот стержень, вокруг которого формируется непосредственно «кимрский текст» — кимрское бытие складывается вокруг обувной темы. Сапоги — основа и — основательность. О промысле — слово «Кимры» к этому времени становится едва ли не синонимом сапожного производства — находим упоминание в «Моей жизни» Чехова: «Я знал, что Кимры добывают себе пропитание сапогами...»⁶⁵ (важен факт — Чехов пишет «Кимры», тогда как «сельское» наименование Кимр — «Кимра» — появляется множественное число вместо единственного). Этнограф и академик С.В. Максимов в книге очерков «Куль хлеба и его похождения» отмечает: «В Кимрах — сапожники»⁶⁶. Для жителя XIX века само сочетание звуков в слове «Кимры» имело «обувное» значение — аналогично другим топонимам, при упоминании которых возникает ряд ассоциаций (например, «Тула» ассоциируется с «пряниками», «самоварами», «ружьями» и т.п.).

Кимрский автор М.А. Рыбаков в годы юности выбрал литературный псевдоним «Макар Сапожник» и только после рекомендации А.М. Горького (это отмечено в романе М.А. Рыбакова⁶⁷) стал подписывать работы настоящим именем. Очевидно, что для молодого писателя слово «Сапожник» значило куда больше «Рыбакова»; как «Сапожник» он был своим в кимрском крае и, видя его публикации, к примеру, в областных газетах, у земляков не возникало сомнений в его кимрском происхождении.

Псевдоним, ставший прозвищем, сохранялся за Рыбаковым на протяжении всей жизни — попавший в 1960-е гг. в Кимры ленинградский писатель Ю.Ф. Помозов в «Случае с командировочным» описал встречу с писателем/сапожником/бухгалтером (долгие годы М.А. Рыбаков возглавлял бухгалтерские курсы в Кимрах). Поводом стала

⁶⁵ Чехов А.П. Моя жизнь. Рассказ провинциала. — Берлин: Издательство И.П. Ладыжникова, 1921. — С. 21.

⁶⁶ Максимов С.В. Куль хлеба и его похождения. — СПб.: издание книгопродавца К.Н. Плотникова, 1873. — С. 252.

⁶⁷ Рыбаков М.А. Первопуток. — М.: Московский рабочий, 1966. — С. 178-181.

«поломка» ботинка: «И — прраз! — моя подмётка отстала от носка. Глянул я на ботинок, а он уже на крокодила похож: так и разевает зубастую пасть!»⁶⁸. По совету местных жителей писатель обращается к сапожнику:

«— Живёт Макар Сапожник... хе-хе, за Кимеркой, на Зарецкой стороне, по улице Орджоникидзе, дом двадцать восемь.

— Фамилия, фамилия! — требую.

— Я же сказал: Сапожник. Макар Андреевич Сапожник. Такая его фамилия. Хе-хе!...»⁶⁹

Очевидно, что «сапожник» уже в дореволюционное время становится составной частью образа кимряка и — образа места.

«Обувную» константу подчёркивает и Т. Готье в «Путешествии в Россию». В тексте также получает развитие образ кимряка: «...в Кимрах меня удивил праздничный вид городка: на берег высыпало всё или почти всё население. Разнёсся слух, что великий князь-наследник (великий князь Николай Александрович (1843–1865), сын Александра II. — В.К.) направляется в Нижний Новгород на “Русалке”. <...> Несколько изящных туалетов, подражавших французской моде, правда с вынужденным опозданием, ведь всё же от Парижа до Кимр далеко, выделялись на национальном фоне ситцевых сарафанов с устарелым рисунком. Три девушки в маленьких андалузских шапочках, в зуавских куртках и вздутых кринолинах были поистине прелестны, несмотря на то, что и в них сквозило лёгкое подражание западной непринуждённости. Они пересмеивались друг с другом и, казалось, с презрением относились к роскошным сапожкам, которые носили другие жители, мужчины и женщины. Кимры известны своими сапогами, как Ронда (город в Испании. — В.К.) — гетрами⁷⁰».

Т. Готье предвосхитил обретение Кимрами статуса города (это случится только в 1917 г.; Готье проплывал мимо села в 1861 г.). Знание французом

⁶⁸ Помозов Ю.Ф. Течёт Волга... Повествование в трёх книгах. — Л.: Лениздат, 1969. — С. 323.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Готье Т. Путешествие в Россию. — М.: Мысль, 1988. — С. 361, 362.

кимрского промысла не случайно — во время пребывания в России Т. Готье тщательно изучал быт и архитектуру страны. Но для нашего исследования куда важнее описание кимряков. Богатые наряды подчёркивают формальность сельского статуса и — богатство его жителей, что стало следствием развития промысла и торговли. Две важнейшие характеристики — сапожное дело и торговля — объединяются в образе кимряка. Образ места становится многомерным.

Тем не менее, «сапожная тема» главенствует. Ей посвящено немало публикаций дореволюционного периода. Например, в путевых заметках врача и педагога А.И. Забелина «Корчева и Кимра»⁷¹ приводится диапазон цен на кимрскую обувь и сведения о её качестве; путешественник вспоминает о брани в адрес кимряков небогатых столичных покупателей, при этом «Кимерскими изделиями завалены все лавки и магазины, значит их охотно покупают»⁷². Забелин, пожалуй, единственный (кроме очевидных суждений, что часть обуви — дорогая — делается качественной, а часть — дешёвая — хлипкой и недолговечной), даёт ответ о причинах спроса на халтурную кимрскую обувь:

«Прочная обувь дорога, а пощеголять хочется всякому, особенно молодому человеку, особенно же на гулянье, перед невестой, любовницей и т.д. Вот он и покупает щегольскую, но дешёвую обувь, зная, что она послужит ему только на несколько парадных дней»⁷³.

И это тоже — часть образа места, благополучие которого было построено на симбиозе качества и обмана; сама обувь обретает образ — концентрируясь на описании халтурных её частей, литераторы подтверждают слова об осознанном браке.

Важная черта: в текстах местных краеведов и бытописателей Н.Г. Лебедева, М.В. Малюгина и А.С. Столярова кустари-халтурщики

⁷¹ *Забелин А.И.* Корчева и Кимра // Город Кимры в художественной литературе и публицистике / Сост. Л.Н. Скаковская, А.М. Бойников. — Тверь: Элитон, 2012. — С. 18-20.

⁷² Там же. С. 19.

⁷³ Там же.

совершенно не упоминались. Это вполне логично — подобная характеристика могла существенно повредить обувной торговле и, как следствие, благосостоянию Кимр.

Географическая — микротопонимическая — особенность Кимр нашла отражение в «Дневнике путешествия по Волге 1856 года» А.Н. Островского. Драматург вечером 1 июля 1856 г. приехал в Кимры и остановился «у Танюхи Горбунихи»⁷⁴. Интересующие нас подробности находим в описании следующего дня: «2 июля ходили по селу: были на берегу Волги, были в соборе у вечерни, потом ходили к зарецкому попу, который сообщил нам некоторые новости, потом ходили к зарецкому пономарю, единственному рыболову в Кимре, он взял с нас за стерлядь 50 копеек серебром и рассказал про ловлю. Хозяин трактира, в котором готовили стерлядь, дал несколько сведений о сапожниках»⁷⁵. 3 июля Островский покинул село, однако связь с Кимрами на этом не оборвалась; спустя почти двадцать лет, в письме от 8 июня 1874 г., Островский вновь упоминает населённый пункт: «Теперь у нас гостят <...> и друг мой Сергей Арсеньевич (Волков. — В.К.), крестьянин из Кимры»⁷⁶.

Приведённый фрагмент важен, в первую очередь, для выявления в «кимрском тексте» микротопонимики. Наиболее явной подобной единицей, относящейся к кимрскому краю, является Савёлово, нередко выделяемое в обособленный населённый пункт. До недавнего времени в официальном мандельштамоведении присутствовала неточность: в биографии поэта значилось, что летние и осенние месяцы 1937 г. О.Э. Мандельштам находился в посёлке Савёлово (версия подтверждалась воспоминаниями вдовы, Н.Я. Мандельштам, а также протоколом допроса О.Э. Мандельштама — после последнего ареста). Досадную ошибку удалось ликвидировать, в том числе благодаря настоящему исследованию — савёловская сторона

⁷⁴ *Островский А.Н.* Полное собрание сочинений. Т. XIII. — М.: Гослитиздат, 1952. — С. 230.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ *Островский А.Н.* Письмо Н.А. Дубровскому // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2014. № 3. — С. 1.

(правобережье Волги) вошла в черту Кимр за несколько лет до приезда в город опальной семьи⁷⁷.

До тридцатых годов XX века основное микротопонимическое разделение Кимр было таким: Троицкая сторона (исторический центр) и Вознесенская сторона (отделённая рекой Кимркой). В просторечье Вознесенская сторона называлась Зарекой, ныне — Заречьем, районом города. Слово «Зарека» встречается в художественных источниках крайне редко, помимо упоминания Островским — в путеводителе по Волге Г.Г. Москвича («заречная часть села», 1905)⁷⁸, в книге Ф.А. Тарапыгина «Волга-матушка» («заречная часть», 1914)⁷⁹, в приведённом выше фрагменте книги Ю.Ф. Помозова («Зарецкая сторона», 1969)⁸⁰, в статье Д.Г. Ефремова «История картины А. Саврасова» («зареченская церковь», 2008)⁸¹, в рассказе И.М. Михайлова «Кимры» («Зарека», 2009)⁸², в статье А.В. Полуботы «Деревянная симфония Кимр» («Заречье», 2012)⁸³.

Таким образом, «Зарека» как независимый топоним появляется только у Островского и Михайлова, «зарецкий» — в книге Помозова, остальные упоминания более общие — «Заречье». Несомненно, названия районов, отделённых реками, и в других населённых пунктах имеют сходное происхождение, однако принадлежность к «кимрскому тексту» определяется и словами-орнаментами, такими как: «сапожник», «рыболов» — в данном случае у А.Н. Островского; «Вознесенская церковь» — среди прочих текстов

⁷⁷ Полвека назад // За коммунистический труд. — 1984. 18 августа. — С. 3.

Приводим текст заметки: «ВЦИК постановил: “Включить в черту города Кимры Кимрского района Московской области (в течение некоторого времени Кимры входили в состав Московской области — В.К.) следующие селения поименованного района с сельскохозяйственными землями: Чернигово, Березниково и Конюхино — по левую сторону р. Волги; Старое и Новое Савёлово, Шиково, Крастуново, выселки близ переправы, пристани и у шоссе, поселок при станции Савёлово Северной железной дороги и земли специального назначения, занятые промышленными предприятиями с правой стороны”. “Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР” 20.08.1934 № 31, ст. 185, стр. 246».

⁷⁸ Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. — Одесса: Типография Л. Нитче, 1905. — С. 42.

⁷⁹ Тарапыгин Ф.А. Волга-матушка. — Пг.: типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время», 1914. — С. 56.

⁸⁰ Помозов Ю.Ф. Течёт Волга... С. 324.

⁸¹ Ефремов Д.Г. История картины А. Саврасова // Город Кимры в художественной литературе и публицистике... С. 100.

⁸² Михайлов И.М. Письма из недалёка. — М.: Художественная литература, 2011. — С. 92.

⁸³ Полубота А.В. Деревянная симфония Кимр [Электронный ресурс] // <http://svpressa.ru/travel/article/54316>.

у Н.Г. Лебедева, Г.Г. Москвича, А.И. Солженицына; «Кимрка» — у В.И. Коркунова, Д.Г. Ефремова, М.Б. Бару, Г.А. Андреева, А.В. Полуботы и др. Наконец, Заречье в отдельных произведениях находится во взаимодействии с кимряками — например, в описываемой Ю. В. Помозовым сценке общения с М. А. Рыбаковым. Учитывая эту совокупность, мы можем говорить о возникновении самостоятельного микропонима «Зарека».

Стихотворения А.А. Голенищева-Кутузова, жившего и работавшего на территории современного Кимрского района (около с. Печетово; в тот период Кимры входили в состав Корчевского уезда) ничего не добавляют образу места — поэт практически не бывал в Кимрах, предпочитая уездный центр Корчеву и — Петербург. Тем не менее, его имя — в парадигме значимых для Кимр писателей, выходят статьи о «кимрском бытовании» А.А. Голенищева-Кутузова, его творчество изучается на уроках краеведения, стихотворения зачитываются на заседаниях литературной группы «Вдохновение». Приведём фрагмент одного из характерных стихотворений А.А. Голенищева-Кутузова «кимрского периода»: «Бушует буря, ночь темна,/ Внимаю ветра завыванья./ Он, как бродяга, у окна/ Стучит и просит подаянья...»⁸⁴ Пейзажных зарисовок и прочих образов, связанных с кимрским краем, в текстах А.А. Голенищева-Кутузова нами не обнаружено.

Существенными с точки зрения создания целостного образа Кимр можно назвать «Благонамеренные речи» (1872-1876) и «Современную идиллию» (1877-1883) М.Е. Салтыкова-Щедрина. Приведём один из фрагментов:

«На крутом берегу реки <...> торговое село К[имры], с каменными домами вдоль набережной и обширным пятиглавым собором над самую пароходную пристанью. <...> Паром на другой стороне. <...>

Покуда паром черепашьям ходом переплывает на другую сторону, между переправляющимися идёт оживлённый разговор:

⁸⁴ Голенищев-Кутузов А. А. Стихотворения [Электронный ресурс] // http://az.lib.ru/g/golenishewkutuzow_a_a/text_0020.shtml.

— Сапог в заминке (эта местность славится производством громадного количества сапогов)! совсем сапог остановился! — говорит один. <...>

— Да что же такое случилось, что здешний сапог остановился? — любопытствую я.

— Аршавский сапог в ход пошёл — вот что!

— Как будто это причина? Почему же варшавский сапог перебил дорогу вашему, а не ваш варшавскому?

— Пошёл аршавский сапог в ход — вот и вся причина!

— Ловки уж очень они стали! — объясняет Софрон Матвейч, — прежде хоть кардону не жалели, а нынче и кардону жаль стало: думали, вовсе без подошвы сойдёт! Ан и не угадали! <...>

— А такие права, что мы сапожники старинные, извечные. И отцы, и деды наши исстари землю покинули, и никакого у них, кроме сапога, занятия не было. Стало быть, с голоду нам теперича, по-твоему, помирать?

— А вы бы не фальшивили. По чести бы делали»⁸⁵. [«Благонамеренные речи».]

В приведённом фрагменте подтверждаются выявленные ранее детали: развитая торговая инфраструктура, затухающий во второй половине XIX века сапожный промысел, вызванный фальсификатом — очевидно, жители села производили обувь в не меньших объёмах, но: «сапог в заминке» — аргумент сапожников-кустарей, бессмысленный без дополнительного объяснения для стороннего слушателя.

Деталь «сапог в заминке» абсолютно осознанна, но причину «остановления сапога» кустари видят не в халтурности производства, а в том, что конкуренты покусились на их исконную территорию — сапожное производство! Они не признают право профессиональной интеграции в сферу, сама эта мысль им чужда: «...мы сапожники старинные, извечные...»;

⁸⁵ *Салтыков-Щедрин М.Е.* Благонамеренные речи. — М.: Правда, 1984. — С. 291-294.

В «Современной идиллии» речь также идёт о «промысле сапогом»; на этот раз отмечается, что сапог для Кимр — «природное место». *Салтыков-Щедрин М.Е.* Сатирические романы и сказки. — М.: Московский рабочий, 1987. — С. 451.

следовательно, сформирована их профессиональная идентичность; самопонимание определено; именно так формируется локальная идентичность и — дополняется образ кимряка.

Рыбная ловля, отмеченная ещё Островским, — один из сопутствующих кимрских промыслов. В этой связи характерен эпизод из воспоминаний Н.Я. Мандельштам: «Жители Савёлова работали на заводе, а кормились рекой — рыбачили и из-под полы продавали рыбу»⁸⁶. Отметим, что рыбная ловля в качестве кимрского промысла упоминается в текстах А.С. Столярова, Г.Г. Москвича, М.Б. Бару, И.М. Михайлова, А.В. Полуботы и др. Художественный пассаж А.Н. Островского о «единственном рыболове», как видим, подтверждения не находит — это преувеличение. Торговля рыбой была развита в Кимрах к XVI веку, о чём свидетельствуют «Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук»⁸⁷.

Стереотип, предложенный М.Е. Салтыковым-Щедриным (вице-губернатор Твери в 1860-1862 гг.), был сформирован «извне» — в произведениях местных авторов подобных профессиональных взаимоисключений (мы — сапожники, другие не имеют права ими называться) не встречается. Пошатнувшаяся традиция не перестаёт оставаться традицией. В.А. Гиляровский, описав «бракоделие» кимрских кустарей, в конце замечает: «Кимряки стали работать по чести, о бумажных подмётках вплоть до турецкой войны 1877–1878 годов не слышно было»⁸⁸. Существенная деталь: за двадцать лет до «Москвы и москвичей» В.А. Гиляровский в составленном им путеводителе «Волга» (1908) с совершенно иной интонацией говорит о Кимрах: «Улицы села замощены и производят приятное впечатление своей опрятностью; в селе

⁸⁶ Мандельштам Н.Я. Воспоминания. — М.: Вагриус, 2006. — С. 336.

⁸⁷ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссиею. Том первый. 1294–1598. — СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. — С. 212, 213.

⁸⁸ Гиляровский В.А. Москва и москвичи... С. 83.

много лавок и магазинов, имеются банк, больница, клуб. Всеми этими жизненными удобствами Кимра обязана развитию кожевенной промышленности... <...> Сапожным промыслом Кимра известна давно. <...> Промысел совершенно изменил внешний образ жизни кимряка, сделав его более похожим на горожанина, чем на селянина. Из достопримечательностей можно указать на Покровский собор и храм Святой Троицы, обращающие на себя внимание архитектурой и грандиозностью»⁸⁹.

Здесь образ Кимр свободен от гипербол — смещается и восприятие. Совершенно очевидно, что от авторского целеполагания зависит и структура образа места. Какой из них более достоверен? «Московский», не красящий кимрских обувщиков, или нейтральный «кимрский», оставляющий право на уважение? (О халтуре кустарей в путеводителе сказано так: «В настоящее время кимряки производят городскую обувь невысокого достоинства...»)

О кимрских промыслах — в частности, о сапожном — пишет П.Н. Полевой. Он опровергает мнение о «зажиточности» кимрских кустарей и «оправдывает» бракованные изделия: до того, как попасть на прилавок, кимрская обувь проходит через руки скупщиков и посредников; покупателю она достаётся по высокой цене, тогда как обувщик получает гроши, в этом и кроется причина халтуры: «Не имея достаточного вознаграждения за работу, он старается выехать только на внешней отделке, употребляя нередко на подошву вместо кожи лубок, сдирку (склею из кожевенных стружек), даже плохой картон»⁹⁰.

Выше мы указывали и на обратный пример: низкая цена за обувь, приобретаемую «для форсу». Кимрские обувщики далеко не всегда обращались к перекупщикам: торговля в Кимрах, в которых процветало купечество, приносила немалый доход. «Бедность» становится частью образа «другого» кимряка — не зажиточного, не принадлежащего к купеческой

⁸⁹ *Гиляровский В.А.* «Волга». Новейший путеводитель. — Казань: Лито-Типография И.Н. Харитонова, 1908. — С. 13.

⁹⁰ *Полевой П.Н.* Художественная Россия. Общедоступное описание Отечества. Том первый. — СПб.: Типография С. Добродеева, 1884. — С. 183, 186.

касте; в этом кроется ещё одна причина производства халтуры: некоторые кустари попросту не могли создать конкурентоспособную обувь и оставались за чертой бедности. П.Н. Полевой подтверждает и «государственную славу» обувщиков — им было поручено «изготовление обуви на армию в последнюю турецкую войну»⁹¹, после чего кустарям вновь пришлось «положить зубы на полку»⁹² — последнее, конечно, не совсем верно. Нищенское положение обувного села не позволило бы ему откупиться от графини Ю.П. Самойловой. Наконец, писатель приводит ещё один факт, яркий в отношении противоречивой «славы» кустарей: «Некоторые из кимряков, приняв участие в последней всероссийской выставке в Москве (в 1882 г.), показали, что могут производить изделия прекрасного качества. Беда, значит, заключается не в недостатке умения, а в невыгодных условиях производства...»⁹³

«Невыгодные условия производства» опровергаются не только самой жизнью (выкуп от Самойловой), но и многочисленными источниками. Неслучайно Кимры многократно фиксируются в качестве богатого села. Это подтверждает прозаик и очеркист Н.Н. Лендер в книге «Волга», открывающейся главой «До Кимры»: «Она куда представительнее, богаче и благоустроеннее (чем Корчева. — В.К.). Тут есть солидные каменные дома, на прилегающей к берегу большой мощёной площади — гостиница, пожарная часть с высокой каланчой; немного дальше — большое деревянное здание гостиного двора. Вообще Кимра сильно развитое, людное село, имеющее около 7-ми тысяч жителей»⁹⁴.

Описание достаточно точное — к 1889 г. только экономические причины (иные ставки налогообложения) удерживали кимряков от смены статуса села на город. «Центр особого кустарного производства»⁹⁵, —

⁹¹ Там же. С. 186.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Лендер Н. Н. Волга. Очерки и картины. С картою Поволжья. — СПб.: Типография А.С. Суворина, 1889. — С. 4.

⁹⁵ Там же.

отмечает Н.Н. Лендер. Причины развития кожевенного дела тривиальны: непригодная для ведения успешного сельского хозяйства земля, но и — потребность столицы в качественной обуви: «Они <...> брали подряды в казну в 1807 и 1812 гг. и поставляли сапоги на русскую армию. В русско-турецкую войну 1877–78 гг. снабжал обувью наши войска кимряк Потапенко»⁹⁶.

Обобщение вышесказанного находим в книге В.И. Ленина «Развитие капитализма в России»: «Центр промысла, село Кимры — “скорее походит на небольшой город” <...> жители — плохие земледельцы, круглый год заняты промыслом; только сельские кустари бросают промысел во время сенокоса. Дома в с[еле] Кимрах городские, и жители отличаются городскими привычками жизни (напр[имер], “щегольством”). В “фабрично-заводской статистике” этот промысел до самого последнего времени отсутствовал, должно быть потому, что хозяева “охотно именуют себя кустарями”...»⁹⁷

Исследование В.И. Ленина наполнено цифрами — приведены данные о росте села, хозяйствах, работниках, суммах производства, видах деятельности, длине рабочего дня (14-15 часов) и т.д. (Например, «В 1881 г. считали 10 638 кустарей, а с отхожими — 26 000 чел., а сумму произв[одства] в 3,7 млн. руб.»⁹⁸.)

Приведёнными примерами отождествление Кимр с обувным промыслом не исчерпывается; сведения, отличные незначительными деталями (сузим рамки дореволюционной эпохой) встречаются в ряде исследований/путевых заметок/воспоминаний, в частности, в трудах П.П. Нейдгардта «Путеводитель по Волге»⁹⁹, В.И. Покровского «Село Кимра. Статистическое описание 1871 года»¹⁰⁰, Ф.М. Зеленева «Высочайшее посещение села

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1953. — С. 352, 353.

⁹⁸ Там же. С. 352.

⁹⁹ Нейдгардт П.П. Путеводитель по Волге / Город Кимры в художественной литературе и публицистике... С. 17, 18.

¹⁰⁰ Покровский В.И. Село Кимры. Статистическое описание 1871 г. — Кимры: Кимрская типография, 2001. — 48 с.

Кимры»¹⁰¹, В.М. Сидорова «По России»¹⁰², А.П. Субботина «Волга и волгари»¹⁰³, И.Ф. Тюменева «От Ржева до Углича: путевые наброски»¹⁰⁴, Г.П. Демьянова «Иллюстрированный путеводитель по Волге 1898 г. (от Твери до Астрахани)»¹⁰⁵ и др. А.Я. Безчинский в «Путеводителе по Волге» (1903) называл Кимры «знаменитым промышленным селом»¹⁰⁶, богатым селением; Г.Г. Москвич свидетельствует: «Сапожничество в Кимре существует очень давно и начало его установить трудно. Однако, известно, что уже в 1812 году Кимра обувала всю русскую армию»¹⁰⁷.

Оценивая совокупность рассмотренных текстов, резюмируем: большинство из них — описательного характера, более пригодного для краеведческого дискурса. Однако и они значительны при формировании образа места. Определяются первые кимрские константы, художественно воссоздаются первые образы. Внимание ряда авторов концентрируется на образе кимряка, обладающего своеобразными чертами, в первую очередь, — профессиональными. Тема сапожного дела и торговля — превалируют. Это — основные локальные константы, созданные авторами «извне». Таким образом, к моменту появления первых текстов, написанных кимрскими авторами, гетеростереотип был уже сформирован.

1.1.3. Зарождение литературы в Кимрах

Авторы первых кимрских произведений, созданных «изнутри», — не сапожники, а священники и купцы. У истоков местного краеведения —

¹⁰¹ Зеленов Ф.М. Высочайшее посещение села Кимры // Тверские епархиальные ведомости. — 1892. № 13. — С. 281-283. — (Часть неофициальная.)

¹⁰² Сидоров В.М. По России // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2014. № 3. — С. 2.

¹⁰³ Субботин А.П. Волга и волгари. Т. 1. — СПб.: Тип. В. Демакова, 1894. — 160 с.

¹⁰⁴ Тюменев И.Ф. От Ржева до Углича: путевые наброски // Исторический вестник. — 1896. — Т. LXIV. — № 4. — С. 196, 197, 200.

¹⁰⁵ Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге 1898 г. (от Твери до Астрахани) // Город Кимры в художественной литературе и публицистике... С. 42.

¹⁰⁶ Безчинский А.Я. Путеводитель по Волге. — М.: Типо-литография Товарищества Кушнарёв и К^о, 1903. — С. 43.

¹⁰⁷ Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге... С. 41.

статья священника Н.Г. Лебедева (1819–1890) «Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда», опубликованная в Санкт-Петербурге в 1853 г.¹⁰⁸. Она представляет собой типичный образец бытописания. Автор описывает наружность жителей, нюансы словоупотребления, убранство и способы строения жилищ, одежду, пищу, обычаи и обряды, болезни и занятия, досуг и расходование средств, особенности быта и нравственности. В завершение следует краткий экскурс по памятникам (религиозным) Тверской губернии (он неполон, поскольку автор черпал сведения из архивов церкви, в которой служил).

Детально описаны особенности речи крестьян. К примеру, слово «гожо» употреблялось вместо «годно»; «ражо» — становилось аналогом «хорошо», «приятно» или «красиво»; «голомя» означало «довольно давно» и т. д.

Необычно и смещение смысловых значений. «Недуг» в крестьянской речи означал болезнь, зародившуюся в человеке с момента зачатия; «сердце» обозначало «желудок»; «обогнуться» — надеть одежду или совершить некое схожее действие, например, накрыться одеялом.

В 1862 г. Н.Г. Лебедев становится священником Покровского собора села Кимры (до этого он служил в храме на границе уездов), через некоторое время — его настоятелем, затем — благочинным одного из округов Корчевского уезда¹⁰⁹.

Непосредственно в Кимрах Н.Г. Лебедев создал «Статистико-этнографическое описание села Кимры»¹¹⁰. В «описании» представлен исторический экскурс, описаны особенности географического расположения, быта, даны сведения о пожарах, народонаселении (в динамике: к моменту описания, а приведены данные за разные годы, коренных жителей мужского пола насчитывалось 1357 душ, женского — 1568; купцов и их детей — 20 душ) и т. д. Существенное место занимают сведения о торговой и

¹⁰⁸ *Лебедев Н.Г.* Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда. — СПб, 1853. — 30 с.

¹⁰⁹ *Коркунов В.И.* Страницы истории кимрского края. Часть вторая... С. 222, 223.

¹¹⁰ Впервые увидевшее свет в «Памятной книжке Тверской губернии на 1865 год», а затем изданное в 1993 году в Кимрах в серии «Кимрская краеведческая библиотечка» вместе с «Записками купца Малюгина».

ремесленнической деятельности, приведены выдержки о прибыли сапожников и др. Текст «описания» отчасти противоречит сам себе. Так, в начале рукописи Н.Г. Лебедев отмечает, что Кимра — «одно из лучших сёл Тверской губернии во многих отношениях»¹¹¹. Далее следует:

«Жаль только, что в этом красивеньком селе не сделано по сторонам улиц надлежащих канав: от этого в сырое время года или во время продолжительных дождей идти и ехать по селу неудобно. И в это-то время вы не встретите уже того приятного впечатления, какое произвело бы на вас это село в хорошую погоду. А как легко было бы спустить воду с некоторых улиц в реку Волгу, с других — в речку Кимрку, а с иных — в ручей, текущий за селом, параллельно реке Волге»¹¹².

Именно Лебедев — основоположник автостереотипного мифа «Кимры — центр мира». Несмотря на критику (имеющую для нас существенное значение, поскольку текст содержит описание пейзажных особенностей локуса и характеров кимряков), основополагающее значение имеют слова об «одном из лучших сёл». Всё остальное — нюансы и детали; исправление указанных недостатков, судя по мнению автора, должны сделать Кимры *лучшим* селом Тверской губернии.

М.В. Малюгин (1833–1906), представитель кимрского рода, происходившего из зажиточных крестьян, ставших купцами, оставил рукописное свидетельство — во многом автодокументальные «Записки купца Малюгина»¹¹³.

Сомнения в безусловном авторстве его «Записок...» обосновывает старший научный сотрудник Кимрского краеведческого музея Е.А. Релина: рукой Малюгина написаны только две из четырёх частей рукописи (часть записей — под его диктовку). Третья часть «Записок...» написана другим

¹¹¹ Лебедев Н.Г. Статистико-этнографическое описание села Кимры. — Кимры: Кимрская типография, 1993. — С. 47.

¹¹² Там же. С. 48.

¹¹³ Впервые изданное в 1993 году в Кимрах в серии «Кимрская краеведческая библиотечка» вместе со «Статистико-этнографическим описанием села Кимры» Н.Г. Лебедева.

человеком. Это отражается и в подборе материала, и в правках, внесённых рукой Малюгина, порой ошибочных. Вот один из примеров: «Малюгин считал графиню Самойлову дочерью графини Литты, автор III части знал, что она ей доводилась внучкой»¹¹⁴. Четвёртая часть, письмо к председателю Тверской учёной архивной комиссии, также записана не М.В. Малюгиным. Наконец, хронологически части «Записок» не связаны. Третья написана в 1866 г., в первых двух упоминаются даты до 1900 г. Опубликованы они единой книгой, адаптированной с учётом современных правил русского языка.

На грани краеведческого и литературного дискурсов находится труд А.С. Столярова «Село Кимры и его обитатели»¹¹⁵ (первое издание: М., 1899). Столяров, первый из кимрских авторов, многократно публиковался в центральных, областных и местных изданиях, написал ряд книг: «Летопись событий села Кимры Тверской губернии (с октября 1905 г. по февраль 1906 г.)» (М., 1906), «В царстве обуви» (М., 1908), «Ушедшая Кимра» (написанный в советское время рукописный очерк не был издан); им был подготовлен справочник «Адресная книга», включающий в себя около 3000 названий учреждений, торгово-промышленных заведений, мастерских села Кимры и торговых фирм со всей Российской Империи¹¹⁶. Но именно «Село Кимры и его обитатели» считаются в местном краеведении «едва ли не настольной книгой всех, кто интересуется историей родного края»¹¹⁷.

Брошюра включает двенадцать глав, описывающих различные аспекты жизни кимряков: «Прошлое Кимры», «Пожары в Кимре», «Нынешняя Кимра», «Покровский собор», «Сектантство», «Посещение Кимры Высокими Посетителями», «На селе», «Пожарная дружина», «Благотворительность и

¹¹⁴ Релина Е.А. От составителя // Малюгин М.В. Записки купца Малюгина. — Кимры: Кимрская типография, 1993. — С. 3.

¹¹⁵ Столяров А.С. Село Кимры и его обитатели. В царстве обуви. — Кимры: Кимрская типография, 1992. — 88 с.

¹¹⁶ Коркунов В.И. Страницы истории кимрского края. Часть вторая... С. 152.

¹¹⁷ Коркунов В.И., Коркунов В.В. Страницы истории кимрского края... С. 204.

просвещение», «Больницы, банки и агентства», «Жизнь кимряков» и «Торговля и промышленность».

Являясь источником регионального бытописания, книга дополняет образ региона. Прочитируем фрагмент главы «Сектантство»:

«Старообрядцы — поповцы, коснея в заблуждениях, вели, однако, самый лучший образ жизни и служили в ней примером не только сектантам, но и зачастую православным. Косность же некоторых староверов доходила до того, что, заплатив торговый сбор, они отказывались от получения свидетельства, так как не желали вносить в дом бумаг с печатью антихриста.

Доселе есть ещё старцы, считающие за грех послать телеграмму.

— От дьявола это, — говорят они.

— От разума человеческого, — говорят им.

— А от чего ваш телеграф не может работать во время грозы Господней?.. Ну-ка? Оттого, что нечистый, защищая от гнева Божия свои провода, прикрывает их хвостом своим.

Здесь, как и сам читатель хорошо поймёт, не пойдут впрок никакие убеждения»¹¹⁸.

Старообрядец — тоже кимряк, пусть и не типичный (существенная деталь: кимряк представлен не кустарём, как то происходило раньше); благодаря труду Столярова мы можем расширить представление о жителях края — в данном случае, в религиозном аспекте.

Ещё одно произведение А.С. Столярова, «В царстве обуви», можно условно (в силу относительно низкого уровня) назвать первым прозаическим художественным произведением, созданным «изнутри». Это текст, стилизованный под эпистолярный, состоит из трёх писем «Старого знакомого», в которых описываются быт и особенности обувного производства в Кимрах, приводятся «цифры»; автор искренне удивляется и недоумевает некоторым аспектам жизни кимряков:

¹¹⁸ Столяров А.С. Село Кимры и его обитатели... С. 19.

«Опять я в Кимрах, дорогой Николай Николаевич, и после изящных асфальтовых тротуаров Невского и Морской, спотыкаюсь на циклопических камнях нашей Ильинской улицы и ежеминутно рискую сломать ногу в ямах её мостовой, после чудного французского жаргона петербургских красавиц, слышу не менее чудный “французский” язык родной речи иногда трёх, а иногда и семиэтажной, откровенной, громкой и не стесняющейся несколько своим присутствием дам и девиц, после хорошеньких, как куколки, и хрупких, как комнатные лилии, продавщиц в любезных магазинах, отпускающих предметы роскоши, хожу по деревянным «рядам», где навалены кучами кожи, коженые обрезки, где в лавках с открытыми, и зиму и лето дверями, заседают плотно укутанные платками “хозяйки” и слоноподобные, сытые и прижимистые “хозяева”»¹¹⁹.

В некоторых местах Столяров вводит диалоги (выполняющие, впрочем, скорее декоративную функцию). Литературный «флёр» необходим для смены интонации в описании сапожного промысла (о котором достаточно подробно говорится во втором и третьем письмах) с непосредственно описательной на развлекательную, доступную едва обученному грамоте обывателю. Проявляются в тексте и элементы фельетона. В совокупности перед нами попытка в рамках одного текста передать атмосферу села — с явной акцентировкой на обувном промысле.

Говоря о Н. Г. Лебедеве, М. В. Малюгине и А. С. Столярове, мы подразумеваем не литературное явление, а скорее историческое, важное, в первую очередь, для краеведения. Вместе с этим и Лебедев, и Малюгин, и Столяров своими трудами — иногда пересекающихся (в основном, касательно бытописания и обувного производства) — создают достаточно разносторонний образ крестьянина, приводят сведения о быте, кустарной деятельности, объёмах производства обуви.

¹¹⁹ Там же. С. 57.

1.2. «Кимрский текст» в советское время (1917-1991)

Выделение советского времени в отдельный период исследования — следствие ряда причин. Во-первых, 1910-е — начало 1990-х гг. — совершенно уникальное время в истории страны, включившее в себя разрушение предшествующих моральных и культурных установок (во всяком случае, в официальной литературе) и создание своего — ограниченного идеологическими рамками — пространства. С другой стороны, ликбез и повсеместное образование литобъединений (это произошло и в Кимрах) породило многочисленную группу новых писателей — из крестьянской, рабочей среды и т.д. Их наивные тексты имели лишь отдалённое отношение к действительно художественной литературе, однако в провинциальной наивности нельзя было заретушировать главного — духа времени, атмосферы города, а потому и — голоса (а, следовательно, и образа) населённого пункта.

«Сапожная» тема в 1917-1991 гг. в художественных текстах продолжает оставаться ключевой, тем хребтом, на который наслаиваются другие темы. Развивается (а в 1990-е гг., что характерно, — затухает) обувное производство, при этом частные кустари и малые фирмы исчезают. Ярмарки (и это также следствие государственной политики) заменяются базарами; иначе звучит религиозная тема, меняется самосознание людей.

Совершенно особый текст создаётся в военное время; газетные заметки, стихи и рассказы данного периода наполнены патриотизмом, ярким, острым — истинным. В этой общей теме и этом всеобщем тексте можно (разумеется, на кимрской земле) выделить особенности и «кимрского текста».

1.2.1. Довоенный период

Первые художественные произведения (стихотворения и рассказы), написанные кимряками и опубликованные в Кимрах, появились только в советское время.

Ключевым этапом в становлении местной самодеятельной поэзии стало появление печатного органа — двухнедельной газеты «Бюллетень Кимрского уездного исполкома и комитета уездной организации партии коммунистов»¹²⁰. Газета рассказывала о партийной жизни города и района, освещала мероприятия, давала советы и рекомендации.

Изучая их, можно сделать однозначный вывод — они не просто далеки от совершенства (исключая графа А.А. Голенищева-Кутузова). Зачастую их авторы, вышедшие из рабоче-крестьянской среды, становились заложниками первого периода ликбеза.

Однако сами по себе эти тексты — великолепный документ эпохи, в котором отражено строительство новой страны, новой жизни. Важны они и в аспекте развития литературы внутри Кимр, формирования автостереотипа.

Наибольший интерес для нашего исследования представляет рубрика, которая вскоре становится неотъемлемой частью «Бюллетеня» — «Страничка поэзии». Название гиперболично — под ним публиковалось максимум несколько стихотворений, подписанных псевдонимами. На сегодняшний день нам известны имена, по крайней мере, двух из них.

Первый, Е. Розенблюм, публиковался под псевдонимом Приволжский. Позднее, с 1925 по 1929 гг., Розенблюм — журналист и литературный сотрудник новообразованной газеты «Кимрская жизнь», затем — руководитель клуба при Савёловском заводе, участник Великой Отечественной войны. Долгие годы Розенблюм сотрудничал с газетой, но после юношеских стихотворений, опубликованных в «Бюллетене», его

¹²⁰ Где-то в городе... / Под ред. В.В. Коркунова. — Кимры: Кимрская типография, 2007. — С. 4.

поэтические опыты не печатались. Прочитируем одно из них (от 7 февраля 1920 г.):

«Книга — это рудник, из которого мы
Жадно черпаем слово ученья.
Книга — светоч, который ведёт нас из тьмы,
Книга — лучший учитель всему поколенью»¹²¹.

Ещё один автор, псевдонимом которого были инициалы Л.М., оказался Леонидом Меглицким. Стихотворения Л.М. также говорили о неискущённости автора в поэтическом мастерстве, однако это были вполне законченные строки провинциального поэта, человека своего времени:

«Мы верим в грядущее счастье,
В лучистую светлую даль,
Промчится седое ненастье,
Исчезнет навеки печаль.

<...>

Сольются в экстазе великом
Свобода, Любовь, Красота,
И светлым сияющим ликом
К нам жизнь обратится тогда»¹²².

Упомянем и о других авторах «Странички поэзии» — Волгаре и Ласточке. К сожалению, узнать, кто скрывался под этими псевдонимами, не удалось. И если в стихах Л.М. и Приволжского явно ощущалось веяние эпохи, Ласточка представляла перед читателем лириком. Техника стиха достаточна условна — рифма и ритм часто приблизительны, о чем свидетельствует стихотворение «Свободные ласточки»:

«Ласточки, ласточки...
Сколько их в поле,
Милые птички,

¹²¹ Приволжский Книга // Бюллетень. — 1920. 7 февраля. — С. 3.

¹²² Л.М. Мы верим в грядущее счастье // Бюллетень. — 1920. 4 января — С. 4.

Носитесь на воле.
Играйте, резвитесь,
Кружитесь и пойте
И славьте свободу свою¹²³».

Волгарь создаёт своеобразный гимн труду и эпохе. Его «Кузнецы» (пожалуй, самое талантливое стихотворение в этом ряду кимрских поэтических текстов) метафоричны, причём метафора распространяется на стихотворение целиком. Описывая работу в кузнице и фонетически создавая соответствующую атмосферу, Волгарь в определённый момент объединяет кузнечное дело со строительством новой жизни. Риторический пафос определяет и финал текста: «Цепи рабства разобьём./ Дружно спорится работа./ Тук да тук, стучи до пота,/ Время ль унывать?/ Свет разгонит мрак ненастья./ Кузнецами будем счастья»¹²⁴.

Очевидно, что непосредственно к «кимрскому тексту» стихотворения первых кимрских поэтов отношения не имеют — темы, разрабатываемые ими, общие, — отвечающие политической конъюнктуре страны.

Следующим этапом в формировании кимрской поэзии стало основание газеты «Кимрская жизнь» (осень 1925 г.) Она разительно отличалась от «Бюллетеня» и подобных ему газет-однодневок. Это было издание с чёткой структурой, рубриками и приложениями. С первых номеров в «Кимрской жизни» возникло однополосное приложение «Трибуна молодёжи», выходящее под собственной нумерацией. Здесь в качестве рабселькоров публикуются авторы «Бюллетеня»: Л.М. и Волгарь.

Первым поэтом «Кимрской жизни» стал автор, скрывшийся под псевдонимом (?) Женька Крючек (или Крючѣк, буква «ѣ» в газете не использовалась). Он высмеивал, потешался над православием, бичевал «пороки попов», выставлял деятельность церкви в неприглядном свете.

¹²³ *Ласточка* Свободные ласточки // Бюллетень. — 1920. 5 февраля. — С. 4.

¹²⁴ *Волгарь* Кузнецы // Бюллетень. — 1920. 5 февраля. — С. 4.

Наиболее язвительные тексты Крючека появлялись в преддверии крупных церковных праздников.

Впрочем, его сатиры (автор периодически менял имя то на Ж. Кр., то на Ж. К., то на Жешу Крючка) касались и вполне безобидных вещей, например, использования косметики. Вот соответствующий текст, обращённый к работнице фабрики «Красная звезда» О. Шестерниновой:

«Никуда коль не годна, —
Не закрасишь рожи,
Всё равно — цена одна,
Ценим не дороже!»¹²⁵

Можно предположить, что Крючек был одним из сотрудников редакции (если это не коллективный псевдоним), поскольку большинство его произведений предваряло небольшое сообщение, на материале которого строился поэтический текст.

Помимо этого в 1925 г. на страницах «Кимрской жизни» (№ 21) можно обнаружить первую публикацию журналиста и поэта Константина Замкова (1896 — 1972)¹²⁶ — в будущем одного из активных рабселькоров газеты, постоянного члена литературной группы.

Первое прозаическое произведение встречается в 27 номере районной газеты — им стал фельетон, подписанный: Адах-ий¹²⁷.

В 1926 г. «Кимрская жизнь» продолжила публиковать сатиры Крючека (вскоре его имя пропало с газетных полос); помимо них отметим бытовую зарисовку о жизни кимрских сапожников О. Асомского¹²⁸, и рассказ «Два Сыся»¹²⁹. Автор последнего указан не был. Однако наиболее интересной для нас публикацией 1926 г. стало небольшое сообщение о появлении в Кимрах

¹²⁵ *Кр. Ж.* Красивее не станешь // Трибуна молодёжи: прилож. к газ. «Кимрская жизнь». — 1925. 7 октября. — С. 3.

¹²⁶ *Замков К.Г.* Падеж скота и «Красный петух» — бич крестьян // Кимрская жизнь. — 1925. 28 ноября. — С. 3.

¹²⁷ *Адах-ий.* О подмигиваниях // Кимрская жизнь. — 1925. 19 декабря — С. 3.

¹²⁸ *Асомский О.* Так, как оно есть // Кимрская жизнь. — 1926. 7 июля. — С. 3.

¹²⁹ *Два Сыся* // Кимрская жизнь. — 1926. 31 июля. — С. 2.

литературного кружка¹³⁰. До нашего исследования первой известной датой, связанной с литературной группой, считалось 9 октября 1926 г. (тогда в районной газете было опубликовано объявление об очередном собрании литераторов)¹³¹. Теперь нам известна точная дата её рождения — 25 сентября 1926 г.

В 1927 г. стихи и проза местных авторов встречаются в «Кимрской жизни» сравнительно редко. Печатаются первые заметки Е.К. Пешехонова (1891–1966)¹³². В 1940-е и 1950-е гг. он становится автором многочисленных публикаций, посвящённых юбилейным датам всевозможных писателей; театральных и книжных рецензий. Следовательно, мы можем назвать Е.К. Пешехонова первым литературоведом и литературным критиком кимрской земли.

Из всей совокупности текстов 1925–26 гг. созданию образа места максимально способствовали сатиры Женьки Крючека. (В остальных текстах преобладали отвлечённые темы.) Поэтом художественно интерпретировались локальные события, связанные с кимрским краем — такие, как использование косметики (одновременно мы выделяем детали — например, применение подобных средств на обувной фабрике «Красная звезда» становилось объектом порицания), сон пожарных во время пожара, длительные задержки уборки урожая и т.п. Переосмысляются спорные, критические, но — элементы жизни локуса.

Обратим внимание на два текста 1927 г. Первый — появившийся в июне — «Молотьба машиной» селькора газеты из д. Петяшино Корчевской волости Н.М. Ежкова. Восторг от появившихся на селе «чудес техники» вполне объясним. Как понятна и радость селькора, выраженная в наивном, но

¹³⁰ Сегодня // Кимрская жизнь. — 1926. 25 сентября. — С. 4.

¹³¹ Не забудьте! // Кимрская жизнь. — 1926. 9 октября. — С. 6.

¹³² Например:

Пешехонов Е.К. Первый блин комом // Кимрская жизнь. — 1927. 25 мая. — С. 4;

Пешехонов Е.К. Уважайте детей! // Кимрская жизнь. — 1927. 25 июня. — С. 3.

искреннем тексте: «Эх, бывало, как мы жили/ И не два дня молотили,/ Молотили раньше мы/ Вплоть до матушки-зимы»¹³³.

В августе 1927 г. было опубликовано стихотворение селькора С.М. Графова «Золотая пора»:

«Погляжу я на новую светлую ширь,
А в мозгу уже песня сложилась.
Осушили болото, вскопали пустырь —
Всё красой невидалой покрылось.
Где высокие кочки торчали кругом,
Там сейчас всё сравнивается: гладко! —
Не поверю, что их распахали плужком¹³⁴».

Очевидно, что поэтическая самоидентификация в рассматриваемых нами в данном параграфе текстах отсутствует. Но некоторые элементы жизни Кимр в них ощущаются. Например, осушенное «болото» в тексте Графова является и общим, и кимрским элементом — город расположен в болотистой местности.

В последующие годы местная самодеятельная литература продолжила развитие. Активно действовал литкружок при газете. К десятилетию «Кимрской жизни», в 1935 г., появился «Литературный сборник», вобравший в себя лучшие (на взгляд составителей) поэтические публикации за 1926-1933 гг. (как сказано в нём — подводящий итоги работы «литгруппы при редакции газеты»¹³⁵), а также стихи и прозу тогдашних членов литкружка.

Разумеется, более профессиональными выглядят тексты «извне». В довоенный период появился целый ряд текстов, в которых так или иначе проявился город.

¹³³ Ежков Н.М. Молотьба машиной // Кимрская жизнь. — 1927. 18 июня. — С. 3.

¹³⁴ Графов С.М. Золотая пора // Кимрская жизнь. — 1927. 3 августа. — С. 3.

¹³⁵ Литературный сборник. — Кимры: Издание газеты «Коллективная жизнь», 1935. — 64 с.

Интересная находка обнаружилась в подшивках местных газет — на страницах «Кимрской жизни» (№ 71-72 (610-611), апрель 1994 г.) в материале В.И. Коркунова «В песни все я сердце расточил, / В песни всю печаль раскапал» рассказывалось о связи Кимр и советского поэта Я.З. Шведова¹³⁶. (У Шведова были и другие стихотворения, посвящённые Кимрам, например, «Весёлый художник», составившие т.н. цикл «кимрских песен»¹³⁷.) В детстве поэт, родившийся в Корчевском уезде Тверской губернии, не раз бывал в Кимрах — здесь проживали кимрские Шведовы, один из которых, Фёдор Максимович, был одним из первых директоров обувной фабрики «Якорь» (впоследствии — «Красная звезда»). (Интересный факт, приведённый В.И. Коркуновым: «Женой Фёдора Максимовича была Мария Васильевна (урождённая Сасаева), мать которой, Дарья Калиновна, прожила 112 лет»¹³⁸). Дом, куда приезжал будущий поэт, не сохранился, зато остались стихи, посвящённые Кимрам (Шведовы гостили в домике в деревеньке Новое Савёлово — на правом берегу Волги, напротив Кимр):

«За оврагом глубокий лог,
По оврагам ветер шнырит,
За рекою большое село
Разлеглось — родимые Кимры.
Сбоку — Волги быстрой коса.
В переулках — запахи кожи,
Цветом вишен седеет отцовский сад,
Да чиликает дядюшкин ножик.
Молоточный повсюду весёлый гром,
И корявятся в дратве руки.
Влево ль,
Вправо ль,

¹³⁶ Коркунов В.И. «В песни всё я сердце расточил, / В песни всю печаль раскапал» // Кимрская жизнь. — 1994. Апрель. — С. 4.

¹³⁷ Счётчиков К.И. Корчевская старина. Вып. 5. — М., 2003. — С. 56.

¹³⁸ Коркунов В.И. «В песни всё я сердце расточил, / В песни всю печаль раскапал»...

Вкось, за углом
Молотки и подошвы стучают.
А когда паровозы стали звать
Пересвисткой разбойной с Савёлова,
В Кимрах церкви одна поднялась
голова

И четыре соборные головы.
А когда отцветал наш отцовский сад,
Яблонь цвет осыпался на убыль,
Поднялись обувные корпуса
И большие кирпичные трубы.
От кислот почернела в садах трава.
Стихли песни, замолкли стучки,
И протянула с верховьев мать
Корчева,
Точно нищая, Кимрам руку.
Дым пополз,
Застучал машинный нож,
Кислотой цеха задымили,
Если б не было в улицах запаха кож,
То не узнать бы Кимры милые»¹³⁹.

Я.З. Шведов подчёркивает, что «запах кож» — выделяющий Кимры из общего ряда небольших городков (он сравнивает Кимры с Корчевой, уездный городом, и сравнение не в её пользу — Корчева, ныне затопленная, представляется нищей, но: матерью). Несмотря на то, что лирический герой находится на савёловской стороне, стихотворение называется «Кимры». Это говорит и о большей известности села, и о немалом количестве пересечений жизни двух населённых пунктов (о некоторой тождественности — также): и

¹³⁹ Там же.

дядя поэта (и лирического героя) — сапожник, и промысел для Нового Савёлова так же важен, как и для Кимр. Стихотворение наполнено пейзажными образами — овраги, глубокий лог, шныряющий ветер, волжская коса. Это — савёловское стихотворение. Взгляд с савёловской стороны, и этот факт сближает «Кимры» Я.З. Шведова с образами в текстах Мандельштама: пыльная крапива, волжские откосы, неровные волжские берега.

Крестьянский писатель С.П. Подъячев одним из первых упоминает железную дорогу, связавшую Москву и Савёлово: «...сел на поезд и “проследовал” до села Савёлова, стоящего на правом берегу Волги. Село это — ближайшая к Москве пристань на Волге. Против этого села на той стороне реки расположен известный сапожный центр — село Кимры (теперь город), куда я и переправился с савёловского берега с целью сесть на пароход на тамошней пристани»¹⁴⁰. Слово «проследовал» неслучайно взято Подъячевым в кавычки — в первые десятилетия после строительства железной дороги жителям Кимр и Савёлова (до объединения населённых пунктов в 1934 г.) приходилось добираться до столицы с пересадками. Проехав часть пути на паровозе («паровозные» отрезки с годами сокращались), они пересаживались в другой состав и следовали до конечного пункта.

Между тем, появление железнодорожных путей дало новый импульс к развитию села — большее число гостей, в том числе, литераторов могли посетить Кимры и Савёлово. Одно из них (посещение Кимр И.Г. Эренбургом, В.Г. Лидиным и Ю.К. Балтрушайтисом) нашло отражение в итоговом труде И.Г. Эренбурга «Люди, годы, жизнь»:

«Помню, как мы ездили в Кимры на литературный вечер. Балтрушайтис читал стихи. Потом Лидин прочитал рассказ о конюшнях и скачках. Зал был шумным; кого-то вывели. На эстраду взобрался паренёк и запел:

¹⁴⁰ Подъячев С.П. Моя жизнь. Книга вторая. — М.-Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1931. — С. 78.

“Дезертиром я родился, дезертиром и умру, коль хотите, расстреляйте, в коммунисты не пойду...”

Мы пили водку; нас отвели в пустую комнату — поезд отправлялся утром; спали мы на полу. Юргис Казимирович, как всегда, молчал; только когда мы приехали в Москву, он неожиданно сказал: “В общем, глупо... А всё-таки хорошо, что поехали...”¹⁴¹

В этот же период происходили судьбоносные преобразования в стране. Закрывались храмы, расстреливались священнослужители, увеличивалось число доносов¹⁴². В Кимрах формировалась поэтика погибшего в первые месяцы Великой Отечественной войны С.И. Петрова, первые рассказы и пьесы создавал впоследствии известный тверской писатель М.А. Рыбаков. И — приезжали известные и неизвестные «беженцы». Среди них — О.Э. Мандельштам (1937) и М.М. Бахтин (1937-1945) — с супругами. Мандельштам создал в Кимрах последние прижизненные стихотворения — т.н. «савёловский цикл», Бахтин закончил труд «Франсуа Рабле в истории мирового реализма» и ряд статей и заметок.

Ещё одно произведение, в котором фигурируют Кимры — роман А.Н. Толстого «Пётр I». Один из его второстепенных персонажей — баба-кимрянка Домна Вахрамеева:

«Наталья схватила за руку опрятную мягкую женщину в чёрном платке.

— Ты — баба-кимрянка?

Женщина молча махнула всем туловищем истовый поклон:

— Государыня-царевна, точно, я из Кимр, скудная вдова Домна Вахрамеева...

— Ты царевен подговаривала ездить в Немецкую слободу? Отвечай...

Белое лицо Вахрамеевой задрожало, длинные губы перекинулись:

¹⁴¹ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. — М.: Советский писатель, 1961. — С. 434.

¹⁴² Об одном из них рассказано в книге В.И. Коркунова: *Коркунов В.И. Это было, было...* — Тверь: Марина, 2009. — С. 47-56.

— Я — жёнка порченная, государыня моя, говорю нелепые слова в ума исступлении, благодетельницы-царевны моими глупыми словами тешатся, а мне то и радость... По ночам сны вижу несказанные»¹⁴³.

Баба-кимрянка появляется в романе вследствие удобного по отношению к столице расположения села, передаваемого к дар близким к двору людям, что открывало широкие возможности для царской семьи и их приближённых. По рассказам местных жителей, в Кимры на воспитание отправлялись нежелательные дети царедворцев (ассоциация со 101-м километром, если вспомнить XX век); немудрено, что баба-кимрянка была приближена (а значит, принимала участие в воспитании — пусть и опосредованное) при дворе к царевнам. Обращает внимание впервые появившийся образ кимрянки — в данном случае порченной жёнки, говорящей нелепые слова; ранее в текстах фигурировали преимущественно кимряки (кимряне) — мужчины, это также имеет связь с ключевой кимрской темой — в производстве обуви женщины не участвовали.

«Сапожная тема» возникает в рассказах М.М. Пришвина и Б.Н. Полевого, названных сходным образом: «Башмаки» и «Сапоги» соответственно. Контекст, однако, разнится. М.М. Пришвин рассказывает о волчках или урчунах, попадающих в кимрское стадо:

«Оказалось, вовсе неверно, что всякий волчок ходит в двух фартуках, и относится это только к тем, кто зашибает вином. Такой мастер садится за работу обыкновенно в четверг, в субботу он выпускает пару, получает у хозяина на баню и пару белья, в понедельник мастер начинает линять, то есть спускает с себя всё, что только можно продать, всё пропивает и к четвергу действительно остаётся в двух фартуках, — и то хозяйских. Бывает, такой мастер-запивоха назlobит хозяина и тот его выгонит. Вот тогда некуда деваться, и отличный мастер принуждён бывает работать в мастерской из талдомских и кимрских обувников, называемых в общем кимрским стадом.

¹⁴³ Толстой А.Н. Пётр Первый. — М.: Советская Россия, 1986. — С. 484, 485.

Само собой, такой искусник с презрением смотрит на грубую работу кимряков, и у них ему всё не по вкусу: стёж дал — не годится! дунешь, и то не так, — он и дунет по-своему. Держится такой мастер отдельно, сидит себе где-нибудь в сторонке и ворчит: вот за это и прозвали кимряки таких ворчунов урчуны, или волчки. Кимряки имели дело только с пьяницами-волчками и потому, наверно, изображают их так, будто все они живут без крова и ходят в двух фартуках»¹⁴⁴.

Место действия — московские мастерские, расположенные в центре старого города, в ремесленной части — в частности, на Веткиной улице (М.М. Пришвин правильно называет улицу — наименование произошло от железнодорожной ветки; в настоящее время во многих источниках топоним преподносится как улица Веткина). И — о кимрских кустарях, уехавших из села (а, следовательно, не выдержавших конкуренции, потому неудивительно наименование: кимрское стадо). В другом эпизоде Пришвин нелюбезно отзывается непосредственно о кимрском промысле:

«— Например, — сказал я, — соседний Кимрский район сапожников: какая там бедность типа обуви, какой неуклюжий человек сапожник...

— Рыжий, — подсказал жених.

— Правда, — говорю, — много рыжих почему-то, с окладистыми бородами, в староозерских кафтанах, нелюдимые.

— Ост-Индия, — почему-то определил жених Кимрский край.

— Несколько минут езды, — продолжаю, — из этой Ост-Индии, как вы называете, — и совершенная ему противоположность: башмачник лёгкий, подвижной человек, — чем не француз?..»¹⁴⁵

Вероятно, имелись в виду талдомские обувщики (чаще именно они именовались башмачниками), хотя сапожный промысел также был развит в расположенном неподалёку селе Ильинском. Нельзя исключать и

¹⁴⁴ Пришвин М.М. Башмаки. Исследование журналиста. — М.-Л.: Государственное издательство, 1925. — С. 77,78.

¹⁴⁵ Там же. С. 69,70.

сапожников правобережья — жителей деревень Старое и Новое Савёлово, Крастуново; либо деревень, вошедших в созданную в 1956 г. Дубну.

Б.Н. Полевой характеризует атмосферу кимрского базара, одновременно (в период написания текста он работал журналистом в Калининне, следовательно, занимался и пропагандой) указывая на преимущества кооперации:

«Базар в Кимрах пёстрый, как лоскутное одеяло. Но всё вы достанете тут, что нужно для производства сапога.

— Колодки хорошие, за-ме-ча-тель-ные колодки. Колодки — крепости необычайной. Любую голову размозжу с ручательством, — орёт какой-то дядя, постукивая колодками. <...>

— Обратите ваше внимание, кожи первый сорт. Вам, может, подмёточки соковые, — пожалуйста. Подмёточки высшего качества. Есть ещё, — он нагибается к вашему уху и шепчет: — На подмётки ремни фабричные, замечательная вещь.<...>

Дальше вы видите ряд ларьков, торгующих проволокой, гвоздями, варом, дратвой. Даже осколками бытового оконного стекла. <...>

— Ты, Алексей Антонович, в кооперацию сдаёшь? Ведь там, говорят, дешевле принимают?

— Зря это говорят. От несознательности говорят так. Так глядеть, и верно: ровно бы в другой раз с рынком разница кое-какая и есть. Зато иной раз на рынке ничего не продашь, а тут приходи — и всегда тебе место готово. Вот и суди, где выгодней»¹⁴⁶.

Базар — замена уходящим в историю ярмаркам. Детали подчёркивают приоритет сапожного промысла, но обращают внимание на сопутствующие и даже совершенно противоположные элементы. Осколки оконного стекла на базаре — дополнительная симптоматика времени? Ключевым симптомом является насаждаемая кооперация. «Столица сапожного царства»

¹⁴⁶ Полевой Б.Н. Сапоги // За коммунистический труд. — 1977. 15 января. — С. 3.

преобразовывалась под давлением советской действительности. В это же время был взорван Покровский собор (1936) — не стало «кимрского Успенского»; бурно развивалось обувное производство, однако число кустарей неуклонно сокращалось — открывались и наращивали обороты фабрики (в тот период функционировали, например, «Красная Звезда» и «Промкооператор»).

В 1940 г. Кимры посетили столичные писатели: Л.И. Ошанин (поэт, поэт-песенник), П.И. Железнов (поэт, переводчик) и М. Альтшулер (беллетрист). Помимо всех (!) клубов города, они встретились с читателями в Доме учителя, где рассказали о своей творческой деятельности, ответили на множество вопросов; выступили на радио и посетили занятие литературной группы. А также — совместно написали статью «В кустарном гнезде», которую автору исследования удалось обнаружить в газетных архивах (сохранились лишь отдельные экземпляры газет предвоенного и военного периода, так что цитируемые ниже фрагменты представляются важной находкой).

В ней — рассказ о сапожниках кимрского края, значении промысла для Кимр, жизни встреченных авторами мастеров:

«В Ильинской промартели работает художник сапожного дела Андрей Сергеевич Киселёв. Имя его известно посетителям Парижской и Нью-Йоркской выставок. <...>

В Губин-Угле мы узнали, что дети коренных сапожников, в прошлом сами не так давно шившие сапоги, стали теперь большими государственными работниками. Матрёна Патрикеева может гордиться своими сыновьями, Сергеем и Петром. Оба они получили высшее образование. Один из них — профессор, другой — ответственный сотрудник Наркоминдела. <...>

О культуре, жажде к знаниям членов кимрских промысловых артелей свидетельствует хотя бы такой факт: во время наших литературных выступлений нам задавали вопросы о Горьком, Маяковском, об отражении

образа Гамлета в русской классической литературе»¹⁴⁷.

Приведённое свидетельство совершенно не сочетается с пренебрежительной ассоциацией: «сапожник» — человек без особой культуры. Ликбез и давние традиции царского села, в котором в т.ч. была предпринята попытка сооружения дворца сосланным в Кимры графом Ю. Литта, принесли результат — жители сапожного села сформировались как развитые и культурные люди. Ещё одна ценность статьи — в описании деревенских сапожников, жителей Кимрского района, таким образом, сапожная тема в литературе и публицистике вышла за пределы Кимр. В очередной раз зафиксирован «коренной» для города промысел.

Небольшая брошюра С.Н. Юренева «Кимрский резчик по дереву Абалаяев»¹⁴⁸ открывает новое имя, устойчиво связанное с Кимрами — во всяком случае, в пределах Тверской (тогда Калининской) области. И.М. Абалаяев — создатель неординарных скульптур из дерева, демонстрирующих фрагменты жизни сапожников-кустарей; его работы называют жемчужинами экспозиции Кимрского краеведческого музея. (В данном случае образ кимряков передан наглядно — в скульптурах.)

С.Н. Юренин пишет: «В работах Абалаяева мы не найдём сказочности, фантастики, они реалистичны, как произведения художников-реалистов 1860-70-х годов¹⁴⁹... <...> его скульптурные группы из дореволюционного прошлого кимрских кустарей ставят и художественно разрешают целый ряд жизненных вопросов. Но слёзы и горькая усмешка при показе прошлого даются Абалаяеву лучше, чем передача пафоса строительства современной жизни...»¹⁵⁰

Последнее сказано сообразно времени, с небольшим упрёком. Через шестнадцать лет, в 1956 г., когда имя И.М. Абалаяева обростёт мифами, а сам

¹⁴⁷ Ошанин Л.И., Железнов П.И., Альтишулер М. В кустарном гнезде // Коллективная жизнь. — 1940. 8 мая. — С. 4.

¹⁴⁸ Юренин С.Н. Кимрский резчик по дереву Абалаяев. — Калинин: Калининское областное литературное издательство, 1940. — 38 с.

¹⁴⁹ Там же. С. 7.

¹⁵⁰ Там же. С. 36.

он станет своего рода местным культурным героем (отчасти это связано и с гибелью резчика во время Великой Отечественной войны), П.Н. Орешкин в статье «Скульптор Абаляев» отметит его мастерство: «Жизнь Абаляева оборвалась в самом расцвете его замечательного таланта»¹⁵¹.

И.М. Абаляев упоминается и в других источниках: в статье А. Боброва «Белая дорога»¹⁵² (в ней перепутаны инициалы скульптора), путевых заметках В.Ф. Кравченко «Книга реки»¹⁵³ и др. Не так давно в беседе с автором данного исследования местный художник Константин Пак отметил: «В Кимрах, считаю, два стопроцентных гения — Маслов (художник. — В.К.) и Абаляев»¹⁵⁴.

1.2.2. Военное время

В военные годы идентификация Кимр для местных жителей в качестве сапожной столицы перестаёт быть центральной; Кимры — часть системы, работающей и существующей для фронта. В текстах, связанных с военным временем, явственно прослеживается фиксация локальных успехов, (само)убеждение, что цель — достижима. В пределах локуса это наслаивается на традиции, устой, производство. Появляется новая — иная (нежели ранее: пропитание, обогащение, выкуп села, приспособление к новым реалиям, выполнение плана) — цель.

Первые художественные произведения, связанные с военной темой, появились в Кимрах сразу после вторжения оккупантов. 15 июля 1941 г. «Коллективная жизнь» публикует стихотворение А. Синёва: «Приготовив цепи и насилье,/ Начал враг кровавую войну./ К нашим нивам, полным

¹⁵¹ Орешкин П. Скульптор Абаляев // Родной край. Книга 8. — Калинин: Книжное издательство, 1956. — С. 344.

¹⁵² Бобров А. Белая дорога // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета» — 2014. № 2. — С. 2.

¹⁵³ Кравченко В.Ф. Книга реки // Знамя. — 2008. № 6. — С. 55-112.

¹⁵⁴ Коркунов В.В. Люди кимрского края. — Кимры: Кимрская типография, 2014. — С. 88.

изобилья,/ Зверь голодный лапы протянул»¹⁵⁵. 9 августа и 13 августа на страницах газеты появляются строки внештатника К. Воронова (от лица матери солдата): «Ты громи, сынок, фашистов,/ Прямо в сердце гадов бей,/ Чтобы им на поле чистом/ Не собрать своих костей»¹⁵⁶ и: «Разгроми фашистских гадов, запасай для них снарядов. Дай “гостинцев”, не жалея, шайку Гитлера разбей!»¹⁵⁷. Разумеется, в данных стихотворениях образ места как таковой не проявляется, однако при воссоздании истории кимрского края через текст наглядно отражается единение кимряков с жителями других населённых пунктов страны.

Отметим, что незадолго до начала войны почта доставляла в Кимры письма со стихами самого, пожалуй, одарённого местного поэта С.И. Петрова, погибшего в 27 лет, в 1941 г., в фашистских лагерях — именно его строки стали лейтмотивом кимрской военной поэзии (например: «И если враг границу нашу тронет,/ Пусть это будет ночью или днём, — / Блеснут клинки,/ Рванутся вихрем кони,/ И вся страна заговорит огнём»¹⁵⁸).

Немецкие войска не дошли до города, однако он подвергся бомбардировкам, зафиксированным в очерке В.И. Коркунова «Воздушные налёты на Кимры». В связи с отсутствием литературных источников, осмысляющих эти события, обратимся к автодокументалистике:

«В один из солнечных осенних дней 1941 года город впервые подвергся атаке вражеского самолёта — пулемётному обстрелу. <...>

Особенно ценными для нас являются дневниковые записи Михаила Александровича Гладилова. Приведём некоторые выдержки из них: “17 октября 1941 года, пятница, 116 день войны с Германией. <...> В 7 часов вечера прилетел немецкий самолёт и сбросил 7 бомб. Разбил дом Шкварина, бросил в баню сзади дома Губенкова, в оранжерею сзади милиции, бросил

¹⁵⁵ Синёв А. Ответ врагу // Коллективная жизнь. — 1941. 15 июля. — С. 2.

¹⁵⁶ Воронов К. Провожала сына мать // Коллективная жизнь. — 1941. 9 августа. — С. 4.

¹⁵⁷ Воронов К. Артиллеристу // Коллективная жизнь. — 1941. 13 августа. — С. 2.

¹⁵⁸ Петров С.И. Враг будет бит // Обрётённый голос / Под ред. В.В. Коркунова. — М.: издательство журнала «Юность», 2011. — С. 14.

против дома Шокиных, против кинотеатра “Молот” и там же против дома горсовета, и улетел”. <...>

Второй налёт на Кимры случился поздним вечером 29 декабря 1941 г. Вновь обратимся к дневниковым записям М. А. Гладилова: “29 декабря. <...> Около 10 часов дом зашатался. <...> Я понял: бомбят. <...> Самолёт появился со стороны станции Савёлово и летел по направлению села Ильинского. Одну бомбу сбросили на берег, где строится пристань, другую в гавань, около судов, третью — во дворе бывшего дома священника отца Александра, четвёртую — на углу ул. Розы Люксембург около одноэтажного каменного дома “Союзпушнина”, пятую — во двор бывшего дома Волкова по ул. Кирова, шестую — против дома Волкова, седьмую — против Дома крестьянина по ул. Урицкого, восьмую — рядом с домом на углу улиц Луначарского и Карла Маркса, девятую — сбоку этого же дома, десятую — на ул. Ленина сзади дома в огороде, одиннадцатую — на ул. Звиргздыня около ручья. <...> Где упали бомбы, там пострадали дома. У бывшего дома Потапенко оторвало угол, у всех домов выбиты стёкла...”.

Другие свидетели опять таки указывают на меньшее количество бомб (как и в первом случае. — В.К.), сброшенных на город 29 декабря, которые они прозвали “новогодним гостинцем фюрера”»¹⁵⁹.

В работе краеведа зафиксировано — предновогодние бомбардировки кимряки называли «новогодним гостинцем фюрера»; на наш взгляд, юмор, проявляющийся в этом «прозвище», помогал легче перенести разрушительные бомбёжки (отчасти пропадавал страх).

Первые дни войны в Кимрах мы также рассмотрим (для полноты восприятия) посредством автоописания, лишённого художественного осмысления, но отличающегося исключительной точностью. В 2005 г. автор исследования встретился с Т.И. Оленевой, школьницей военных лет, записав её воспоминания об этом времени. Текст «Дети и война» (другое

¹⁵⁹ Коркунов В.И., Коркунов В.В. Страницы истории кимрского края... С. 239-241.

название «Война, укравшая детство») неоднократно перепечатывался в местных СМИ — в преддверии очередных годовщин Великой Отечественной войны, а также в трёх книгах: «Кимрская старина 4», «Страницы истории кимрского края» и «Люди кимрского края»¹⁶⁰:

«...Пятнадцатого июля нас отвезли обратно в город (из пионерского лагеря. — В.К.). <...> стекла в домах заклеены полосками бумаги или газет — крестами, “в клеточку” — чтобы, в случае бомбёжки, они не разбились. В одночасье появились очереди за хлебом... <...> На случай бомбёжки около каждого дома был установлен ящик с песком и щипцами или просто насыпана куча песка. Нам объясняли, что, если на город упадёт бомба, её нужно будет сразу же схватить чем-то подручным и поместить в песок.

Для защиты от возможной атаки с воздуха в городе соблюдалась светомаскировка. Ни в одном окне по ночам не горел свет. Но по тёмным улицам постоянно ходили дежурные: взрослые и дети.

Наступило первое сентября. <...> Наш директор, Николай Николаевич Меглицкий, в первые дни войны ушел на фронт. Его место занял бывший директор школы Евгений Константинович Пешехонов. В школе было печное отопление. И с конца нашего первого военного учебного года мы ходили на Шевелевское болото, где помогали взрослым заготавливать торф. Работали до глубокой осени. А когда наступила зима, взяли санки и вместе с учителями поехали за торфом, которым отапливались классные комнаты.

Зимой мы отправлялись на Борковский аэродром, располагавшийся в нескольких километрах от Кимр, расчищать от снега взлётную полосу»¹⁶¹.

Несколько художественных текстов, связывающих Кимры и военное время, отыскались в районной газете — за авторством П.П. Дудочкина, работавшего в этот период в Кимрах. В домашнем архиве автора

¹⁶⁰ Приведём его книжные репрезентации:

Коркунов В.И., Коркунов В.В. Кимрская старина 4. — Кимры: Кимрская типография, 2006. — С. 47-56.

Коркунов В.И., Коркунов В.В. Страницы истории кимрского края... С. 244-254.

Коркунов В.В. Люди кимрского края... С. 5-9.

¹⁶¹ *Коркунов В.В.* Люди кимрского края... С. 6-8.

исследования хранятся письма писателя, в одном из которых он делится: «Кимры — город для меня родной»¹⁶². Переживший военное время рядом с кимряками (в общей сложности П.П. Дудочкин прожил в Кимрах более 10 лет), тверской писатель не мог идентифицировать город иначе. А в творческом наследии — ряд газетных статей, в т.ч. «Кимрские зарисовки», а также роман «Её судьба», действие которого происходит в Кимрах.

«Кимрские зарисовки» находятся на стыке очерка и пропагандистского материала, некоторые из них умышленно натуралистичны (когда описываются зверства захватчиков), другие риторичны. Приведём примеры из обеих групп «Кимрских зарисовок»:

«В марте в Кимрах были нелидовские партизаны. <...>

— Какой самый страшный случай вам пришлось пережить? — спросили у партизана А.Г. Григорьева. <...>

— Её повесили железным крюком за подбородок. Она, такая молоденькая, умерла не сразу — весь вечер, всю ночь в муках висела, и утром ещё была жива, стонала. Ржавый крюк торчал изо рта. Кровь текла и застывала на этом ужасном крюке, на шее, на синем платице, на босых ногах.

А немцы ехидно ухмылялись»¹⁶³.

«Ей 66 лет. <...> ...руки стали сухими, болезненными: одеревенела после вывиха кисть левой руки, да и правая рука с пороком — не сгибается указательный палец. Право на отдых заслужено давно. <...>

Только что рассветает, а в маленьком домике, что по улице Пушкина под номером 49 <...> хлопотливая хозяйка садится у оконца за шитье. Неудобно шить, когда больные руки. (Но ничего не поделаешь — надо

¹⁶² В письме от 26 августа 1989 г., хранящемся в домашнем архиве автора исследования, П.П. Дудочкин приводит факты, важные для тверского литературоведения:

— о В.И. Коркунове: «Как летописец, Вы — кимрский Пимен»;

— о пребывании в Кимрах: «С весны 1938 года до середины Отечественной войны <...> преподавал в районной школе руководящих кадров (РКМ), она была в Савёлове и в Дубне. Потом работал в редакции «Коллективной жизни» зав. с.х. отделом и ответ. секретарём».

¹⁶³ Дудочкин П.П. Самый страшный случай [Кимрские зарисовки] // Коллективная жизнь. — 1942. 20 мая. — С. 2.

приловчиться). Туманится в глазах, когда здоровье плоховато. (Надо терпеть). Ноют кости, когда сидишь на жёстком стуле. (Приходится подкладывать подушку и тоже терпеть).

<...> Её дряхлые драгоценные руки старательно сшили более трёх тысяч пар белья. Белье — для наших воинов, может быть, его получают её сыновья, которые под Воронежем, или защитники Сталинграда»¹⁶⁴.

В советское время (вспомним роман А.Н. Толстого «Пётр I») своё место среди кимрских образов занимают женщины. Текст Дудочкина знакомит нас ещё с одной из них, надомницей, выглядящей отчасти странно (это роднит обеих героинь), но мудрой и — самоотверженной. Сменились времена, и у Дудочкина «Домна Вахрамеева» становится женщиной-героиней, преодолевающей и боль, и трудности, — она вбирает в себя трудовой импульс народа, не позволяющий лениться, но: преодолевать себя и своё тело.

Воспоминания о военных Кимрах, трудовые будни (в предвоенное и военное время) обувной фабрики «Красная звезда», взаимоотношения людей (переход из мира — в войну) отражены в романе П.П. Дудочкина «Её судьба». В тексте присутствует и упоминание об эвакуации техники фабрик и заводов Кимр — важная для краеведения тема находит отражение в художественной литературе:

«— Конечно, мало времени <...> июнь, июль, август, сентябрь. Четыре месяца. Потом эвакуация. <...> Наша фабрика плыла на баржах на восток»¹⁶⁵.

Для промышленного города, существование которого обусловлено бесперебойным функционированием обувных фабрик (и Савёловского машиностроительного завода), эвакуация была существеннейшим событием. Отметим и воспоминания А.М. Соколовой (краеведческий материал, важный для нас, в первую очередь, для объективного представления о событии): «В середине октября 1941 г. поступило указание по подготовке фабрики к

¹⁶⁴ Дудочкин П.П. Надомница [Кимрские зарисовки] // Коллективная жизнь. — 1942. 18 октября. — С. 2.

¹⁶⁵ Дудочкин П.П. Её судьба. Роман, рассказы, сказки, зарисовки. — М.: Московский рабочий, 1971. — С. 14.

эвакуации по Волге... Оборудование фабрики («Стахановец». — В.К.) погружено на баржу вместе с оборудованием обувной фабрики «Красная звезда»... <...> Возвратилось оборудование в Кимры 7 февраля 1942 года»¹⁶⁶. На обильном цитировании дневника начальника эшелона Д.С. Шелудякова построен очерк В.И. Коркунова «Ледовая эпопея»:

«<6 ноября 1941> Наш коллектив должен быть крепко спаян одной общей мыслью — доставить порученные нам материальные ценности (эвакуация планировалась в Красноярск. — В.К.) и быть готовыми ко всем трудностям, могущим встретиться на нашем пути. <...>

<21 декабря> Приехал тов. М.К. Алексеев, который привёз приказ Наркомлегпрома, которым нас обязывают вернуть оборудование в Кимры и срочно восстановить производство. Это распоряжение всех удовлетворило. Скоро опять дома, на родном производстве»¹⁶⁷.

Между этими записями — упоминание о телефонограмме от А.И. Микояна «с распоряжением о перегрузке оборудования на железную дорогу»¹⁶⁸, а после — 7 февраля 1942 г. — оборудование возвращается в Кимры. Запланированная эвакуация не смогла завершиться из-за суровой зимы 1941-42 гг. — в районе Рыбинска баржа застряла во льду¹⁶⁹.

Подтверждает детали эвакуации статья М. Маниной «Город на Волге»:

«В тревожное время, когда враг рвался к Москве, рабочие и работницы обувных фабрик бережно заколачивали в ящики, зашивали в рогожи станки и машины и отправляли их в тыл, вниз по Волге. По колено в холодной воде, с одной мыслью — “не уронить, не поломать оборудование” — рабочие и работницы, инженеры и руководители предприятий перетаскивали, переносили на руках на волжские баржи машины и станки»¹⁷⁰.

Возвращаясь к роману П.П. Дудочкина, отмечаем фрагменты, связанные

¹⁶⁶ Коркунов В.И., Коркунов В.В. Кимрская старина 7. — Кимры: Кимрская типография, 2012. — С. 27, 28.

¹⁶⁷ Там же. С. 23, 27.

¹⁶⁸ Там же. С. 25.

¹⁶⁹ Там же. С. 24.

¹⁷⁰ Манина М. Город на Волге // Город Кимры в художественной литературе и публицистике... С. 75.

с обувным производством:

«Девушка громко произнесла слова заголовка, написанные крупными буквами: “Где былая слава наших сапожников?” — и продолжала:

— “Наш город исстари славится мастерами сапожных дел. Здесь из каждых десяти семей девять — семьи потомственных сапожников. В 1812 году наши земляки обували армию Кутузова. Сапоги, сработанные в здешних местах, выставлялись на международных выставках.

Но даже здесь, в сапожном царстве, никто не помнит, что женщины были умелыми сапожницами. Правда, спокон веков они помогают мужчинам “делать заготовку” — нарезают верх и строчат его на швейных машинах. Однако дальше подсобных работ дело у женщин не шло. И никогда их не называли сапожницами, называли просто — “заготовщицы”»¹⁷¹.

Ещё один тип кимрячки показывает Дудочкин — в новом амплуа, ставшем возможным в советское время, — сапожницы; женщины занимают место рядом с мужчинами, производственные различия полов стираются.

Упоминает П.П. Дудочкин и микротопонимический элемент, Красную горку, расположенную между Микрорайоном, совхозом им. М.И. Калинина и центром (его окраиной — теми местами, где располагалась Скорбященская церковь, а граф Ю. Литта планировал построить зверинец и возвести дворец):

«Куда идти? К отцу, на фабрику, или на Красную горку, где жила Катюша? Решение нашлось само собой: сначала заглянуть на Красную горку. И Денис быстро зашагал по улице. <...>

За мостиком через овраг начиналась Красная горка — любимое место прогулок.

— Красная горка, здравствуй! — вполголоса, с трепетом сказал Денис. И как бы в ответ в берёзовой роще загомонили прилетевшие с юга грачи»¹⁷².

Отдельные упоминания микротопонимических элементов встречается изредка (это, разумеется, не Савёлово и даже не Зарека). В романе П.П.

¹⁷¹ Дудочкин П.П. Её судьба... С. 43, 44.

¹⁷² Там же. С. 58.

Дудочкина появляется Красная горка, в стихах С.В. Лизина — Кофтырь (название леса на савёловской части Кимр): «Падай, падай мягкий белый снег./ Мать-Земля ещё без одеяла./ А периной ляжешь, я пробег/ Совершу до “Кофтыря” сначала»¹⁷³, в рассказе С.А. Беляева — Чернигово (см. Приложение) и др. К сожалению, эти проявления единичны, их нельзя подчинить какой-то системе, разве что воспринимать как неотъемлемые части локуса.

Кимряки как герои периодически оказывались персонажами военной прозы. Обратим внимание на реальный прототип: образ лётчика Михаила Кукушкина в трилогии Ф.И. Панфёрова «Борьба за мир» списан с кимряка, Героя Советского Союза А.В. Кислякова, прославившегося, в том числе, и воздушной битвой с восьмёркой «мессершмиттов» 30 декабря 1942 г., в которой он сбил четыре машины неприятеля. Этот бой М.И. Алигер запечатлела в стихах: «Погодой морозной и вьюжной,/ Дорогой своей голубой/ Пятеркой отважной и дружной/ Они полетели на бой./ Фашистская стая разбита,/ Приходится жарко врагу./ Четыре его “мессершмитта”/ Горят на валдайском снегу»¹⁷⁴. У Ф.И. Панфёрова Кукушкин — также герой Сталинграда, только, в отличие от прототипа, получивший в воздушных боях страшные ожоги (настоящий «Михаил Кукушкин», А.В. Кисляков, благополучно летал на своём истребителе вплоть до боёв за Кёнигсберг, сбил 15 самолётов и один аэростат, награждён званием Героя Советского Союза в 1945 г.¹⁷⁵).

Появление кимрского лётчика в романе Ф.И. Панфёрова неслучайно — у писателя неподалёку от Белого Городка (Кимрский район) находилась дача, куда он приезжал охотиться и где работал в военные годы над трилогией. Периодически Ф.И. Панфёров посещал Кимры; здесь он бывал и с А.А. Фадеевым, неофициально приезжавшим в Кимры для отдыха и охоты.

¹⁷³ Лизин С.В. Как нежен свет в листе берёз. — Кимры: Кимрская типография, 2009. — С. 53.

¹⁷⁴ Алигер М.И. Погодой морозной и вьюжной... [Электронный ресурс] // <http://www.history.tver.ru/sr/Hero2/KAV.htm>.

¹⁷⁵ Коркунов В.И. Имена в истории кимрского края. — Тверь: Марина, 2009. — С. 17, 18.

Кукушкин (Кисляков) представлен в «Борьбе за мир» в следующих эпизодах:

«— Ну, я пойду, — лётчик сделал было движение, чтобы встать, но снова присел и, глядя на свои полубожжённые пальцы, стесняясь: — А у меня тоже есть мать. Как же. В Кимрах. Мы Кукушкины. <...>

— ...разрешите отрекомендоваться: майор Кукушкин.

— Герой Советского Союза, — добавил Иван Кузьмич. <...>

— Кукушкин! — подтвердил Иван Кузьмич. — Миша! Из Кимр! Милый ты мой... <...>

Сам Миша чуть было не сгорел под Сталинградом. Семья? У него только мать-старушка, живёт в Кимрах»¹⁷⁶.

Изменилось время — Кимры стали полноправными участниками военной кампании, и теперь бывшие сапожники — скромные и самоотверженные, самое важное: не сломленные (обувь — скрепляет!) — предстают в художественных произведениях как герои войны.

В газетных подшивках за 1943 г. удалось обнаружить неизвестную публикацию писателя-мариниста М.И. Божаткина, уроженца Кимрского района (деревни Дубровки; в Кимрах жила сестра писателя и другие родственники), после Великой Отечественной войны переехавшего в Николаев. В годы войны он служил на Черноморском флоте (добровольно ушёл на флот в 1939 г.¹⁷⁷), и это во многом предопределило выбор морской тематики в его произведениях. Кимры периодически упоминаются в текстах Божаткина: в частности, в повести «Секрет СЗМ», романе «Дальние берега», стихотворениях и др.¹⁷⁸ В основном, это пейзажные зарисовки, изредка — образы кимряков.

В 1943 г. М.И. Божаткин, будущий корреспондент ТАСС, старшина, награждённый медалью «За отвагу», прислал в районную газету

¹⁷⁶ Панфёров Ф.И. Борьба за мир. — М.: Советский писатель, 1952. — С. 83, 519, 520.

¹⁷⁷ Несмотря на то, что в найденном газетном источнике М.И. Божаткин пишет, что был призван во флот в 1939 г., в письмах, хранящихся в домашнем архиве автора исследования, зафиксировано признание, что он ушёл на флот добровольно.

¹⁷⁸ Коркунов В.И. Имена в истории кимрского края... С. 45.

«Коллективная жизнь» письмо со стихотворением: «Мне очень хотелось бы передать своим землякам привет через Вашу газету из действующего флота. — Но так как я не только воин, но и немного фронтовой поэт, то и привет хотел бы передать стихами». И в конце послания: «Сам я призван ещё в 1939 году во флот, и в Кимрах с тех пор не был, но это не мешает мне любить мой родной городок.

Землякам на заводы, на пашни
В дни горячих боёв и побед
Посылаю из армии нашей
Фронтовой краснофлотский привет.

<...>

И когда уничтожим всех гадов,
Отгремит смертный, яростный бой, —
Будем жить рука об руку, рядом,
Под счастливой советской звездой»¹⁷⁹.

«Военное» стихотворение на этот раз имеет точки пересечения с реальными Кимрами (пусть и высказанные нейтрально). Заводы — это и Савёловский машиностроительный завод, и зареченский Станкостроительный и, вероятно, обувные фабрики. Пашни в советское время, с развитием колхозов, стали неотъемлемым атрибутом Кимр (в дореволюционное время, напомним, из-за болотистой местности широкого развития сельское хозяйство в обувном селе не находило). В других «кимрских» стихотворениях Божаткин чаще всего обращается к пейзажным особенностям края, отчётливо прослеживается ностальгическая нотка: «Далеко, под Большой Медведицей,/ Деревеньку о семь дворов/ Затопляли — зимой метелица,/ А весной разливы ручьев.// С каждым годом звучнее зов родины,/ Я хочу все сильнее и сильнее/ Посмотреть, как из чащи смородины/

¹⁷⁹ В газетной публикации допущена опечатка: М.И. Божаткин назван «Вожаткиным». В настоящем исследовании мы эту опечатку исправляем:
Божаткин М.И. Привет из Красной Армии // Коллективная жизнь. — 1943. 24 июня. — С. 2.

Вытекает звонкий ручей.// Постоять у росистого луга,/ Встретить ранний погожий день/ И обнять, словно старого друга,/ Обомшелый рогатый пень.// За лесами — плесы туманные,/ Деревенька, поля, жнивья./ Босоное, голоштанное/ Проходило там детство моё»¹⁸⁰.

Возвращаясь к упомянутой ранее статье М. Маниной «Город на Волге», обратим внимание на особенности трудовой жизни обувного, швейного, трикотажного и даже металлообрабатывающего производства (все названные, кроме обувного, если верить автору статьи, получили развитие именно в военное время):

«Пришлось резко сократить выпуск обуви, поставлявшейся на рынок, и начать шить армейские сапоги на толстой подошве... <...>

Раньше сапожное дело было мужским. Только на немногих операциях работали женщины. Теперь, когда многие мужчины ушли на фронт, на производство пришли тысячи женщин. (Так в Кимрах утверждались равные права сапожников — мужчин и женщин. — В.К.)

<...> эвакуировав оборудование, ни одна фабрика, ни одна артель не остановилась. <...>

Горожане укрепляли свой город, устанавливали надолбы, рыли противотанковые рвы, разбивая мёрзлую землю ломками. Рабочие, учителя, врачи, служащие различных учреждений готовились к обороне родного города, ополченцы, среди которых были молодые и старые люди, рабочие и интеллигенты, спешно учились владеть оружием.

Механики работали дни и ночи: пришли на производство те, кто ещё до войны оставили его. Старый токарь Моторин пришёл в цех со скамеечкой, на которую руками клал больную ногу, сгибая её в колене. Насупив седые брови, он покрикивал на мальчуганов, и без того внимательных и проворных, торопясь скорее обучить их мастерству»¹⁸¹.

Вышеприведённые материалы в совокупности помогают увидеть Кимры

¹⁸⁰ Коркунов В.И. Страницы истории кимрского края. Книга вторая... С. 322.

¹⁸¹ Манина М. Город на Волге... С. 75, 76.

военных лет, однако этот взгляд будет не совсем полным (учитывая мозаичную отрывочность описания, сформированную по нескольким найденным текстам), если не учитывать редкие, но — взгляды «извне». В этом ряду — воспоминания Героя Советского Союза, лётчика Т.С. Лядского: «Кимры — хороший городок. В мирное время неплохо было бы здесь жить и работать каким-нибудь продавцом или сапожником, но не лётчиком. В таком городе иметь любимую жену и семью было бы блаженством. Об этом можно только мечтать...»¹⁸² Очевидно желание — уставших от войны людей — спокойной мирной жизни. Иронично, но с аналогичным подтекстом звучат мемуары Народного писателя Удмуртии М.А. Лямина: «Место отдыха дивизии — станция Савёлово Московской железной дороги. Это рядом с городом Кимры, на берегу канала Москва-Волга. <...>

Для молодых — праздник. Девочек в Кимрах — пруд пруди. Городок обувщиков красивый, уютный, очень похож на наш Сарапул, с миниатюрной зелёной площадью — местом свиданий. Солдаты — нарасхват. Особенно фронтовики. Тем более орденосцы. Острословы и гармонисты. <...>

Всё было удивительно людям, прожившим полгода в лесу. Здесь, на берегу канала, будто другими были и деревья, по-другому выглядели цветы, по-особому распевали соловьи...»¹⁸³

Кимры здесь предстают как место мира — иные деревья, цветы, песни птиц. Из войны — в мир — вот основной посыл «кимрского» эпизода прозы Лямина. Обращает внимание и отчуждение станции Савёлово от населённого пункта, к которому она принадлежала; к середине 1940-х гг., то есть, через несколько лет после объединения право- и левобережья, не прекращается условное «противостояние берегов». Отдельные его проявления «слышны» и сейчас: на состоявшемся в 2003 г. в кимрском ДК «40 лет Октября»

¹⁸² Лядский Т.С. Записки из лётного планшета // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2014. № 2. — С. 2.

¹⁸³ Лямин М.А. Четыре года в шинелях // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2014. № 2. — С. 1.

(расположенном в районе «Савёлово») концерте юмориста Г.А. Ветрова, на вопрос артиста: «В каком городе мы находимся?», из зала донёсся ответ: «В городе Савёлово». Указатель на несуществующий населённый пункт до недавних пор существовал в институтской части Дубны, на Первом канале в новостях, посвящённых падению самолёта на аэродроме Борки (за пос. Южный, возле деревни Борки), сообщалось, что пострадавших доставили в больницу города Савёлово и т.д.

Пришедшее известие о Победе стало причиной не только общенародной радости — повсеместно появлялись восторженные стихотворения, посвящённые этому событию. Не остался в стороне и кимрский край. Первым отреагировал постоянный автор районной газеты А. Иванов: «Победа! Победа! Ликует страна,/ Ликует весь мир, все народы./ И родина песнями наша полна/ И маем звенят хороводы»¹⁸⁴.

Чуть позже появляется ряд стихов — крайне сомнительного литературного качества — впрочем, без малейших сомнений в их искренности. А. Иванов: «Знамёна Победы над Родиной реют,/ Шумят изумрудной листвою леса,/ Под ласковым солнцем поля зеленеют/ И счастьем сияют у встречных глаза»¹⁸⁵. Е. Менкова: «День настал, который ждали/ День и ночь, из года в год./ Сердце радостно забилося —/ Скоро милый мой придёт»¹⁸⁶.

Разумеется, приведённые цитаты наивны, и вряд ли эти стихотворения напрямую связаны с эволюцией «кимрского текста», они — предельно общие; в едином порыве жителями страны создавался глобальный текст (сверхтекст) — на основе сходных слов, эмоций, чувств. Это своего рода феномен эпохи.

¹⁸⁴ *Иванов А.* Великий день // Коллективная жизнь. — 1945. 13 мая. — С. 1.

¹⁸⁵ *Иванов А.* «Знамёна Победы над Родиной реют...» // Коллективная жизнь. — 1945. 20 июля. — С. 2.

¹⁸⁶ *Менкова Е.* Частушки // Коллективная жизнь. — 1945. 29 июля. — С. 2.

1.2.3. От послевоенных лет — к перестройке

Возвращение к «нормальной» жизни сразу после Победы было вряд ли возможным; на несколько поколений вперёд — в литературе, в том числе, протянулся шлейф военных лет. Письмо А.А. Фадеева кимрякам выглядит едва ли не окаймляющим рассмотренный выше период: он побывал в городе в 1941 г., а напомнил о себе землякам в 1946 г.:

«Мой первомайский привет дорогим землякам — рабочим, служащим и интеллигенции города Кимры.

Ещё не в столь давние времена, в 1901 году, когда я родился, город Кимры представлял из себя большое село, которое славилось на всю Россию своими замечательными мастерами кустарного производства обуви.

Слава этих знаменитых и в то же время незаметных людей не померкла и до сих пор. Но с той поры село Кимры выросло в промышленный и культурный город с фабриками и заводами, школами и техникумами.

В осуществлении четвёртой сталинской пятилетки городу Кимры суждено сыграть немалую роль, особенно в деле удовлетворения потребностей нашего народа в повышении материального благосостояния народа.

Желаю вам успеха, дорогие товарищи.

А. Фадеев»¹⁸⁷.

Итак, в первой половине XX века село Кимра стало городом (1), к нему присоединялись близлежащие деревни (1934) (2), шесть лет Кимры, после расформирования Тверской губернии, входило в состав Московской области (потом было «возвращено» Твери — тогда Калинин) (3), множество изменений, произошедших в стране с приходом советской власти существенным образом затронули жизнь края (4), левобережье и

¹⁸⁷ Письмо А.А. Фадеева переопубликовывалось в кимрских СМИ многократно (первая публикация в «Коллективной жизни» 1 мая 1946 года). Дадим ссылку на последнюю, на сегодняшний день, репрезентацию: Коркунов В.В. «Савёловский период» в судьбах русской литературы. — Кимры: Кимрская типография, 2012. — С. 12.

правобережье активно отстраивались и развивались (5), город пережил Великую Отечественную войну с минимальными для себя потерями (6). Очевидно, что метаморфозы места не могли не оказать влияния на текст (кто кому диктовал: автор тексту или текст — под влиянием внешних событий — автору? Подобную дилемму нельзя исключать — о чём неоднократно писал В.Н. Топоров¹⁸⁸).

В сравнительно небольшой отрезок — от послевоенного времени до завершения перестройки — появилось немало число текстов (особенно в 1970-80-е гг.), так или иначе связанных с Кимрами. Новое время диктовало новые темы, обобщались (например, в воспоминаниях) старые, — образ города становился более полифоничным.

Одновременно это период становления самого, пожалуй, значительного местного прозаика М.А. Рыбакова (из тех, кто сознательную жизнь провёл в кимрском крае и формировался именно здесь). Им было выпущено четыре романа. Трилогия «Пробуждение», «Лихолетье» и «Бурелом» (аналогичная горьковским «Детству», «В людях» и «Моим университетам», что Рыбаков неоднократно подчёркивал) переиздавалась «Советским писателем» с характерным указанием: Рыбаков — «один из старейших российских писателей»¹⁸⁹. Это подражание на локальном уровне литературному канону, попытка малообразованного человека под воздействием единичного импульса приравнять свои способности и возможности к уровню классика и классической литературе. Это отчасти удалось, но только на уровне внутренних кимрских мифов. Очевидно, что для провинциального самосознания самоучка, становящийся гением (местным) — факт отраднейший, говорящий о том, что любой житель Кимр может повторить путь М.А. Рыбакова, не затрачивая серьёзных усилий. Хранящиеся в Кимрском краеведческом музее стихотворения М.А. Рыбакова литературно

¹⁸⁸ Например, в следующем труде: *Топоров В.Н.* Пространство и текст // Текст семантика и структура... С. 227-284.

¹⁸⁹ *Рыбаков М.А.* Пробуждение. Лихолетье. Бурелом... С. 2.

беспомощны (например, «Ты возрастал, а я мечтала,/ Что юность крепкая твоя,/ Под старость будет мне отрада —/ Надежда верная моя»¹⁹⁰). Прозаические опыты М.А. Рыбакова более удачны — они также заслуживали критики (особенно с учетом ориентира, установленного самим прозаиком — книг А.М. Горького), однако литературное переосмысление истории кимрского края, вкрапление в текст множества ситуаций, связанных с кимряками, нередко анекдотического характера, сапожные истории (всё это проникнуто ощутимым автобиографическим импульсом), делают их важным документом эпохи и — несмотря ни на что — существенной вехой в развитии кимрской литературы.

В романах Рыбакова нашли отражение кимрские ярмарки, до того момента художественно не переосмыслявшиеся:

«В конце июня на Петровскую трёхдневную ярмарку в Кимры слетались <...> купцы, промышленники, маклаки не только со всей России, но и из других государств. Обычно два дня торговали, а на третий ярмарка принимала другой вид, — Большая и Малая Соборные площади за гостиним двором заполнялись гуляющей молодёжью из окрестных деревень. <...>

Почти на самом берегу Волги, напротив белого дома с золотой вывеской “Гостиница”, стоял сарай из нестроганных досок, покрытый брезентом. <...> Вдруг наверху, из-за стены, появился маленький цыган в синей поддёрвке и краснощёкий парень в белой вышитой рубашке, которого Лёшка назвал Петрушкой. Оба маленькие, красненькие. Я сразу догадался, что они пьяные. Цыган и парень начали писклявыми голосами торговаться из-за какой-то лошади. Я не совсем понял, в чём дело. Они быстро поссорились, отхлестали друг друга по щекам и вмиг провалились.

— Лёшка, что это такое? Больно малы мужички-то.

— Тут балаган. Это не живые люди, а куклы. <...>

Площадь была заставлена палатками, в которых продавались одежда,

¹⁹⁰ Кимрский краеведческий музей: КИМ КСФ 2238/107².

ситец, кошельки, зонты, шляпы и другие товары. К церковной ограде прилепились толстые бабы с горшками и кринками, а неподалёку от них, ближе к Волге, на громадных брезентах, разостланных на земле, лежали вороха всяких сладостей — изюма, дуль, чернослива»¹⁹¹.

Приведём также фрагмент из рассказа М.А. Рыбакова «Индия», в котором автор сравнивает работу в коллективной мастерской с индивидуальным изготовлением обуви:

«В коллективной мастерской светло, уютно.

По десять в ряд за верстаком, на низеньких кадушках, согнувшись над работой, сидят молодые хозяева. Они в новой мастерской из яловочной кожи шьют крепкий рабочий сапог. <...>

— Ну, так вот... — продолжал Панфил, — как раз меня в тот год из белокаменной за длинный-то язык выслали... <...> Бывало, бьёшь, бьёшь неделю... суток двое совсем не спавши... Придёшь в “Индию” (так называли тогда кустари Кимры), продашь... И на хлеб не остаётся... <...> Пришёл на базар, встал около памятника “царю-освободителю” и жду купца. На соборе пробило одиннадцать... двенадцать... башмаки не продаются. Вместо настоящих купцов появились мешочники — брак скупать, а я все стою»¹⁹².

Приведённые цитаты затрагивают два ключевых для Кимр (в дореволюционное время — особенно) явления — ярмарку/торговлю и обувное производство. Обратим внимание, что приведённые фрагменты не идут вразрез с уже известными нам свидетельствами — скорее дополняют. Эпизод, в котором описан ярмарочный балаган, подчёркивает значимость Петровской ярмарки и её размах. «Индия» свидетельствует о жизни кустарей в царское время — неслучайно упоминание памятника «царю-освободителю», после революции 1917 года он был заменён, разумеется, Лениным. (Заметим, что неустроенности и жалкости бытования дореволюционного кустаря противопоставляется коллективная мастерская:

¹⁹¹ Рыбаков М.А. Пробуждение. Лихолетье. Бурелом... С. 175-177.

¹⁹² Рыбаков М.А. Индия // Где-то в городе... С. 64, 65.

«В коллективной мастерской светло, уютно <...> молодые хозяева <...> крепкий рабочий сапог» — метод, отмеченный нами ещё в произведении Б.Н. Полевого.)

Подмечая детали, интерпретируя их, М.А. Рыбаков не отходит от канона — миф Кимр, города сапожников и ярмарок, сохранён и усилен: ярмарка расцветает многонациональностью (далее в эпизоде появляется торговка из Китая), балаганностью (как следствие — множество образов и ситуаций); подчёркивается объём и значение и её самой, и сапожного промысла, который выведен как традиционный: старый кустарь, торговавший в царские времена (чтобы прокормиться, за копейки) в Кимрах-Индии (см. пришвинскую Ост-Индию), в коллективной мастерской едва ли не процветает.

Становится очевидным, в какой форме жители Кимр осуществляют опыт самоидентификации. «Кимры — сапожная столица» — устойчивое выражение, поддерживаемое в городе и районе плакатами, металлическими знаками, изделиями мастеров прикладного искусства, работами писателей и др. «Столичности» верен и Рыбаков. Его ярмарка не захолустная, а — особая; мастерская, и та расцветает множеством образов; наличествуют воспоминания, позволяющие гордиться традициями предков. В.В. Абашев в статье «Пермь как центр мира» говорил об этом феномене: «Вряд ли такая тенденция локального самосознания относится только к Перми. Можно сказать, что вообще каждое место склонно к своего рода локодицее. То есть человек стремится оправдать место своей жизни как нечто особенное, уникальное, избранное, от века предустановленное, порой даже вопреки очевидной эмпирической ничем-особым-не-отмеченности этого самого места. И архетип центра мира образует глубоко укоренённую в сознании конфигурацию вот этого самого желания: видеть место своей жизни приобщённым бытийному центру»¹⁹³. Смело подтверждаем: не только к

¹⁹³ Абашев В.В. Пермь как центр мира // НЛО. — 2000. № 46. — С. 275.

Перми. В отношении Кимр — в этом можно убедиться на основе приведённых выше и далее текстов — подобная тенденция аналогично тождественна. Хотя акценты, разумеется, смещаются. Так, кимряки считают свой город «столицей сапожного царства», «сапожной столицей» (позднее СМИ «наградили» Кимры титулом «малая столица наркомании», одновременно — «столицей деревянного модерна»).

Образ Кимр находит отражение и в стихотворениях. Чаще это связано с необычным фонетическим созвучием «к-мр». Например, у А.А. Вознесенского: «В Кимрах именины./ Модницы в чулках,/ в самых смелых мини —/ только в чёлочках...»¹⁹⁴. И реже — сюжетным образом увязанные с городом. Например, у В.А. Кострова: «Со связкой удилиць/ И кладью ручной,/ Я в Кимрах/ Взошёл/ на катер речной»¹⁹⁵.

В стихотворении Кострова описывается спор, произошедший на катере, — как ответ на вопрос автора «Где лучше сойти,/ Чтоб/ к вокзалу пройти?»¹⁹⁶. Масса советов адресуется герою с разных сторон и, сходя с катера, он произносит: «...мой шумливый/ И чуткий народ»¹⁹⁷.

Неизвестно, бывал ли А.А. Вознесенский в Кимрах, однако в соседней Дубне (до середины 1950-х гг. территория, на которой впоследствии образовался г. Дубна, входила в состав Кимрского района) он в 1964 г. работал над поэмой «Аве, Оза...»¹⁹⁸ — следовательно, она имеет пусть и косвенное, но отношение к кимрскому краю.

Местные стихотворцы создавали более наивные, но, вместе с тем, исторически и топонимически точные тексты, характеризующие жизнь кимрского края. Так, И.М. Соловьёв, в посвящении Белому Городку (п.г.т. в Кимрском районе), отмечает «примету времени» — строительство

¹⁹⁴ *Вознесенский А.А.* Избранное. — М.: Эксмо, 2006. — С. 129.

¹⁹⁵ *Костров В.А.* Действительный случай // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2014. № 2. — С. 2.

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же.

¹⁹⁸ *Вознесенский А.А.* Избранное... С. 354-376.

кирпичных пятиэтажек: «Ты растёшь и крепнешь телом,/ Строя каменный
посад»¹⁹⁹.

К.Г. Замков отказывается от «столичности», однако гордость (сапожное царство!) в тексте едва ли не материальна:

«Не на каждой он карте значится —

Городок, искони обувной.

В тополях его улицы прячутся.

Омываются волжской водой.

Говорят здесь — раскатисто окают,

Речь, как Волга, звонка и чиста.

Глубоко задушевностью трогают

Чудо-песни про наши места.

Город мой обувной за конвейером —

Не последний в рабочем строю.

Шьёт он туфли с узором затейливым,

Гордо держит марку свою»²⁰⁰.

Не «центр мира», как Пермь, но — особое место, наделённое рядом черт: обувное производство, оканье, Волга, пейзажные приметы — отмечает К.Г. Замков. Особость Кимр выделена и В.А. Палионис: «Кимры — город мой, колыбель моя... <...> Кимры — город мой, я навек с тобой./ Средь родных могил обрету покой,/ И всё может быть, те, кто знал меня,/ Будут говорить, мимо проходя:/ “Кто б подумать мог, на закате дней/ Повстречается в Кимрах муза с ней!”»²⁰¹, и И.П. Фроловым: «Провинциальный городок,/ А красота — не надо краше!/ Меня театр к себе привлёк —/ Пожалуй, это гордость наша. <...> А тут же рядом Обелиск/ Во славу воинам поднялся... <...> С моста, как с вышки, смотришь вдаль,/ Не налюбуйешься рекою... <...> Благословен, кто здесь рождён! <...> Но этот

¹⁹⁹ Соловьёв И.М. Белый городок // Где-то в городе... С. 68.

²⁰⁰ Замков К.Г. Мой город // Где-то в городе... С. 63.

²⁰¹ Палионис В.А. Кимры — город мой // Когда приходит вдохновенье. — Кимры: Кимрская типография, 1998. — С. 111.

чудо-уголок,/ Как окроплён водой святою»²⁰², и Н.И. Шареевым: «Не здесь ли ты, Шишкин, в Клетинском бору/ Писал своё дивное “Утро”?»²⁰³. Это стихотворения из сборника «Когда приходит Вдохновенье», составленного самими кимрскими поэтами: Н.М. Бархатовой, А.С. Рыжовой, О.П. Ситновой, В.Ф. Токмаковым — очевидно, подбирались тексты, наиболее точно характеризующие кимрский край.

Устойчиво повторяется словосочетание «малый городок» («скромная малая родина»²⁰⁴ у Ю.Г. Максименко, «в городе старом, маленьком»²⁰⁵ у Л.О. Старшиновой, «малый городок»²⁰⁶ у Л.И. Куляндровой и др.) — невольное сравнение с Тверью и Москвой (Кимры находятся на приблизительно одинаковом расстоянии от обоих городов), выглядящее, однако, неким оправданием, поскольку в других (в т.ч. тех же авторов) текстах приводятся «достоинства», выделяющие locus из общего ряда: «счастлива я только здесь»²⁰⁷ (О.В. Федотова), «пейзажи по Волге красивые» (Ю.Г. Максименко) и т.п.

Откуда такая «ущемлённость»? «Маленькие Кимры» явственно, «извинительно», возникли в текстах последних десятилетий. Судя по всему, это — следствие общей глобализации, когда значительность и незначительность чего-либо стала отчётливее бросаться в глаза.

Между тем, большинство стихотворцев выделяют Кимры из общего ряда, наделяют его отличительными, выделяющими из общего ряда чертами: «в моём сердце остался ты» (Л.О. Старшинова), «тихая обжитая семейка» (Л.И. Куляндрова), «ты удивительно хорош» и «здесь замечательные люди» (О.В. Федотова), «голубая моя сторона»²⁰⁸ (В.Ф. Токмаков) «отчая Волга»²⁰⁹

²⁰² Фролов И.П. Уголок нашего города // Когда приходит вдохновенье... С. 195.

²⁰³ Шареев Н.И. В Клетинском бору // Когда приходит вдохновенье... С. 211.

²⁰⁴ Максименко Ю.Г. «Много разных селений я видывал...» // Где-то в городе... С. 43.

²⁰⁵ Старшинова Л.О. «Где-то в городе старом, маленьком...» // Где-то в городе... 4 стр. обложки.

²⁰⁶ Куляндрова Л.И. «Я возвращаюсь в малый городок...» // Где-то в городе... С. 72.

²⁰⁷ Федотова О.В. «Когда на сердце боль, тревога...» // Где-то в городе... С. 56.

²⁰⁸ Токмаков В.Ф. Силовое поле доброты. Стихи разных лет. — Кимры: Кимрская типография, 2005. — С. 46.

²⁰⁹ Карасёв Ю.В. Вечер // Где-то в городе... С. 24.

(Ю.В. Карасёв), «благословен, кто здесь рождён», «окроплён водой святою» (И.П. Фролов), «колыбель моя» (В.А. Палионис).

Открываются новые (и подтверждаются известные) черты: обелиск (И.П. Фролов, Л.И. Куляндрова), Волга (И.П. Фролов, Ю.Г. Максименко, Ю.В. Карасёв, О.В. Федотова, Л.О. Старшинова, Л.И. Куляндрова, В.Ф. Токмаков), театр (И.П. Фролов), Клетинский бор (Н.И. Шареев), сапожное дело, торговля (Ю.Г. Максименко), Заречье — Вознесенская церковь «на взгорке» (Ю.В. Карасёв). Список, разумеется, не полный, но доказывающий — основные мифологемы края детально разработаны в текстах местных стихотворцев.

Таким образом, тезис (не о центре мира; как мы видим, в отношении небольшого населённого пункта он легко опровергается, но: о «столичности», особости) В.В. Абашева подкрепляется реальными примерами в населённом пункте, куда меньше, чем Пермь. Полагаем, миф особости — общее место в локальных текстах. А понятие «центр мира» стоит понимать, скорее, в метафорическом ключе.

Отголоском столичного или иного текста, помещённого в экзотические декорации, звучат мемуары Н.Я. Мандельштам, назвавшей пребывание в Савёлове (это неточность — на самом деле, Мандельштамы находились в Кимрах, которые за три года до прибытия опальной семьи включили в свои границы деревни с правобережья Волги) — дачным периодом.

Мифологическое в «дачных каникулах» разбивается о бытовое — опальная семья остаётся без средств к существованию.

Н.Я. Мандельштам художественно осмысливает бытовые перипетии, называя город «облупленным»²¹⁰, описывая неудобство переправы (мост появится в 1970-е гг.), добротность савёловской части города, чахлость леса, самостийный вокзальный базар (ныне несуществующий). На внутреннем слое текста прорезывается духовная составляющая, помогающая представить

²¹⁰ Мандельштам Н.Я. Воспоминания. Т. 1. — М.: Вагриус, 2006. — С. 337.

образ Кимр — через призму взгляда «извне». Кимры оживают, поскольку формируется отношение автора к ним, поданное через пейзажные описания, особенности быта («чайная освещалась коптящей керосинкой»²¹¹), образы кимряков («жители... <...> рыбачили и из-под полы продавали рыбу... <...> по ночам они баграми вылавливали сплавляемый с верховьев лес... <...> к нам в Савёлове ходили женщины, предлагая срубы по самой дешёвой цене»²¹²; на втором слое — о бедности, попытках выживать) происходит понимание, *как* живут горожане.

Совокупность устойчивых позиций позволяет более точно очертить образ города, следовательно, увидеть его суть, пропущенную сквозь тексты. Таковы противопоставления право- и левобережья Волги (Кимры и Савёлове), немалый корпус «савёловских» текстов, в частности «савёловский цикл» О.Э. Мандельштама.

Савёлове, в качестве района Кимр, присутствует в дневниках Ю.В. Трифонова 1971 г. (они опубликованы только в 1999 г., в № 1 журнала «Дружба народов»). Одна из тетрадей озаглавлена «Рассказы портнихи Евдокии Викторовны Гульковой»; последняя после сталинских лагерей (где, вероятно, была дружна с матерью Ю.В. Трифонова) вынужденно поселилась в Савёлове.

В «Дружбе народов» приведены две истории, записанные Ю.В. Трифоновым: «Федулов»²¹³ и «Агния Львовна, учительница танцев»²¹⁴.

Г. Федулов — столичный делец, сын фабриканта. И у отца, и у сына была и вторая страсть, кроме денег — женщины. «Шестьдесят лет ему было, старик старый, а взял в дом молоденькую девчонку. А его старая жена пошла на чердак и удавилась. И Гришка Федулов такой же был хороводник, все с девками до седых волос хороводился»²¹⁵.

²¹¹ Там же. С. 336.

²¹² Там же. С. 336, 345.

²¹³ Трифонов Ю.В. Из дневников и рабочих тетрадей // Дружба народов. — 1999. № 1. — С. 109-111.

²¹⁴ Там же. С. 111, 112.

²¹⁵ Там же. С. 109.

Этот человек близко общался с Е.В. Гульковой, владел магазином, на втором этаже которого держал кафе, где пел А.Н. Вертинский. После лагерей (куда он попадает из-за различных махинаций) Е.В. Гулькова решает прописать Г. Федулова в Кимрах: «Год это, примерно, сорок седьмой или восьмой. Однажды в окно вижу: идёт важный такой, барин барином, Гриша Федулов, а за ним какой-то мужичонка чемодан тащит. Чемодан, конечно, не особенно тяжёлый — из лагеря чего везти? Так он все же сам его со станции тащить не захотел, мужичка нанял. По нашим савёловским лужам. Ой, я хохотала тогда! Барин из лагеря явился! Наутро хозяйка взяла толстую книгу домовую и пошла в милицию — прописывать. Там отказали»²¹⁶.

В истории «Агния Львовна, учительница танцев» нас интересует атмосфера, царившая в поездах и электричках, курсирующих по маршруту «Москва-Савёлово»: «Господи, чего я только ни наслушалась, когда ездила из Савелова в Москву! Бесконечные истории, смерти, свадьбы, измены...»²¹⁷

Савёлово утверждается в качестве крупной микротопонимической единицы Кимр — со своими мифами и сюжетами, а порой выходит по значительности за пределы локуса, образуя как бы обособленный населённый пункт.

Впрочем, не только в Кимры «ссылали» неугодных режиму граждан. Сохранился ряд материалов, явно или косвенно указывающих на эмигрантов из Кимр. Один из них — в рассказе А.И. Несмелова «Le Sourire» (название французского журнала «Улыбка». — В.К.). В нём выведен бывший дьякон кимрского храма, эмигрант, владелец одноимённого («Кимры») ресторана, с которым встречаются сбежавшие от преследования властей четверо персонажей рассказа:

«...Имя и фамилию дьякона я забыл, но точно помню, что ресторанчик его назывался “Кимры”, в честь родного города дьякона. Под «Кимрами» на вывеске пояснение: номера для проезжающих, со столом. <...>

²¹⁶ Там же. С. 110.

²¹⁷ Там же. С. 111.

Когда мы вошли в “Кимры”, все столики ресторана были уже заняты.
<...>

Тут к нам подошёл дьякон. Огромным пузом он цеплялся за углы столиков, расправляя рыжую бороду. Глаза у него скучные: мы ему ужасно надоели. <...>

Хомяк, зевнув, взял с прилавка несколько листов какого-то растрёпанного журнала. <...> Журнал был парижский “Le Sourire”. Как он попал в “Кимры”, было довольно удивительно, но разве менее удивительно, что в его листы завёртывал контрабандистам жареную свинину бывший дьякон какого-то кимрского храма, волной революции брошенный из Тверской губернии в один из самых глухих уголков Северной Маньчжурии?..»²¹⁸

Впервые рассказ был опубликован в шанхайском журнале «Понедельник» (что даёт возможность предположить автобиографический мотив и реальность встречи с дьяконом из Кимр) во втором номере за 1931 г. В книге А.И. Несмелова «Без Москвы, без России», где републикован текст, даётся преамбула: «События происходят 6 лет назад в Китае». Значит — в начале 1925 г. или в конце 1924 г. Автор данного исследования, занимаясь изучением рода священнослужителей и учителей Пешехоновых, зафиксировал историю²¹⁹ эмиграции из Кимр брата Е.К. Пешехонова — Н.К. Пешехонова (окончившего Кашинское духовное училище). После его отъезда из Советской России никаких сведений о нём семья Пешехоновых не получала. Есть небольшая вероятность, что в 1925 г. именно он оказался в Северной Манчжурии.

Дополнительные сведения о связи с Кимрами М.М. Пришвина и Ф.И. Панфёрова обнаруживаются в воспоминаниях В.И. Белова, советского журналиста, родившегося в Кимрах, затем окончившего журфак МГУ, позже трудившегося в «Комсомольской правде», «Известиях», «Технике —

²¹⁸ Несмелов А.И. Без Москвы, без России. — М.: Московский рабочий, 1990. — С. 402, 403.

²¹⁹ Она хранится в домашнем архиве автора исследования.

молодёжи», «Науке и жизни» и др. В детские годы дом его деда навещали оба писателя (таким образом обосновывается появление Кимр в творчестве обоих):

«Здесь ещё маленьким мальчиком я познакомился с симпатичным усатым дедушкой — писатель Михаил Михайлович Пришвин приезжал из-под Талдома, где жил (отсюда название книги М.М. Пришвина — «Башмаки», поскольку талдомские обувщики считались в регионе башмачниками. — В.К.), к отцу заказывать сапоги (не хвалюсь: отец был сапожником экстра-класса). Потом дядя Миша подарил мне свою только что вышедшую книгу «Моя страна» с дарственной надписью. Где-то она и сейчас хранится. По тому же поводу приезжал и дядя Федя Панфёров, автор знаменитого в своё время романа “Бруски”»²²⁰.

Время действия отрывка — 1950-е, а поскольку М.М. Пришвин скончался в 1954 г., готовя третью редакцию «Моей страны»; очевидно, что он подарил будущему журналисту одно из первых изданий.

Мемуары Белова автодокументальны (хотя в них фиксируется ряд образов жителей Кимр и местных обычаев); мы полагаем, что автодокументалистика, пограничная краеведческому и литературному подходам, позволяет с высокой степенью надёжности связывать отдельные сегменты нашего исследования.

Упомянуты Кимры — в «обувной связи» — в романе А.Н. Рыбакова «Тяжёлый песок»: «Ещё до революции многие сапожники у нас изготавливали обувь на продажу. <...> Конечно, наш город не Кимры, наша фабрика не “Скороход”, но изготавливает совсем неплохую продукцию...»²²¹

Рыбаков ещё раз подтверждает славу Кимр как обувного центра страны, уже не села, а города — это немаловажно, поскольку роман издан в 1970-е, следовательно, в советское время обувной промысел в Кимрах имел не меньшее значение, чем в царской России. А, возможно, и большее —

²²⁰ Белов В.И. Хроника тех ещё времён. — М.: Кимрская типография, 2005. — С. 12.

²²¹ Рыбаков А.Н. Тяжёлый песок. — М.: Советский писатель, 1979. — С. 10.

«Красная звезда» и «Стахановец» (писатель назвал кимрскую фабрику «Скорострой», что, скорее всего, художественная неточность) производили тысячи пар обуви ежемесячно, и в афганскую кампанию, как и в прежние вооружённые конфликты, снабжали армию (традиция прервётся в 1990-е).

О неразрывной связи образа города с обувным производством говорят и «афганские» тексты. «Кимры» в них — не город, а произведённые в нём кроссовки. (Таким образом название города стало аргом афганцев.) Это определение проникло не только в специальные словари, но и в художественную литературу. В ««Афганском» лексиконе», составленном Б.Л. Бойко и А. Борисовым, дано такое определение «кимрам»: кимры — «кроссовки обувного предприятия в г. Кимры»²²². И приведена цитата из книги А.Г. Боровика «Афганистан. Ещё раз про войну»: «Все пятьдесят десантников в кроссовках, которые солдат зовёт попросту “кимры”. Они дадут фору любым самым прочным “адидасам”, неизбежно разваливающимся после первой же сотни километров по каменистой пустыне или горной тропе»²²³.

Образ «прочных “кимр”» оказался устойчивым. В трилогии М.В. Семёновой и Ф.В. Разумовского «Ошибка “2012”» (см. первый роман «Игра нипочём») описывается разведчик:

«Смотрелась фигура колоритно. Куртка-«пакистанка» на искусственном меху, пятнистые штаны от казээса, новенькие “кимры” и кепка-“плевок”. Довершал антураж пулемёт РПК с обшарпанным от пережитого стволом...»²²⁴

В примечании к роману дано пояснение значению слова «кимры»: «кроссовки обувного предприятия города Кимры, известные своей фантастической износостойкостью»²²⁵, что не расходится с определением из

²²² Бойко Б.Л., Борисов А. «Афганский» лексикон [Электронный ресурс] // <http://lib.rus.ec/b/186240/read>.

²²³ Боровик А.Г. Афганистан. Ещё раз про войну. — М.: Международные отношения, 1990. — С. 56.

²²⁴ Семёнова М.В., Разумовский Ф.В. Ошибка «2012». Игра нипочём. — СПб.: Азбука-классика, 2009. — С. 18.

²²⁵ Там же.

«“Афганского” лексикона», но обретает дополнительное качество: «фантастическую износостойкость», замеченную и А.Г. Боровиком. Миф о «кимрах» подтверждает и В. Иванов в электронной книге «На перекрёстках Афганской войны», где «кимры» названы «лучшей в мире обувью»:

«— На, держи, носи на здоровье, — и протянул вещмешок.

— А, что тут?

— Да ты не стесняйся, открывай — лучшая в мире обувь. А в “рейдах” ей цены нет — это “кимры”, кроссовки по-нашему, давай — примерь.

Сашка вытащил из мешка пару новых кроссовок.

— Лёгкие, как пушинка, и на ноге очень удобно сидят, спасибо, ребята!»²²⁶.

Что характерно, перечисленные авторы, объединённые афганской темой, к Кимрам (как к городу) отношения не имели, следовательно, речь идёт о достаточно объективной славе «извне», локально подтверждающей и многовековую славу кимрских обувщиков.

Афганские тексты — проявления гетеростереотипа по отношению к Кимрам, для появления которых не было необходимости знакомиться с локусом; промысел, ставший синонимом края в дореволюционное время, отразился в современных текстах. Очевидно, что это не случайное совпадение.

1.3. Кимры в современной художественной литературе и публицистике

Стремительно растущая информатизация страны, появление множества сайтов для самопубликаций и, одновременно, угасание роли СМИ в информационном обмене заставляют пересмотреть принципы отбора текстов на данном этапе. Какие из них считать существенными? Все ли

²²⁶ Иванов В. На перекрёстках Афганской войны [Электронный ресурс] // http://www.afganvro.ru/per_afgan_war/gl1.htm.

свидетельства, связанные с Кимрами, могут пригодиться для настоящего исследования? Наряду с очевидными банальностями, так или иначе проявившимися в источниках, сосуществуют тексты, где название населённого пункта представлено в качестве декора — подчас как необычная пара для рифмы (парадигма «Рифмы к слову “Кимры”» представлена в Приложении). Мы обращали внимание на наиболее репрезентативные свидетельства, позволяющие выделить образы, связанные с кимрским краем; следили за художественным переосмыслением констант, определённых нами ранее, а также — за появлением новых.

1.3.1. 1990-е гг.

Прозаик, двукратный лауреат премии журнала «Знамя» В.А. Шаров изобразил кимрский край в двух романах: «Мне ли не пожалеть» (1995) и «Будьте как дети» (2008), однако в первом случае упоминаются только Кимры, во втором — Савёлово. В «Мне ли не пожалеть» Кимры рисуются во временном интервале второго-третьего десятилетия XX века, после установления советской власти, так как Кимры названы городом, но до 1934 г. (период присоединения к нему правобережья):

«В Кимрах, в уездном училище открылась вакансия преподавателя музыки. <...> В Кимры Лептагов уезжал с радостью. Однажды случаем там побывав, он полюбил этот маленький приволжский городок, где были лишь две мощёные улицы, остальные же летом зарастали травой, и по ним, словно по лугу, гуляла скотина — паслась, щипала траву. <...> Со своими учениками он занимался с явным удовольствием, начал с самого начала, с азоров <...> — в городе других преподавателей музыки не было. <...>

Из-за того, что в городке совсем не было знакомых ему лиц, Кимры сначала показались Лептагову намного больше, чем были. Но потом они быстро, пожалуй, даже чересчур быстро стали для него населяться. С удивлением он узнал, что в Кимрах о нём известно не только из газет, есть и

люди, приятельствующие с его хористами, есть ссыльные эсеры, есть скопцы и хлысты, есть друзья его гимназистов»²²⁷.

Помимо топонимических примет, в отрывке развеивается миф («извне») об обособленности Кимр — напротив, персонаж Шарова находит в Кимрах множество знакомых, в т.ч. ссыльных — привлекательность Кимр как города, находящегося близ столицы, но за чертой 101-километровой отметки, после прокладки железнодорожных путей возрастала. Вместе с этим фиксируется «незначительность» — город с двумя мощёными улицами, по остальным гулял скот. Это прямо противоположное свидетельство в сравнении с рядом дореволюционных текстов — в них село чаще отождествлялось с городом; у Шарова же город приобретает сельские черты.

Савёлово безотносительно Кимр в романе «Будьте как дети»²²⁸ представлено исторически справедливо: населённый пункт в 1933 г. — что следует из текста — действительно именовался Савёловом. (Правда, не указано, какое Савёлово имелось в виду, Новое или Старое). По сюжету один из героев романа, о. Никодим, в перерыве между тюремными заключениями оказался на правом берегу Кимр. Сюда к нему приезжала столичная юродивая Дуся: «К савёловскому паломничеству она готовилась чуть ли не месяц»²²⁹.

Иных, кроме образующих особый «савёловский» (отдельный от Кимр) миф элементов в тексте не присутствует. Герой (о. Никодим) оказался одним из политически неблагонадёжных жителей Кимр, вынужденных селиться за 101-м километром (эта черта объединяет героев обоих произведений).

Сообразными времени оказались заметки о Кимрах А.И. Солженицына, побывавшего в городе в 1996 г. (курьёз: во время прогулки по центральным улицам и беседы с краеведами и местной интеллигенцией, писатель чуть не упал в разрытую на проезжей части яму).

²²⁷ Шаров В.А. Мне ли не пожалеть // Знамя. — 1995. № 12. — С. 98.

²²⁸ Шаров В.А. Будьте как дети // Знамя. — 2008. № 2. — С. 65.

²²⁹ Там же. С. 67.

П.В. Ефремов записал некоторые высказывания Солженицына о Кимрах: «Совсем не плохое место Кимры, очень хорошее впечатление осталось от поездки. Мне очень жаль, что не придётся встретиться с преподавателями, вчера я целый день был со школьниками, надо ехать дальше. Россия большая, всего не объедешь»²³⁰.

Намного точнее образ Кимр спроецирован в книгах Солженицына «Россия в обвале» и «Очерки возвратных лет (1994-1999)»: «В Кимрах — “дом ремёсел и фольклора”, за 5 лет обучили художественным ремёслам до двухсот детей. “Народ истосковался по общему делу. Надо спасти душу народа!” (В.И. Белякова)...»²³¹

Это цитата, приведённая в книге «Россия в обвале». В другом произведении (цитируем по публикации в «Литературной газете») Кимрам отведено существенно большее пространство:

«А жители Кимр (крупное торговое село уже при Грозном) были, видно, неутолимо деятельны — и, после череды помещичьих ими владельцев (последние — уже иностранцы) да после сплошного пожара 1807 года, в 1847 выкупились на волю с землёй (это неточность, верная дата выкупа: 1846 г. — В.К.). Однако не столько земля их кормила, сколько все виды ремёсел, особенно сапожное дело (с XVI века), “вытяжная обувь”. Развозилась отсюда обувь по всей Руси, прославились Кимры как “сапожная столица”, в кимрских сапогах отшагивали свои походы русские солдаты при всех императорах. <...>

Стоят Кимры на возвышенном тут левом берегу Волги и реке Кимерке. (А на правом берегу против Кимр — станция Савёлово, где и кончилась железная дорога, переправа со станции водою.) Уже не используется, но стоит и просится к реставрации Гостиный двор... <...>

На пересечении двух центральных улиц (поныне, конечно, Урицкого и Володарского) — изрядное каменное здание торговых рядов (подо многие

²³⁰ Ефремов П.В. А.И. Солженицын в Кимрах // Дружба. — 1996. 12 сентября. — С. 2.

²³¹ Солженицын А.И. Россия в обвале. — М.: Русский путь, 1998. — С. 11.

магазины и лавки), тоже теперь стонет о ремонте. Из ныне действующей Вознесенской церкви, простоявшей коммунизм в виде маслозавода, в 1991 возвращённой верующим, не так давно колокола (ещё одна неточность; украден был один колокол. — В.К.) украли открыто, днём (подъехали с краном, не нашлось кому воспротивиться). <...>

А вот на съезде к Кимерке сохранилась тщательная мелкокаменная укладка, каких теперь не делают»²³².

Солженицын выступает просветителем, описывает расхожие истины о Кимрах (торговое село, пожар, выкуп, сапожная столица и т.п.), добавляет факты о савёловской стороне (не путая её с обособленным населённым пунктом), упоминает о разрушающихся Гостином дворе и торговых рядах. Заречье предстаёт в образе Вознесенской церкви; отмечена и «мелкокаменная укладка» — место паломничества мандельштамоведов и любителей поэзии (именно по этой «каменке» ходили поэт с супругой и приезжающими к ним гостями — у Волги находилась переправа на савёловскую сторону) О.Э. Мандельштама.

Обратим внимание на слово «возлюбил»: его, примерно в этот же временной период, произнесла и Б.А. Ахмадулина, говоря о санитарке Тане из Кимр, тогда как сам город у поэта «воссиял»: «Столицей сердца воссияли Кимры»²³³.

Текст «Помышления о Кимрах»²³⁴ Б.А. Ахмадулиной наполнен реальными историческими фактами, почерпнутыми как из рассказов санитарок, так и, в первую очередь, из книг краеведа В.И. Коркунова, доказательством чему — письма поэта, хранящиеся в домашнем архиве автора исследования. Однако, в отличие от многих предшественников, Ахмадулина анализирует исторические события, в первую очередь, с духовной позиции²³⁵. Тут и проявляются: «проклятье и возмездье»²³⁶,

²³² Солженицын А.И. Тверские города // Литературная газета. — 2006. 21-27 июня. — С. 8.

²³³ Ахмадулина Б.А. Влечёт меня старинный слог. — М.: Эксмо, 2007. — С. 467.

²³⁴ Там же. С. 464-468.

²³⁵ Книги В.И. Коркунова в данном контексте представляют явный краеведческий дискурс.

которые, по логике, не должны миновать «случайных вандалов» — далеко не всем кимрякам известно, что в парке располагалось кладбище. Последнее косвенно подтверждается и воспоминаниями санитарок (диктофонные записи бесед — в домашнем архиве автора исследования), которые свидетельствовали, что Ахмадулина знает о Кимрах больше (!), чем они сами. «Обречение грехам» по отношению к Кимрам роднит текст Б.А. Ахмадулиной с мандельштамовским:

«Против друга — за грехи, за грехи —

Берега стоят неровные...»²³⁷

«Особый говорок»²³⁸ — почерпнут из личного общения с санитарками, «паломник»²³⁹ имеет значение скорее не религиозное (хотя сравнение Покровского собора со столичным Успенским было достаточно устойчивым), а комплексное: в ярмарочные дни в Кимрах собирались люди едва ли не со всей России — и из-за пределов, — вспоминая прозу М.А. Рыбакова. Сами ярмарки отражены метафорично: «И вся Россия шла, плыла сюда...».

Обращаясь к поэтическим произведениям, фиксировавшим жизнь Кимр изнутри, отметим одно из наиболее известных в городе произведений: песню «Кимры — город родной»²⁴⁰ (музыка В.В. Борисова, слова Н.М. Бархатовой), исполняемую на множестве городских и районных мероприятий; из года в год растёт и число исполнителей песни: «Небольшой городок утонул в

²³⁶ См.: В том месте танцплощадка и горпарк,
ларёк с гостинцем ядовитой смеси.
Топочущих на дедовских гробах
минуют ли проклятье и возмездье?

Ахмадулина Б.А. Влечёт меня старинный слог... С. 467.

²³⁷ *Мандельштам О.Э.* «И ты, Москва, сестра моя, легка...» / Сост. П.М. Нерлер. — М.: Московский рабочий, 1990. — С. 506.

²³⁸ См.: Старинный, досточтимый городок,
прилежный прихожанин и сапожник
привнёс сюда особый говорок...

Ахмадулина Б.А. Влечёт меня старинный слог... С. 466.

²³⁹ См.: И вся Россия шла, плыла сюда,
и двигался из дальних стран паломник.
Там же.

²⁴⁰ *Борисов В.В.* Мелодии сердец, звучащих в унисон. Песни и романсы. — Кимры: Кимрская типография, 2005. — С. 16, 17.

лопухах,/ Он медовой травой и полынью пропах./ В переулочках тихих, где лип забытьё,/ Мне ещё откликается детство моё.// Среди русских лесов и зелёных полей/ Кимры — город родной, город песни моей./ А вокруг сторона синеглазого льна,/ И поёт тебе Волги волна.// <...> Может, есть на земле и прекрасней места,/ Только сердцу милей твоя красота./ Небольшой городок у великой реки,/ Где свой век доживают мои старики»²⁴¹. В тексте Н.М. Бархатовой жизненная правда отступает перед правдой литературной: автор переехала в Кимры в 1975 г. из Иркутска, следовательно, детство в кимрских переулочках автору откликаться не может — это, скорее, отстранённый текст с рядом устойчивых ассоциаций места: Волга, льняное производство, тихие переулочки, небольшой городок. Это подражание кимрскому (внутреннему) канона.

Также выделим одноимённое («Кимры») стихотворение А.Р. Завьяловой («Здесь деревья много выше,/ Чем глазастые дома./ Обо мне здесь знают больше,/ Чем я знать могу сама»²⁴²), неоднократно опубликованное в местной и областной прессе. (Имеет место сублимация образа Кимр — назвав стихотворение любым другим населённым пунктом, суть его не изменится, этот текст нельзя признать «кимрским».) И, наконец, О.П. Ситновой, имевшей в Кимрах статус «первого» поэта.

«Встанет образ Суханова:

Собирал и спасал... <...>

Древний дух городища,

Что на Графской горе;

Красной Горки отыщем

Ускользящий след... <...>

Подневольные жили —

Кто сметлив, тот богат;

Обувь крепкую шили

²⁴¹ Там же. С. 17.

²⁴² Завьялова А.Р. Кимры // Кимры сегодня. — 2004. 1 июня. — С. 7.

Для петровских солдат. <...>
И цари здесь бывали...
Под прислужников пыл
И собор здесь взрывали —
Тот, что гордостью был.
Но, как в пику всем горестям,
Той мечтой, что зовёт,
Вырастал наш Савёловский
Знаменитый завод. <...>
Наш прославленный Туполев —
И земляк, и Герой. <...>
То к Москве отходили,
То вбирали Дубну»²⁴³.

Поэма Ситновой вобрала немало культурных констант и помимо вышеприведённых: театр, обувная фабрика «Якорь» (предтеча «Красной звезды»), авиаконструктор А.Н. Туполев (родился в Кимрском районе²⁴⁴), обелиск, краевед А.З. Суханов и т.д. Поэзия выступает своего рода суррогатом историографии. Тем не менее, текст О.П. Ситновой важен для уточнения образа Кимр: Савёловский завод назван «знаменитым»; Красная горка едва ли не впервые в художественных произведениях сопоставлена с Графской горой (что сохранилось только в устной речи — среди старожилов); отражена и шестилетняя принадлежность Кимр к Московской области — при этом в отношении Дубны допущена (художественная?) неточность. Территория, на которой в настоящее время находится наукоград, до 1956 г., то есть до образования из близлежащих населённых пунктов города, входила в состав Кимрского района. (Можно предположить, что Ситнова имела в виду гидроним Дубна, но вряд ли эта версия может быть

²⁴³ Ситнова О.П. Построить замок не решилась. — Кимры: Кимрская типография, 2013. — С. 203-205.

²⁴⁴ Исследованию жизни А.Н. Туполева в Кимрском районе посвящена следующая книга: Крюков Ю.В. Туполев. Возвращение в Пустомазово. — Кимры: Кимрская типография, 2008. — 128 с. Село Пустомазово — место рождения будущего авиаконструктора.

состоятельной.)

Случайные упоминания, малозначительные по сути, для нашего исследования представляют небольшой интерес. Например, дневниковая запись А.А. Сопровского: «В Савёлово объявление в привокзальном продмаге: “Крупы отпускаются по пригласительным талонам”. Пригласительные талоны! Руку на танец, товарищи»²⁴⁵. Мы их учитываем, но исключаем из исследования.

Казалось бы, случайное упоминание Кимр отыскивается в романе Ю.М. Полякова «Замыслил я побег»: «От той стоянки, где ещё недавно прозябал Олег Трудович, эта отличалась так же, как продовольственная “Берёзка” времён застоя отличалась от кимрского сельпо»²⁴⁶. Деталь во многом случайная и малоубедительная (как её можно отнести к «кимрскому тексту»), если не знать о ещё одном появлении города в прозе Полякова. В романе 2005 г. «Грибной царь» Кимры возникнут вновь: описывается давнее (много лет назад) водное путешествие из Химок в Кимры²⁴⁷. Ряд элементов позволяет утверждать, что Кимры автор посетил (либо изучил историю и географическое положение города²⁴⁸) — в тексте немало деталей сугубо местных:

«Михаил Дмитриевич вспомнил, как они с Тоней много лет назад из Химок плыли в Кимры через бесконечные шлюзы... <...>

В Кимры они с Тоней приплыли рано, когда над Волгой тянулся слоистый туман... <...>

Они, вслед за пассажирами, сошедшими на берег, сломя голову помчались к другой, маленькой пристани, успев вскочить на катер, который

²⁴⁵ Сопровский А.А. Дневник [Электронный ресурс] // http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/12/so9.html.

²⁴⁶ Поляков Ю.М. Замыслил я побег. — М.: Молодая гвардия, 2000. — С. 366.

²⁴⁷ В середине 1990-х регулярное передвижение водным транспортом по Волге было ликвидировано.

²⁴⁸ Как оказалось, Ю.М. Поляков тесно связан с кимрским краем. Уже после окончания работы над книгой, автор исследования написал писателю письмо, задав «кимрские вопросы». На что тот, в числе прочего, ответил: «...с 1960 по 1966 гг. я каждое лето проводил в деревне Селищи (место впадения в Волгу реки Колкуновки), из тех мест родом был второй муж моей бабушки Анны Гурьевны. Я туда иногда приезжаю и теперь». Добавим, что Селищи — деревня, входящая в состав Кимрского района.

шёл вниз до Кашина. <...> Тоня, удерживая волосы, долго смотрела на удаляющиеся Кимры, а потом вдруг спросила:

— А ты знаешь, что Артур был королём кимров?

— Какой Артур?

— Ну, который Круглый стол для рыцарей придумал. <...>

...Полутёмные Кимры с покосившимися деревянными купеческими домами, глухими воротами, двумя-тремя освещёнными обувными витринами и дракой возле бильярд-бара «Атлантис» проскочили за пять минут. При этом джип несколько раз бухался в глубокие дорожные выбоины... <...>

Перед мостом через Волгу, которого тоже раньше не было, свернули налево.

Прежде, когда мать возила Ишку в Ельдугино, они добирались обычно поездом до Савёлова, а затем на катере переправлялись в Кимры...»²⁴⁹

В настоящее время из Химок в Кимры водными путями не добраться — подобный вид транспорта (весьма популярным был маршрут Кимры-Тверь, равно как и местные — до Белого Городка, Дубны, Кашина и Калязина) прекратил существование в 1990-е гг., следовательно, воспоминания героя относятся, скорее всего, к 1980-м гг.

Упомянутый король Артур действительно был королём кимров (или кимвров): «Артур был вождём кельтского племени кимров, сражавшимся против вторгшихся в V в. на Британские острова германских племён англов и саксов и нанёсшим им ряд серьёзных поражений»²⁵⁰.

Пожалуй, только Ю.М. Поляков в художественной литературе связал кельтов и кимряков; между тем, в кимрском краеведении «кельтский след» — одна из версий происхождения названия Кимр (не имеющая широкого распространения). Наконец, бильярд-бар «Атлантис» — действительно место в центре города, существующее с конца 1990-х гг. Дорога около бара

²⁴⁹ Поляков Ю.М. Грибной царь. — М.: Астрель: АСТ, 2008. — С. 420, 421, 423.

²⁵⁰ Артур (рубеж V-VI веков н.э.): «Король в прошлом и король в будущем» [Электронный ресурс] // <http://www-free-info.narod.ru/index/0-66>.

долгие годы находилась в неудовлетворительном состоянии. В дополнение к этим элементам Поляков обращает внимание на «покосившиеся» деревянные домики и обувные витрины. Этим объединяются две существенные для Кимр темы — отмечается существование обувного производства в новейшей истории и наличие в городе «деревянного модерна», многожды проявившегося в текстах последнего из рассматриваемых нами периодов.

1.3.2. Позднейшие упоминания Кимр (2000-2014 гг.)

В последние годы удалось обнаружить и собрать, в немалой степени благодаря распространению Интернета и дальнейшей информатизации пространства, немало текстов, связанных с Кимрами — прозаических и стихотворных произведений, путевых заметок, публицистических выступлений.

Новой темой ряда публикаций стала наркомания. СМИ заговорили о проблеме: появилось множество газетных статей и заметок, на рубеже 1990-х — 2000-х гг. в город регулярно приезжало телевидение. Часть сюжетов была посвящена общему состоянию города, часть — о. Андрею Лазареву, часть — дьякону Элизбару.

Тогда же появилось словосочетание: «малая столица наркомании», вызывавшее немало вопросов. «Кимры — малая столица наркомании, почему?» — задавался вопросом безымянный автор поста на городском сайте «КИМРЫ.NET»²⁵¹. Вопрос не был риторическим, поскольку далее следовало: «Почему маленький провинциальный городок “прославился” торговлей наркотиками? В чем истинная причина роста наркоманов в городе? Кто-то пытался в этом разобраться?»²⁵². Причиной назывались цыгане, основную

²⁵¹ Кимры — малая столица наркомании, почему? [Электронный ресурс] // <http://kimry.net/kimry-malaya-stolitsa-narkomafii-pochemu>.

²⁵² Там же.

роль в «наркокатастрофе города Кимры Тверской области сыграл расположенный в нем цыганский табор»²⁵³.

Появившийся «образ» оказался многократно размножен. В 2007 г. в статье А.В. Полуботы («Литературная газета») словосочетание «малая наркостолица» приводится уже в лиде²⁵⁴. Суть статьи — о конкретных действиях, предпринимаемых в Кимрах; автор встретился с протоиереем о. Андреем (Лазаревым), неофициально (но действительно) возглавившим борьбу против наркомании, и дьяконом Элизбаром: «К нам подходит цыган Эдуард, “белая ворона” из табора, просит у священника благословения на какое-то будничное дело»²⁵⁵. Элизбар становится героем немалого числа публикаций; появляется парадокс: выходец из табора, и — диакон. Газетные статьи о нём назывались сходным образом: «Табор уходит в веру» («Русский репортёр», 2008 г.) и «Табор уходит в небыль» («Караван+», 2009 г.) и др.

«Медийность» фигуры о. Андрея (материалы С. Венявского²⁵⁶, В. Стрельцова²⁵⁷, А.В. Полуботы²⁵⁸ и др.), участие в телепрограммах, множество розданных интервью, известность священника как борца с наркоманией сделала его одним из символов современных Кимр и, одновременно, охранила от многих посягательств на жизнь со стороны самих наркоманов и распространителей наркотиков. В источниках упоминается и «Голливуд» — цыганский табор: «В 1990-е годы город получил негласный статус “столицы наркобизнеса”, а место в правобережной части города, где располагался цыганский табор, в котором продавали наркотики, называли “Голливудом”»²⁵⁹ (В. Словецкий); «“Голливуд” — так прозвали табор за доступность “товара” и качество обслуживания московские наркоманы,

²⁵³ Соколов-Митрич Д. В.. Табор уходит в кайф [Электронный ресурс] // <http://izvestia.ru/news/309507#ixzz2gHS5PMfb>.

²⁵⁴ Полубота А.В. Путь к исцелению // Литературная газета. — 2007. 19-25 декабря. — С. 14.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Венявский С. Наркотики превратили жителей городка Кимры в «живых мертвецов» [Электронный ресурс] // <http://gia.ru/ocherki/20100927/279643564.html>.

²⁵⁷ Стрельцов В. Кимры 2010: история уничтожения молодёжи и гибели города [Электронный ресурс] // http://ruskline.ru/analitika/2010/09/24/kimry2010_istoriya_unichtozheniya_molodezhi_i_gibeli_goroda.

²⁵⁸ Полубота А.В. Деревянная симфония Кимр...

²⁵⁹ Словецкий В. Кимры вновь становятся наркоманской столицей центральной России [Электронный ресурс] // <http://svpressa.ru/all/article/37831>.

приезжающие в Кимры специально для того, чтобы купить наркотики подешевле»²⁶⁰ (С. Венявский).

Неудивительно, что тема наркомании в Кимрах проникла и в художественные произведения. В путевых заметках «Книга реки», В.Ф. Кравченко упоминает и об этом: «На одноэтажном здании крупная, бросающаяся в глаза вывеска: “Центр диагностики СПИДа”. Дубна и Савёлово переживают волну молодёжной наркомании и борются с этим бедствием всеми возможными способами»²⁶¹. Кимры в данном примере названы «Савёловым» — эта географическая неточность со стороны Дубны подтверждается едва ли не официально — на дороге по направлению к Кимрам долгое время находился указатель на несуществующий населённый пункт: Савёлово.

А. Рыбин, описывая Кимры в рассказе «Мой друг Владислав Кугельман»²⁶² (из цикла «Разложенные города»; «Сибирские огни», № 8, 2010), признаётся в приёме наркотиков и объясняет причину этого:

«Попытка увидеть окружающую действительность с новых точек, с новых вершин или глубин, обрядившись в наркотический обморок, — это было расширение сознания, а не обыденная наркомания. <...> Мы старались быть нарко-снобами, почти не употребляли «тяжёлые» наркотики и, набив патрон папиросы марихуаной, выбирали ещё незнакомые направления в понимании жизни».

Рассказ (в некотором смысле?) автобиографичен. А. Рыбин родился в Кимрах, некоторое время работал в местных газетах «Кимрский вестник» и «Кимрская независимая газета», затем переехал во Владивосток. Приведённое свидетельство — взгляд не только на личностный кризис человека, но и на ситуацию в городе — ломка морали и нравственности, проявившиеся в 1990-е гг., пенсионеры, перекрывающие центр города из-за

²⁶⁰ Венявский С. Наркотики превратили жителей городка Кимры в «живых мертвецов»...

²⁶¹ Кравченко В.Ф. Книга реки... С. 81.

²⁶² Рыбин А. Разложенные города // Сибирские огни. — 2010. № 8. — С. 66-71.

невыплаты пенсий, массовые продажи муниципальной недвижимости, брошенность и ненужность подрастающего поколения, кризис 1998 г. — маркеры окружающего мира, тем более заметные в небольших городах. Отсюда и попытки забыться, уйти от серой и безнадёжной действительности в «героиновый рай», что и передано в рассказе Рыбина (главные герои бюджетники — журналист и медик).

Тема борьбы с наркоманией в Кимрах значительна (особое внимание ей уделялось на границе тысячелетий). Целый ряд слов и выражений становятся элементами парадигмы, связанной с ней: «цыгане», «табор», «Голливуд», «протоиерей Андрей Лазарев», «дьякон Элизбар Иванов», «малая столица наркомании» и некоторые другие.

В последние годы в местной прессе стало появляться меньше статей, посвящённых проблеме наркомании — торговля наркотиками в Кимрах остаётся актуальной проблемой, но «Голливуда» не стало — распространители наркотиков, известные на рубеже веков, либо переехали, либо «затаились». Вполне очевидно, что тема «Наркомания в Кимрах» ещё ждёт своего осмысления в художественных текстах — резонанс получился достаточно большим.

В «новейшее время» в текстах авторов-кимряков и «чужих» текстах наметилось противопоставление образа Кимр. И если авторы «извне» нередко описывают Кимры гиперболически восторженно (прикасаясь как к чему-то уникальному — природа критики ушла, проявившись только в теме, посвящённой наркомании, да отчасти в связи с разрушением исторической деревянной застройки города), то немалое число текстов «изнутри» критичны или проникнуты ностальгией по утраченному. Создатели первых — молодое поколение кимряков; вторые — люди пожилого возраста.

Г.А. Андреев (взгляд «изнутри») исследует Савёлово послевоенное «Мы жили тогда на планете другой...»:

«Если мы пройдем по улице дальше и минуем общежитие, то увидим небольшой прогон, ведущий к проезду на завод. Отсюда раньше начиналась

деревушка Крастуново — она шла до железнодорожных путей, на которые выходила немножко севернее вокзала. Здесь тоже было много вишнёвых садов. Жители деревни держали кур, сюда приходили из Савёлова за яйцами (особенно много покупателей было на Пасху). Теперь уже, естественно, этой деревни нет — её поглотил разросшийся завод»²⁶³. Г.А. Андреев сентиментально-ностальгически запечатлевает Савёлово — гипсовая статуя медвежонка возле детского сада, ухоженные клумбы около несуществующей в настоящее время танцплощадки, дома, выросшие на месте *домиков* и т.д. — складываются в нечто единое, в населённый пункт (?), самодостаточный по сути и хранящий множество собственных локальных мифов. Микротопонимический элемент обретает *свой* образ; в тексте чувствуется претензия на равные права с Кимрами. Хотя в реальности этого, естественно, не происходит.

А.В. Полубота (взгляд «извне-изнутри»; в Кимрах живут родители Полуботы, он проводит здесь достаточно времени) предлагает ещё один стереотип в осмыслении Кимр: «Главное, что выделяет этот приволжский городок среди сотен других — деревянный модерн»²⁶⁴. Взгляд «изнутри» (даже в условном проявлении), как было сказано выше, критичен; потому в тексте А.В. Полуботы описание красот деревянного модерна чередуется с критикой: «Дома, которым повезло с хозяевами, чередуются с покосившимися, а то и обугленными домами-призраками. Особенно поразил меня один дом на Волжском проезде. Издалека он привлёк внимание своим роскошным орнаментом. И лишь, подойдя почти вплотную, я обнаружил, что за треснувшими окнами лежит снег. От умирающего дома осталась одна оболочка»²⁶⁵.

Характерны симптомы времени: разрушающийся центр города, уменьшающаяся слава Кимр как обувного центра. Несколько десятилетий

²⁶³ Андреев Г.А. Мы жили тогда на планете другой (Савёлово послевоенное). — Кимры: Кимрская типография, 2003. — С. 16.

²⁶⁴ Полубота А.В. Деревянный модерн и православие в Кимрах... С. 2.

²⁶⁵ Там же.

назад фраза: «Главное, что выделяет этот приволжский городок среди сотен других — деревянный модерн» была бы немислимой и даже кощунственной.

Атмосфера распада — относительно Кимр — отчётливо ощутима в рассказе А. Рыбина (исключим из описания рассмотренную выше тему «наркомании») «Мой друг Владислав Кугельман», проникнутом идеей бунта, протеста, разочарования. Если Мандельштам посещал кофейню «Эхо», то Рыбин — пивную «Погребок»: «В “Погребке” смешивались алкоголь и кровь. Маргиналы, неудачники, рокеры — вот далеко не полный список тех, кто прозябал там, растрчивал энергию на тосты и короткие, но жестокие междоусобицы»²⁶⁶. В рассказе происходит максимальное сближение образа автора и рассказчика, это повествование о потерянном поколении в Кимрах; решении протагониста вместе с В. Кугельманом устроить в Кимрах «переворот», взрывами «поломать улицы на баррикады»²⁶⁷, а также — здания милиции, прокуратуры, администрации, но «без жертв из числа гражданского населения»²⁶⁸. Основное отличие рассказа от ранее рассматриваемых текстов — в настроении. Описывая городские здания, жителей Кимр и их быт, Рыбин и фонетически, и словесно передаёт атмосферу 1990-х: «неудачники», «не поступил», «недостаточно здоровья», «не мусульман» (избиваемых), «не являюсь» (активистом), «не устраивает» (мир), «нет места», «невероятная сила» (давящих тисков), «не умеют», «не ждут» (Второго Пришествия), «непонятые», «нетвёрдые» (ноги), «несмазанные» (петли двери), «немногочисленные» (посетители книжного магазина; очевидно, что автор причисляет себя к интеллигенции, поскольку акцентирует внимание на этом факте), «не выполнил», «не разбирались» (в политике) и многие другие примеры, связанные только буквами «не» (есть, разумеется, и другие признаки). Очевидная диагностика: непонятое поколение, *не*-случившееся, — потерянное. Общая ситуация в стране

²⁶⁶ Рыбин А. Разложенные города... С. 67.

²⁶⁷ Там же. С. 68.

²⁶⁸ Там же.

отражалась и на провинции. Кимряк — некогда сапожник и купец — становится человеком *без настоящего*.

Минорны стихи С.В. Титова, молодого поэта: «Голубые ели,/ Что ж вы порыжели?/ Что же с вами случилось?/ Неужели старость/ Отворила двери/ В этом тихом сквере?». ²⁶⁹ Имеются в виду ели, расположенные у администрации Кимрского района; в образе, способном идентифицироваться с любым локусом («кимрским» текст можно назвать только по формальным признакам) главенствует интонация — разлада, неприютности, тоски. Это также — следствие 1990-х гг., на которые пришлась юность автора.

Совершенно иная интонация у текстов «извне». В этом аспекте они не взаимодействуют с работами местных авторов 2000-х гг., однако практически все рефлектируют над кимрской историей: обувной, ярмарочной; авторы подмечают детали окружающего, восхищаются деревянным модерном, при этом процент критики весьма незначителен. (Достаточно сравнить с «кимрскими» текстами «извне» начала XX века, многократно отразившими фальсификат кимрских обувщиков — без стеснения в выражениях; теперь речь идёт скорее о бывшей славе.) Образ места предстаёт отчасти «лубочным». Поразительно, но в новейших текстах Кимры «центром мира» (с известной долей условности; а если быть более точным: «столицей») становятся чаще в текстах «извне». Эту тенденцию можно проследить даже на уровне названий. Например, «Кимрогения» у Л.А. Аннинского ²⁷⁰. Обращается критик, однако, к прошлому, конспективно фиксируя ключевые писательские судьбы, связанные с населённым пунктом:

«Следы пересекаются. Если чем и славились Кимры в долитературные годы, так мастерством обувщиков. Что и было подхвачено. Недаром уроженец тех мест писатель Макар Рыбаков хотел взять себе псевдоним “М. Сапожник”. <...>

²⁶⁹ Титов С.В. Тот, кто встречает рассвет. — Кимры: Кимрская типография, 2003. — С. 5.

²⁷⁰ Аннинский Л.А. Кимрогения // Коркунов В.В. «Савёловский период» в судьбах русской литературы... С. 3-5. Второе название очерка также показательное: «Кимрогимния» — Аннинский Л.А. Кимрогимния // Информпространство. — 2014. № 1. — С. 83.

Но, кажется, скоро и “Кимры” будут восприниматься как литературный псевдоним, столь славные служители муз скрестили здесь свои маршруты. <...>

В первый год XX века в Кимрах появляется на свет будущий великий автор “Разгрома” и всемогущий руководитель советской литературы Александр Фадеев. <...>

А Мандельштам, приютившийся на пару месяцев 1937 года в кимрском Савёлове, на 101 километре от Москвы (ближе нельзя), — изо всех сил выкарабкивается хоть к какой-то легальности, а его судьба так и заталкивает в безвестность и несправедливость. <...>

Свет и тьма чередуются в сером сумраке военного времени, белым пятном врежется в эту серость великая фигура Михаила Бахтина, сосланного в Кимры по военному лихолетью, где переживает он беду, преподавая в школе малолеткам и едва выкраивая время для работы над книгами, которыми спустя полвека будет зачитываться мир! <...>

...Сгорел, рванувшись туда, где блеснули штыки и огни. Сгинул в 1941 году. Успел за 27 лет жизни стать профессиональным поэтом. Имя осталось в кимрских литературных летописях. Сергей Петров. <...>

Чаровница рифмы — Белла Ахмадулина — какое чудо сотворила бы из этого слова, попади она в Кимры!

А ведь сотворила. В Кимры не попала — попала в Боткинскую больницу, а Кимры сами к ней пришли...»

Отметим, что Л.А. Аннинский своим текстом рецензирует (вот и взаимодействие) вторую главу настоящего исследования, делая правомерными наши дальнейшие изыскания. И уподобление Кимр литературному псевдониму — не путь ли к восприятию города как текста?

В.Ф. Кравченко (взгляд «извне») начинает знакомство с городом с Кимрского краеведческого музея, где обращает внимание на (sic!) сапожный промысел, останавливается возле рескриптов и грамот, всматривается в

работы скульптора-самоучки Абаляева²⁷¹. Описание не выходит из заданной манеры «центральности», эпитеты подбираются нарочито комплиментарные: «Кимрский театр драмы и комедии — самое большое и нарядное здание в центре города — был заложен в стенах перестроенного городского кафедрального собора»²⁷². (В самой фразе — фактическая ошибка; Покровский собор, на месте которого был построен театр, взорван в 1936 г. — В.К.)

М.Б. Бару определяет Кимры как двойную столицу: «был (город. — В.К.) столицей, даже дважды. В первый раз — обувной, еще в девятнадцатом веке. Тогда Кимры были еще селом»²⁷³ — налицо апологетика, прямо противоположная текстам авторов-кимряков. «Двойную столичность» Бару обосновывает: «потому, что такой красоты деревянных домов, построенных в стиле модерн во втором десятилетии прошлого века, нигде больше не найдешь»²⁷⁴. (Подводим локальный итог: в литературе Кимры были названы в разные периоды сразу тремя столицами — сапожного царства, наркомании и деревянного модерна.)

Манера подачи обоих текстов — сходная: фиксируются образы, пейзажи, прочие характеристики места, при этом всё преподносится «лубочно» — преувеличенно и комплиментарно, исключение: упоминания о разрушающейся деревянной застройке; это non-fiction, вымысла тексты Кравченко и Бару не содержат.

И.М. Михайлов в рассказе «Кимры» аккумулирует правду и вымысел (non-fiction и fiction), наделяет жителей Кимр сказочными и мистическими свойствами, обыгрывает сложившуюся пару: «Кимры» — «кикимора»²⁷⁵ — в этом также присутствует элемент «лубочности»; «столицы мира», но —

²⁷¹ Кравченко В.Ф. Книга реки... С. 85, 86.

²⁷² Там же. С. 86.

²⁷³ Бару М.В. Кольчуга из щучьей чешуи [Электронный ресурс] // <http://magazines.russ.ru/volga/2010/3/ba6.html>.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Михайлов И.М. Кимры // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2012. № 9. — С. 2.

сказочного: «Тут живет деревянная душа кикиморы. С резными наличниками и узорочьем серовато-свекольных оттенков. Новая жизнь запуталась в кружевах и узорах: “услуги связи”, “фермер и садовод”, “продукты”, “фортуна”, “клея”! <...>

А светлая башенка с балконом и крылечко почти васнецовские. Она ни с кем не подружилась. И поэтому избенку регулярно силами местных любителей русской старины поджигают»²⁷⁶.

Напрашивающуюся ассоциацию Михайлов развивает до гиперболы: «...здесь не одна кикимора или один кикимор, а много. И даже если — не кикимора, так ведь все равно: “мры”. Ки-мры! Как гармошка надвое разломана... <...> Есть, однако, и речка Кимрка, которая впадает в Волгу, но это уже дела не меняет: кикимора, кикиморка»²⁷⁷.

Мы бы назвали подобные тексты «свободными от оглядки». И.М. Михайлову, М.Б. Бару, В.Ф. Кравченко не было необходимости обращать внимание на отношение кимряков к их текстам; они создавали «кимрский текст», но: предназначенный для другой аудитории. Г.А. Андреев, А. Рыбин, А.В. Полубота, С.В. Титов генерировали тексты с оглядкой на оценку кимряков. В рассказе А. Рыбина ошутим вызов; в исследовании Г.А. Андреева — ностальгия по «советскому» Савёлову; в статьях А.В. Полуботы — гордость (за «достоинства» Кимр) и боль (за разрушение «достоинств»); в стихах С.В. Титова — метафорически выраженное одиночество.

Художественное осмысление Кимр нашло отражение в творчестве поэта Б.О. Кутенкова (взгляд «извне»). Настроение его стихотворений (минорное) — максимально близко текстам местных авторов (мы, разумеется, не рассматриваем ура-патриотические «тексты», которых было в избытке в XX и XXI вв.). Кутенков пишет: «Из электрички глянь — унылый вид:/ Поля да котлованные раскиды./ Степенность Волги. Кособокий быт./ Часть мира со

²⁷⁶ Там же.

²⁷⁷ Там же.

смешным названьем Кимры»²⁷⁸. Изначальный импульс преломляется в дальнейшем тексте, когда лирический герой начинает открывать Кимры: «Так думал экскурсант в своей узде,/ Чей вечный диалог (читай — увечный)/ По Бахтину, работавшему здесь,/ Желал уйти в дурную бесконечность», и «...Даже воздух, / Пропитанный величием, не с того ль/ Глядит в глаза и честно, и упрямо?.. / — Смотри: вот камни этой мостовой — / По ним ходили ноги Мандельштама...»²⁷⁹ Экскурсию следует интерпретировать и как период познания. Однако «дурная бесконечность» проявилась не случайно; раскрытие этого мотива — во втором стихотворении «кимрского цикла» — «Как сквозной персонаж изнурительно длительной повести...»²⁸⁰ Сквозной персонаж (герой) — маленький человек (типичный образ в любовной лирике: маленький человек для того, в восприятии которого он стремится казаться большим): «Неотступно твой образ всё время стоял предо мной./ И в счастливой ночной бесприютности кимрской гостиницы,/ И в пустыне Египта, что скалила скалы-клыки...»²⁸¹

Кимрская гостиница — место пребывания героя, где антитеза (между текстами) достигает максимального развития, представляется антуражем, фоном, а расстояние, только подогревающее мучительность расставания, усиливает осознание разделённости. В этом контексте Кимры обретают важность и значение. Впрочем, на их месте мог быть любой другой провинциальный город, так же как и в стихах Б.А. Ахмадулиной; в обоих случаях Кимры попали в произведение благодаря стечению обстоятельств.

Среди прочих текстов, связанных с Кимрами, упомянем стихи В. Калитина и Я. Шанли, тождественные случайным упоминанием населённого пункта: «Ну, к чему эти игры, дерзкий Алекс Антей?/ Здесь не Брянск и не

²⁷⁸ Кутенков Б.О. Кимрское // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Поговорим обо всём». — 2009. № 2-3. — С. 3.

²⁷⁹ Там же.

²⁸⁰ Кутенков Б.О. «Как сквозной персонаж изнурительно длительной повести...» // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Поговорим обо всём». — 2010. № 5. — С. 1.

²⁸¹ Там же.

Кимры, ты в Москве — муравей»²⁸² (В. Калитин); «Никогда я не был на Босфоре/ Да и в Кимрах не был никогда»²⁸³ (Я. Шанли). Пейзажные стихотворения (излишне приукрашенные) местных стихотворцев А.С. Рыжовой и В. Соловьёвой: «Вдоль красавицы реки/ Поселились кимряки/ <...> Расторопный кимрячок,/ Сшей мне ладный башмачок»²⁸⁴ (А.С. Рыжова); «Город — на два берега реки,/ Катерки — снующие возницы./ <...> Древний парк — исток счастливых лет.../ <...> Длинный мост ведет в начало дня»²⁸⁵ (В.В. Соловьёва). Повесть М.В. Бувайло «Причастие»: «Утро было мрачное, но постепенно разгулялось, и к Кимрам уже светило солнце. <...> ...а уже у самого посёлка, в овраге, отец Александр провалился в речку...»²⁸⁶ А также — исследование Д. Ефремова, посвящённое картине А. Саврасова «Оттепель», на которой изображены Кимры, а не — согласно распространённой ошибке — Ярославль²⁸⁷.

Словосочетание «деревянный модерн» находим в дипломной повести выпускницы Литературного института им. А.М. Горького Е. Яблонской: «Городок (Кимры. — В.К.) оказался просто чудом — целый квартал деревянных домиков с удивительной резьбой, с балкончиками, мезонинами, мансардами. Русский деревянный модерн начала двадцатого века. И музей у них там замечательный»²⁸⁸. Обнаруженные в описании А.В. Полуботы тенденции появляются и здесь — штрих к образу Кимр — «деревянный модерн» — видится достаточно устойчивым, во всяком случае, на ближайшие десятилетия. Попытка внести в кимрский лексикон словосочетание «каменный модерн», несмотря на выпущенный одноимённый набор открыток, успехом не увенчалась.

²⁸² Калитин В. Игра в Антея [Электронный ресурс] // <http://www.stihi.ru/2007/12/10/1627>.

²⁸³ Шанли Я. Никогда я не был на Босфоре [Электронный ресурс] // http://stihiya.org/work_36104.html?answer=13702.

²⁸⁴ Рыжова А.С. Озарённые луной. — Кимры: Тверские ведомости, 1997. — С. 11.

²⁸⁵ Соловьёва В.В. «...Ветхий облупившийся фасад...» // Где-то в городе... С. 69.

²⁸⁶ Бувайло М.В. С.П.У.М.С. // Город Кимры в художественной литературе и публицистике... С. 131.

²⁸⁷ Ефремов Д.Г. История картины А. Саврасова... С. 100.

²⁸⁸ Яблонская Е. Остров Александров // Рукопись.

* * *

В I главе нами исследованы этапы формирования «кимрского текста» — от первых упоминаний до настоящего времени.

Проделанный анализ позволяет выявить ряд закономерностей (что наглядно позволяет сделать историко-литературный метод). Мотивы, связавшие все три периода, — очевидны. Описания Волги/Кимрки достаточно сходны. Специфика упоминаний о духовном мире/церквях в некотором смысле традиционна для многих малых городов страны: описания церквей (и гордость ими) в дореволюционное время, практически полное забвение в советский период; воспоминания о былом, рассказы о разрушенных храмах и — возврат к изначальному — описания церквей и гордость ими — в современной России. Кимры как царское село наиболее актуальны (в текстах) в дореволюционный период, все позднейшие упоминания — в ракурсах исторических произведений либо художественно осмысленных документальных свидетельств. Микротопонимическая градация — вполне естественна и показывает географическое деление Кимр; в ней, однако, явно выражено Савёлово, но это относится к советскому и настоящему времени — после объединения Кимр с правобережьем, произошедшем в 1934 г. Периодически Савёлово упоминается в текстах безотносительно Кимр. Это, на наш взгляд, существенная отличительная черта; мы можем выделить целый пласт текстов, посвящённых непосредственно Савёлову. Более того, мандельштамовские «савёловский цикл» и «савёловский период» подчёркивают особый статус микротопонима.

Однако наиболее репрезентативны темы сапожного промысла и ярмарок. На примере метаморфоз, происходивших с ними, видны изменения в городе, его жителях и т.д. В дореволюционном периоде — эти симптомы мы черпаем из текстов, а не исторических документов, тем не менее, общие тенденции подмечены сходно — основу кимрского бытия определяют кустари-одиночки и мастерские, организованные зажиточными кимряками. В этот же период развиваются и получают известность кимрские ярмарки. В

советское время эти процессы видоизменяются. Кустарей-одиночек заменяют коллективные мастерские, позднее — фабрики, производство неуклонно растёт; вместо ярмарок появляются базары. В настоящее время наблюдается ренессанс ярмарок (в текстах появление новых кимрских ярмарок отражения на сегодняшний день не нашло — в силу недавнего их возобновления; это дело будущего), однако намного симптоматичнее выглядят тексты, связанные одной ярко прослеживающейся линией — ностальгией по прошлому.

Перефразируя В.В. Абашева, скажем, что мы сконцентрировали внимание на Кимрах как месте для жизни человека и феномене русской культуры²⁸⁹. Именно феномене, поскольку любой локус (кроме совсем незначительных) полнится мифами, событиями, парадоксами, константами бытия.

Мы рассматривали Кимры, художественно осмысленные десятками писателей — создателей «кимрского текста». Писателей разного ряда и носителей разных взглядов: «извне» (гетеростереотип) и «изнутри» (автостереотип). Получившийся текст — также история края, но художественно осмысленная. Отчасти можно говорить об иной реальности места, однако составленная нами таблица (см. Приложение) и её анализ говорят, что основные культурные константы пересекаются с историческими. Литературный и краеведческий дискурсы в событийном плане близки — только по-разному преподносят события, по-разному осмысливают их.

Наиболее важным итогом анализа текстов является представленная в таблице основная структура «кимрского текста». Очевидно, что она легитимна отчасти: небольшое количество изначальных источников позволяют лишь максимально приблизиться к искомой структуре. Но она существует, как существуют слова и выражения, окаймляющие основные кимрские константы, а, следовательно, существует и «кимрский текст».

²⁸⁹ См. у В.В. Абашева: «...о Перми как месте жизни человека и феномене русской культуры». *Абашев В.В.* Пермь как текст. — Пермь: изд-во Пермского ун-та, 2000. — С. 5.

На протяжении главы мы акцентировали внимание на параллельном развитии гетеро- и автостереотипов. Взгляд «извне» неслучайно поставлен нами на первое место, — он первичен. Кимрские авторы, приступив к описанию села, столкнулись с тем, что стереотип о месте — сформирован. Первые их тексты за редким исключением лишены художественности — это бытописания и записки (Н.Г. Лебедев, М.В. Малюгин, А.С. Столяров). Разумеется, сопоставление может быть весьма условным, кимряки в первый, дореволюционный период, способны назвать Кимры разве что одним из лучших сёл губернии (Лебедев). Намёк на локальный «центр мира».

Заострим внимание на принципиальном отличии в описаниях Кимр. В автостереотипных текстах ни разу не встречается упоминание о халтурной обуви — с картонными (бумажными — у В.А. Гиляровского) подошвами, тогда как в текстах «извне» об этой особенности кимрского промысла свидетельствуется неоднократно (А.И. Забелин, М.Е. Салтыков-Щедрин, П.Н. Полевой, Н.Н. Лендер и др.). Это легко объяснимо — репутация напрямую влияла на уровень продаж, и местные авторы всеми силами отстаивали право Кимр на звание «столицы обувного царства». Однако в реальности всё было сложнее. Кимряки действительно могли производить первоклассную обувь (неслучайно они обували русскую армию со времён Отечественной войны 1812 г.), и это также находит подтверждение во многих текстах «извне» — И.Т. Кокорева, С.П. Шевырёва, Н.А. Некрасова и др.

Мнения не противоречат друг другу — заработав высокую репутацию (и только после этого!), кустари позволили себе изготовление некачественной продукции.

В XX веке мы рассматривали проявления гетеро- и автостереотипов параллельно (выделив в отдельный раздел появление первых стихотворений кимрской земли; в них также удалось отыскать проявления образа места), поскольку тексты местных авторов в этот период — история духовного взросления жителей населённого пункта, попытки найти голос и позицию.

Отличный от гетеростереотипного взгляд вырабатывается только к началу XXI века.

Именно тогда намечается осязаемое противостояние «периферия — центр» в мировоззрении жителей города. До этого данная оппозиция «обнаруживала свою условность»²⁹⁰: в дореволюционное время стереотипы восприятия формировались преимущественно «извне», в советский период Кимры становились частью единого механизма страны (сказывалась и близость к Москве, отчего оппозиция проявлялась ещё менее отчётливо).

Для наглядности мы намеренно приводили тексты последних лет (2000-2013 гг.) в сравнении взглядов — «извне» и «изнутри». Процессы глобализации, проникновение в провинцию интернета стали следствием того, что часть кимряков идентифицировали себя жителями малого локуса, практически не выделяющегося на мировой карте. Отсюда понимание своей незначительности. Центр мира становится заштатной провинцией. Появляется больше критических по отношению к окружающей действительности текстов, наполненных: ностальгией по прошлому, общечеловеческой грустью, вызовом миру и др. (Разумеется, присутствуют и прежние мотивы.) Это естественный этап духовного взросления, и преобладающие точки зрения сменяют (и будут сменять) друг друга.

Культурные доминанты также испытывают спады и падения (некоторые и вовсе отмирают); так, некогда гордящийся обувным промыслом край в настоящее время гордится, чаще всего, лишь *памятью* о былом величии. Зато обретает новый признак: Кимры — город деревянного модерна.

Одновременно мы старались проследить за появлением и последующими видоизменениями образа кимряка (кимрячки). Нами выявлено несколько их типов: мужчина-сапожник, кимряк (абстрактный образ, не имеющий к кустарному промыслу отношения), нелепая женщина («порченная жёнка»), женщина-героиня, кимряк-герой, наконец — человек без

²⁹⁰ Милукова Е.В. Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы // Русская провинция: миф — текст — реальность. Сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян / Под ред. В.Н. Сажина. — М., СПб, 2000. — С. 357.

настоящего. Образ кимряка-сапожника централен, поскольку появляется и интерпретируется в произведениях неоднократно (соответственно, он лучше прописан; присутствует большее число деталей), тогда как остальные чаще всего находят единичное отражение в художественных текстах.

Нами предпринята попытка сбора и описания доступных источников, связанных с Кимрами и образующих «кимрский текст». Однако в процессе работы нас неоднократно посещало чувство, что этого недостаточно, что исключительно текстуальный взгляд — одномерен и лишён личностного контекста. Реальность места не может возникнуть только на художественной основе. Как не возникает и на основе краеведческой. Образ места складывается из разных составляющих, и художественное осмысление локуса — лишь одна из них. Нюансы создания того или иного произведения без биографического пласта неясны, и его трактовка может оказаться не точной. Не имея возможности изучить локальные биографии всех создателей «кимрского текста», мы сконцентрировались на некоторых из них.

ГЛАВА II

ЛОКАЛЬНАЯ БИОГРАФИЯ

Биографический элемент чаще всего позволяет преодолеть разрыв между краеведческим и литературным дискурсами, поэтому его анализ при рассмотрении локального текста необходим. Более того, он помогает в какой-то мере переосмыслить «кимрский текст».

Сам по себе текст — в отрыве от судьбы писателя — не может быть многомерным. Мы можем перечислить произведения, описать, определить константы, рассмотреть проявление автостереотипа и гетеростереотипа. Но такой локальный текст априори будет одномерным.

Многомерность (большую точность, нюансировку) придают ему факты из биографий писателей — то, что связывает тексты со временем и пространством, помогает уяснить условия их создания. Отметим, что важны биографии и «своих», и «чужих» авторов, поскольку «кимрский текст» формировался в их произведениях параллельно. И если в первые изученные нами периоды стереотипы восприятия Кимр совпадали (во многом из-за того, что гетеростереотип был сформирован к моменту появления автостереотипа), в 2000-е гг. наметилась разность во взглядах. Приезжающие «чужие» авторы в ряде случаев видели в Кимрах лубочный мир, средоточие деревянного модерна; кимрские — чаще стали воспринимать родной край как отсталую провинцию, не «центр мира», а его периферию. Это закономерный процесс — путешественники («чужие») приезжают в поисках *необычного*; местные авторы осмысливают Кимры в контекстах процесса глобализации и развития Интернета. Появляется более наглядная и доступная возможность сравнивать, — и это сравнение зачастую не в пользу Кимр.

Симбиоз текста и биографии важен в первую очередь для методологии исследования локального текста и уже во вторую — для краеведения. Без биографического контекста те или иные цитаты могут создавать обманчивую характеристику локуса. Тогда как внимательное изучение биографического

компонента (и *биографии*, когда это касается местных авторов, — в нашем случае это С.И. Петров и М.А. Рыбаков) поможет избежать подобных ошибок. Исследуя «кимрские эпизоды» жизни О.Э. Мандельштама и М.М. Бахтина, нам удалось выявить ряд неточностей, связанных с их биографиями, дополнить новыми сведениями и свидетельствами, сделать более полными.

Для контраста нами рассмотрены биографии и таких значимых для Кимр писателей, как А.А. Фадеев и Б.А. Ахмадулина, однако тут необходимы пояснения. Строго говоря, «кимрским» текстом Фадеева является только его письмо кимрякам, опубликованное 1 мая 1946 г. в районной газете. Ахмадулина спроецировала Кимры и кимряков в ряде текстов. При этом Фадеев родился в Кимрах, прожил здесь несколько лет, а в зрелом возрасте не раз посещал город. Ахмадулина в Кимрах ни разу не бывала, однако вела переписку с кимряками и встречалась с ними — в Боткинской больнице или дома, в Москве. Оба писателя одинаково ценятся в Кимрах, их значение достаточно близко друг другу в кимрской парадигме литературных имён.

Изучение авторов, биографический компонент которых условно связан с локусом, также важно. В процессе раскрытия «кимрского образа» Б.А. Ахмадулиной мы провели ряд встреч с людьми, которых она особенно отмечала в письмах и произведениях. Изучение фактов биографии А.А. Фадеева применительно к Кимрам открывает практически не исследованное пространство; мы глубоко убеждены, что «кимрский текст» не может существовать в отрыве от биографического контекста; судьбы писателей, описание которых находится на границе литературного и краеведческого дискурсов, обязаны дополнять работу с текстами. Сбор и описание сведений о жизни человека — технологически сходны. Изучая кимрское бытие наиболее «ярких» писателей, мы приближаемся к новому пониманию (более точному) контекстов их произведений. Не имея представления о пребывании в Кимрах О.Э. Мандельштама, невозможно полноценное толкование его «савёловского цикла»; не прояснив этапы жизни М.М. Бахтина, трудно

осознать сложности, связанные с его научной работой здесь, — и становится понятен контекст его писем. Изучая биографии местных авторов, легче избавиться от несколько пренебрежительного отношения к ним («провинциальности» — особенно в сравнении с классиками) и подойти к оценке их произведений беспристрастно.

Наконец, добавив специфики местного материала посредством изучения биографического контекста, мы придём к более целостному описанию литературно-исторической жизни края, точнее решим проблему, поднимаемую А.Ю. Сорочаном: «...как соотносятся изменения образа региона в литературе с региональными культурными процессами и каковы закономерности эволюции образа места»²⁹¹.

Составив более полную картину, мы сможем точнее ответить на вопрос об имидже региона, о причинах и следствиях многих событий, связанных с локусом, приблизить образ, конструируемый в текстах, к реальности.

Наконец, в симбиозе «текст + биография», в параллельном анализе обеих составляющих, мы объединяем историю места с историей образа места, что, на наш взгляд, должно происходить повсеместно при литературно-краеведческих изысканиях.

Мы рассматриваем биографии разных людей — проживших в Кимрах всю жизнь или несколько лет, бывших здесь на протяжении непродолжительного срока или никогда не бывавших здесь. Будем надеяться, что опыт разработки локальной биографии поможет лучше понять образ Кимр.

Исследование локальной биографии мы начинаем с «общей» ситуации, показанной на примере текста Б.А. Ахмадулиной, затем переходим непосредственно к биографиям (одновременно обращаясь к кимрским текстам изучаемых нами писателей), к примерам, актуализирующим разные состояния гетеро- и автостереотипов.

²⁹¹ Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы... С. 165, 166.

2.1. Сближение гетеро- и автостереотипов на примере «Помышления о Кимрах» Б.А. Ахмадулиной

Пожалуй, самый репрезентативный пример творческого осмысления истории Кимр предпринят Б.А. Ахмадулиной в «Помышлении о Кимрах»²⁹². Образ региона, спроецированный (и осмысленный) мастером, одновременно и исторический документ, и культурологический, объединяющий и краеведческие, и литературные мотивы. Гетеростереотип максимально сближается с автостереотипом; перед нами видение Кимр через призму восприятия других городов — во время бесед с автором настоящего исследования Б.А. Ахмадулина не раз упоминала об упадке духовности и культуры, расспрашивала об истории Кимр, говоря, что именно в таких городах (мотив обобщения) сохраняется исконная Россия. Между тем, факты, послужившие основой текста, не лежат на поверхности, для их понимания и осмысления необходим подробный исторический комментарий (минимальный контекст), предложенный нами ниже²⁹³.

Цикл «Глубокий обморок», в рамках которого написано и «Помышление о Кимрах», был закончен в 1999 г. В его основу легли события, случившиеся в конце 1998 г., когда Б.А. Ахмадулина оказалась в Боткинской больнице. Исторические мотивы проникли в текст благодаря краеведческим книгам, которые санитарки Боткинской больницы привозили поэту. О том, что в цикле будут представлены некоторые эпизоды из истории Кимр, Ахмадулина сообщила в письме от 27 ноября 1998 г. (по дате написания), адресованном В.И. Коркунову: «У меня кое-что затеяно в честь Кимр, если получится, я пошлю Вам»²⁹⁴. Спустя некоторое время стихи были переданы через

²⁹² Часть поэтического цикла «Глубокий обморок»: *Ахмадулина Б.А.* Озябший гиацинт... С. 162-166.

²⁹³ Впервые комментарий опубликован: *Коркунов В.В.* «Столица сердца» Беллы Ахмадулиной. Кимрский след в творчестве поэта // *Знамя*. — 2011. № 9. — С. 204-209. В настоящем исследовании комментарий существенно переработан и исправлен.

²⁹⁴ Письмо хранится в домашнем архиве автора исследования.

санитарок Боткинской больницы, и фрагмент «Помышления о Кимрах» был опубликован в районной газете «Кимрский вестник» от 27 июня 2000 г.

1. Кимры. Сапожный промысел. Духовная жизнь²⁹⁵

*«Старинный, досточтимый городок,
прилежный прихожанин и сапожник...»*

Как уже было сказано во Введении, Кимры впервые упомянуты в 1546 г. и передавались во владение близким ко двору людям — боярам и князьям. В период с XVI по XX вв. развивалось сапожное производство — к 1812 г. кимрские кустари обували всю российскую армию (поставки обуви прекратились после военного конфликта в Афганистане).

Обращаясь к духовной жизни, отметим, что в Кимрах существовало несколько храмов. В 1813 г. был возведён храм Вознесения Господня (на Вознесенской, ныне — Зареченской стороне города), закрытый в начале 1941 г. и вновь открытый лишь в 1991 г. Подворье Ильинского Свято-Троицкого монастыря (однопрестольный храм) было открыто в 1915 г., а завершило функционирование в 1923 г. Ныне на месте бывшего храма расположен спортзал и редакция газеты «Кимры сегодня». Иоанно-Предтеченская церковь была построена в 1875 г. на территории нынешнего правобережья Кимр. В 1930-х гг. храм ликвидирован; на его месте был возведён военный городок. В 1816 г. был заложен (а в 1825 г. освящён) самый, пожалуй,

²⁹⁵ Исторические сведения почерпнуты из книг:

Кашинская писцовая книга 1628-1629. Сост. В.П. Покудин. — Кимры: Кимрская типография, 2006. — 224 с.;

Коркунов В.И. Кимрский край. — Кимры: Кимрская типография, 1998. — 72 с.;

Коркунов В.И., Коркунов В.В. Страницы истории кимрского края. — Тверь: Марина, 2008. — 336 с.;

Коркунов В.И. Страницы истории кимрского края. Часть 2. — Тверь: издательство Марины Батасовой, 2010. — 344 с.;

Коркунов В.И. Кимрский Преображенский собор. Сто лет служения Богу. — Тверь: издательство М. Батасовой, 2011. — 104 с.;

Коркунов В.И. Кимрская Вознесенская церковь: 1813—2013. — Тверь: издательство М. Батасовой, 2013. — 98 с.

Коркунов В.И. Кимрский Покровский собор. — Тверь: издательство М. Батасовой, 2013. — 64 с.;

Коркунова М.П. От «Якоря» до «Красной звезды». — Кимры: Кимрская типография, 1997. — 40 с.;

Крюков Ю.В. Кимры и кимряки. — Кимры: Кимрская типография, 1992. — 96 с.;

Крюкова Г.И. Кимры. Путеводитель. — Тула, 2012. — 48 с.;

Кудинов Н.С. Кимрская земля. — Тверь: ГЕРС, 2007. — 284 с.;

— а также из домашнего архива автора исследования.

величественный храм села Кимры — Покровский собор. В 1832 г. рядом с собором строится Троицкая церковь. В 1930 г. Покровский собор был закрыт, однако Троицкая церковь принимала прихожан ещё несколько лет. В 1936 г. собор был взорван, на его месте построен клуб промкооперации, впоследствии — драмтеатр. Троицкая церковь, к тому времени использовавшаяся как склад, в 1940 г. была разобрана на кирпич.

Скорбященская церковь была возведена в том месте, где устраивал зверинец граф Ю.П. Литта (в 1877 г.) и приписана к Покровскому собору. В 1933 г. храм был взорван, а на его месте устроен городской парк.

Спасо-Преображенский храм (позднее, в 1980-е гг., собор) был открыт в 1911 г. В годы советской власти храм закрылся (последняя служба состоялась в 1929 г.), над священниками начался уголовный процесс. По его итогам церковное имущество описали, протоиерея Ф. Колерова, мирян А. Бойкова и М. Болдакова — расстреляли. В 1998 г. РПЦ причислила их к лику святых новомучеников. После показательного процесса храм преобразовали в клуб, но в 1947 г. Спасо-Преображенский собор был вновь открыт для богослужений.

2. Посещения Кимр

*«Что я! — иные люди город знали:
он посещаем со времён Петра
царями и великими князьями».*

Посещения Кимр боярами, графами и князьями обозначено в предыдущем комментарии. Первое «царское» посещение села состоялось в 1837 г., когда в Кимры с обзорной поездкой по империи прибыл Великий князь Александр Николаевич. 75 лет спустя ему, вошедшему в историю под именем Александра II, в Кимрах был поставлен памятник, «заменённый» впоследствии на памятник В.И. Ленину. Александр Николаевич заглянул в приготовленный для него дом, побывал в Покровском соборе и убыл в тот же

день в Калязин. Посещение Кимр, однако, запомнилось ему, о чём он впоследствии писал отцу.

В 1840 г. Кимры проездом удостоил вниманием Николай I. Сменив лошадей, самодержец двинулся в дальнейший путь.

В августе 1866 г. Кимры посетили Великие князья, братья Александр Александрович (будущий император Александр III) и Владимир Александрович. Гости прибыли в село на пароходе, пообщались с депутатами, волостным старшиной, детьми и др., а также побывали в Покровском соборе, после чего вернулись на пароход.

Великий князь Владимир Александрович посетил Кимры и позднее — в 1892 г., когда осматривал войска и учреждения Петербургского военного округа. Он пробыл в Кимрах около трёх часов, вторично посетив тот же собор, в который заходил с братом Александром 26 лет назад.

3. Савёловский машиностроительный завод

*«...и кимрских жён послала нищета
в Москву,*

на ловлю нищенской зарплаты».

Общая ситуация в стране, не способствовавшая развитию производства, предопределила тот факт, что многие работники фабрик и заводов в середине 1990-х гг. оказались без работы. Градообразующее предприятие города ОАО «Савма» (ныне: ОАО «Савёловский машиностроительный завод»), на котором в советский период работало до 12000 человек, с течением времени сократило количество работников практически в 10 раз.

Среди тех, кто потянулся в 1990-е гг. на заработки в Москву, были и «новоиспечённые» санитарки, устроившиеся в Боткинскую больницу. Например, Т.В. Коростелёву побудили уехать в Москву многомесячные задержки в выплате зарплаты на Савёловском заводе. Т.А. Быкова потеряла работу в Кимрском подсобном хозяйстве.

4. Взрыв Покровского собора

«Урод и хам взорвёт Покровский храм...»

Покровский собор, внешне похожий на Успенский собор Московского Кремля, был построен в 1825 г.; взорван в 1936 г.

Кампания, посвящённая его закрытию, началась в 1925 г., когда на 100-летие собора прибыл Тверской владыка Серафим. Пресса отреагировала на это своеобразно — появился ряд материалов, призывающих прекратить колокольный звон, закрыть собор и устроить на его месте культурное учреждение. В 1929 г. горсовет отправил в Москву соответствующее ходатайство, мотивировав его тем, что собор не представляет собой архитектурной ценности. Ходатайство было удовлетворено, и в 1930 г. постановлением Московского областного исполкома (Кимры в тот период входили в состав Московской области) храм был закрыт. С куполов сняли золотое покрытие, он был частично обезглавлен, и в таком виде простоял вплоть до взрыва в 1936 г. После разбора завалов на месте бывшего храма был возведён клуб промкооперации, впоследствии — драмтеатр.

5. Погост при Скорбященской церкви

«Кладбищенская церковь там была

и называлась:

“Всех скорбящих радость”».

Кладбищенская церковь, упомянутая Б.А. Ахмадулиной, была построена в 1877 г. и приписана к Покровскому собору. Как следует из грамоты архиепископа Тверского и Кашинского Филарета, возле вновь устроенного кладбища было решено строить новую церковь в честь Пресвятой Богородицы «Утешение всех скорбящих» (в народе — Скорбященская церковь). Кладбище — обнесено каменной оградой, главные ворота сохранились и по сегодняшний день. Оно считалось крупнейшим в Кимрах, на нём хоронили жителей Троицкой стороны города (по названию храма). Приписка же к собору означала, что службы в церкви с престолом в честь

иконы Пресвятой Богородицы «Всех скорбящих радость» проводились священниками Покровского собора. В 1933 г. церковь была взорвана, а кладбище закрыто.

6. Городской парк. Место проведения городских мероприятий

«В том месте — танцплощадка и горпарк,

ларёк с гостинцем ядовитой смеси.

Топочущих на дедовских гробах

минуют ли проклятье и возмездье?»

Ещё до момента закрытия кладбища в прессе раздавались призывы о его ликвидации и превращении территории, на которой были похоронены предки горожан, в парк культуры и отдыха. Не дождавшись окончания процесса минерализации, власти приступили к созданию городского парка.

Во второй половине 2000-х гг. на бывшее кладбище были перенесены и основные городские мероприятия — День города (ранее отмечавшийся в центре города у памятников В.И. Ленину и А.Н. Туполеву), День студента и др. Горожанам и гостям города предлагаются разнообразные напитки, закуски и сувениры. В течение нескольких лет, в конце 1990-х — начале 2000-х гг., на территории парка проводилась открытая дискотека (впрочем, дискотека проводилась и ранее — в советское время).

Текст Ахмадулиной важен ещё и потому, что в нём отразилось большинство определённых нами кимрских констант. В нескольких строфах поэт передал квинтэссенцию знания о Кимрах. И это — отметим ещё раз — чужой по отношению к локусу автор. Необходимость в подробном комментарии основывается на нескольких составляющих: показать тот объём знания, который был сосредоточен в поэтических строках; представить исследователям поэтики Ахмадулиной сведения о городе, кратко ею описанном; наглядно объединить литературный и краеведческий дискурсы — что, на наш взгляд, крайне важно в понимании «Помышления о Кимрах»,

исторический материал которых был собран из краеведческих книг и рассказов кимрячек. В отношении локальных текстов, «Помышления о Кимрах» образуют любопытный симбиоз — перед нами попытка взгляда ««изнутри»» без непосредственного присутствия в населённом пункте. Текст Ахмадулиной более подробен, чем подобные ему описательные стихи о Кимрах Шведова (который сосредоточился, в основном, на обувном промысле) и уступает в насыщенности константами только Ситновой — местному поэту. В литературном плане сравнения между Ситновой и Ахмадулиной, разумеется, некорректны. Тем не менее, работы трёх обозначенных авторов художественным образом осмысливают историю Кимр; последние двое опираются при этом и на краеведческие описания, что ещё больше сближает дискурсы.

2.2. «Вдали от Кимр»: А.А. Фадеев и Б.А. Ахмадулина

2.2.1. А.А. Фадеев: на малой родине

Фадеевских «следов» в Кимрах, несмотря на то, что они — его родина, сравнительно немного. «Писательский министр» и бывал здесь нечасто (после отъезда семьи из Кимр), всего несколько раз. Однако трудно переоценить значение писателя для города, гордящегося родством с создателем «Разгрома» и «Молодой гвардии», а потому поиск и систематизация наличествующих в Кимрах сведений, которые связывают населённый пункт и А. А. Фадеева, — дело не бесполезное. Особенно сейчас, когда активно пересматривается советское прошлое, а крайне противоречивые поступки отдельных его фигурантов (в том числе и Фадеева) становятся поводом едва ли не для приговоров. Точную характеристику Фадееву, на наш взгляд, дал С. И. Липкин: «...и предсмертная речь (возможно, имелся в виду предсмертный звонок сестре, и слова писателя:

“Они думают, что я могу что-то сделать, а я ничего не могу”²⁹⁶. — В. К.), и самоубийство Фадеева суть выражение доброго начала в этом человеке, осуждённого стать жестоким. Его самоубийство не грех перед Богом, а желание искупить смертью свои грехи»²⁹⁷. Тем не менее, этот писатель стал одним из символов Кимр.

Родился А.А. Фадеев 24 (11) декабря 1901 г. в Кимрах. Как свидетельствует метрическая книга Покровского собора, хранящаяся в Кимрском краеведческом музее: «Родился: 11 декабря 1901 года. Крещён: 13 декабря 1901 года. Имя при рождении: Александр. Родители: Пермской губернии, Ирбитского уезда, Покровской волости, села Покровское крестьянин Александр Иванов Фадеев и законная жена его Антонина Владимировна, оба православного вероисповедания. Восприемники: вдова Титулярного Советника Ольга Ивановна Кунц, кимрской земской больницы фельдшер Фёдор Степанов. Таинство крещения совершал: священник Александр Молчанов с причтом»²⁹⁸. Точная дата приезда Фадеевых в Кимры неизвестна, однако произошло это не ранее 1901 г.²⁹⁹ Здесь А.В. Кунц, мать А.А. Фадеева, устраивается работать в местную больницу (впоследствии в этих корпусах разместилось психоневрологическое отделение ЦРБ, проданное в конце 2000-х гг. в частные руки и сгоревшее в 2009-2010 гг.), отец не работал — занимался революционной деятельностью. Через несколько лет Фадеевы покидают Кимры.

До 1940-х гг. А.А. Фадеев родину не посещал. 7 июня 1941 г. писатель вместе с матерью на теплоходе по каналу Москва-Волга прибыл в Кимры. Здесь они искали дом, в котором когда-то жили, но безуспешно — на его месте был построен Преображенский собор (находившийся в

²⁹⁶ Имеется в виду: Предсмертное письмо А. А. Фадеева в ЦК КПСС. 13 мая 1956 г. // Известия ЦК КПСС. — 1990. № 10. — С. 147-151.

²⁹⁷ *Фадеев А. А.* Письма и документы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства. — М. Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2001. — С. 210.

²⁹⁸ Переписано автором исследования. Ранее не публиковалось. Метрическая книга хранится в Кимрском краеведческом музее.

²⁹⁹ О данном выводе см. *Коркунов В.В.* «Савёловский период» в судьбах русской литературы... С. 7-8.

непосредственной близости от больницы и поглотивший несколько частных строений).

Остановились Фадеевы в гостинице (комната № 12) на набережной, вблизи от редакции газеты «Коллективная жизнь». Фадеев не планировал афишировать приезд и, чтобы предотвратить огласку, отправился в редакцию. По воспоминаниям заведующего промышленным отделом газеты тех лет А. Никитина, первой фразой Фадеева, когда он переступил порог редакции, было: «Здравствуйте, земляки! Как живёте-трудитесь, братья-писатели?», затем была озвучена просьба об анонимности³⁰⁰. Однако известие о его приезде успело просочиться в прессу, и в газету поступали просьбы кимряков о встрече с земляком. Тверской писатель П.П. Дудочкин, в тот период работавший в «Коллективной жизни», вспоминает пятничный «редакционный переполох» (когда пришло известие о приезде Фадеева): «...все четыре полосы очередного, субботнего, номера и внутренние страницы на воскресенье были уже набраны. Кое-что пришлось переверстать. Сгрудившись у стола ответсекретаря Киры Петровой, сотрудники всех отделов ещё раз с пристрастием сообща вычитывали каждую строчку. — Вы по-особому в оба смотрите, — предупредила меня Кира, — в субботнем номере сообщение о приезде Александра Александровича рядом с вашей рецензией на кинофильм “Фронтовые подруги”, а в воскресенье на литературной странице ваш рассказ с отрывком из фадеевского романа “Последний из Удэге”» (на этой же литературной странице было опубликовано и стихотворение местного поэта А. Ошкукова «Новая Волга», в котором символично говорилось о развивающемся пароходном транспорте. — В.К.)³⁰¹. Узнав об этом, Фадеев дал согласие встретиться с кимряками и вместе с А. Никитиным отправился изучать город.

³⁰⁰ Никитин А. Встреча в Кимрах // За коммунистический труд. — 1971. 23 декабря. — С. 2.

³⁰¹ Дудочкин П.П. Сила чувства (из дневника писателя) // Смена (Калинин). — 1981. 22 декабря. — С. 7.

Приезд Фадеева в Кимры оброс немалым количеством мифов. Воспоминания кимряков о встрече с писателем публиковались несколько десятилетий. Мы собрали и обобщили эти сведения.

Одним из первых мест, которые посетил А.А. Фадеев, стала библиотека Кимрского педагогического училища. Её заведующая, О. Смирнова, вызванная к директору, вспоминает: «[директор] — С вами хочет познакомиться писатель Александр Александрович Фадеев», и одновременно: «навстречу мне идёт высокий стройный мужчина и лично представляется, а затем говорит, что хочет познакомиться с книжным фондом библиотеки. <...> Когда подошли к букве “Ф”, он поинтересовался, как читаются его романы “Разгром” и “Последний из Удэге”. Они постоянно были на руках. Завязалась беседа. Он узнал, что роман “Последний из Удэге” в библиотеке имеется не полностью. Он обещал прислать (но получилось так, что вскоре началась Великая Отечественная война, и поэтому книгу я не получила)»³⁰².

В библиотеке встретился с Фадеевым и А.В. Огнёв, в дальнейшем — доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы XX-XXI вв. Тверского государственного университета. Огнёв зафиксировал в памяти вопрос писателя, какие его книги пользуются популярностью. Последовал ответ, что «постоянно интересуются “Разгромом”, а роман “Последний из Удэге” читают меньше»³⁰³.

В тот же день Фадеев переправился на савёловскую сторону Кимр и посетил клуб Савёловского машиностроительного завода, где его уже (!) ожидали рабочие, инженеры и служащие предприятия.

Вопросы на этой и последующих встречах касались, в основном, литературы. «По существу это были вечера вопросов и ответов, — вспоминает А. Никитин. — Участники встреч спрашивали Фадеева, над

³⁰² Смирнова О. Дорогой образ // За коммунистический труд. — 1971. 23 декабря. — С. 2.

³⁰³ Огнёв А.В. Александр Александрович Фадеев // Литературное краеведение XX века. Уч. пос. / Под ред. А.М. Бойникова. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. — С. 106-116.

какими произведениями работают известные прозаики и поэты — М. Шолохов, К. Федин, И. Эренбург, А. Толстой, Н. Тихонов и А. Сурков, П. Павленко и А. Твардовский, а также молодые начинающие писатели, полюбившиеся читателям»³⁰⁴.

Очередная встреча — на этот раз со студентами и представителями городской интеллигенции, среди которых были и сотрудники «Коллективной жизни» — прошла на следующий день в Доме учителя. А.В. Огнёв запомнил два вопроса, заданных писателю: «Один из них, как можно было судить по выражению лица, мимике и интонациям Фадеева, был ему неприятен: “Как Вы относитесь к критическим замечаниям Горького в адрес Вашего романа “Последний из Удэге”? <...> Его ответ не был однозначным: “Могу сказать, что у Горького были основания для критики...” <...> На второй вопрос: “Что сейчас делает Демьян Бедный?” Фадеев, немного подумав, суховато-официально, но с оттенком горечи ответил: “Демьян Бедный что-то пишет, его никто не печатает. Живёт он на то, что продаёт книги из своей библиотеки”»³⁰⁵.

Как свидетельствуют очевидцы, Фадеев интересовался жизнью кимряков, их бытом, обходил улицы; заглянул в книжный магазин выяснить, какие книги пользуются спросом, посетил новые механизированные цеха артели «Вторая пятилетка» и обувной склад Кожпромсоюза, клуб промкооперации, где Калининский драматический театр показывал спектакль «Платон Кречет», а также Кимрский краеведческий музей, в котором экспонировались работы самодеятельных художников — пристрасно изучив экспонаты о развитии обувного промысла в регионе. Особенно привлекли писателя скульптуры, вырезанные из дерева — работы И.М. Абалеева. «Связь» с деревянными скульптурами и Фадеевым в Кимрах проявится несколько позже: в детской библиотеке города, названной его именем, появится изготовленный из дерева бюст молодого Фадеева

³⁰⁴ Никитин А. Встреча в Кимрах... С. 2.

³⁰⁵ Огнёв А.В. Александр Александрович Фадеев... С. 110.

(выполненный по фотографии) работы мастера-самоучки — А.И. Панова³⁰⁶. Ещё один бюст Фадеева, находящийся в Кимрах, выполнен И.П. Волковым³⁰⁷.

Вечером писатель вместе с матерью гулял по волжской набережной (ул. Пролетарская), на которой располагалась гостиница. Впоследствии ул. Пролетарская будет переименована в Набережную Фадеева.

К Фадеевым, по воспоминаниям очевидцев, с вопросами о городе и советской литературе многократно обращались горожане; встретились с писателем председатель исполкома горсовета, а также редактор «Коллективной жизни» И.В. Плохов.

Фадеевы намеревались провести в Кимрах ещё несколько дней, но телефонный звонок из Москвы прервал «отпуск» писателя. С железнодорожной станции Савёлово он отбыл в Москву.

Ещё во время первой встречи с общественностью города, состоявшейся в клубе Савёловского машиностроительного завода, у А.А. Фадеева спросили, приедет ли он снова в Кимры. Отвечая, писатель развёл руками: «Что приеду — это обязательно, а когда...»³⁰⁸

В 1947 г. Фадеев вновь посетил Кимры. На этот раз визит его был до такой степени неофициальным, что кимряки узнали о приезде писателя спустя годы. П.П. Дудочкин, фиксировавший в «дневниках писателя» события, связанные с литературой тверского края, не обошёл вниманием и этот факт: «...приезжал вместе с писателем Фёдором Ивановичем Панфёровым, чтобы отдохнуть денёк-другой на охоте в приволжских перелесках. Останавливались не в гостинице, а у старейшего работника юстиции Василия Семёновича Шеврыгина, <...> с которым автора “Брусков” связывала давнишняя дружба»³⁰⁹.

³⁰⁶ Рулькова Е.П. В дар библиотеке // Калининская правда. — 1988. 31 января. — С. 4.

³⁰⁷ Крюкова Г.И. Познавший славу и хулу // Кимрский вестник. — 2001. 29 ноября. — С. 3.

³⁰⁸ Дудочкин П. Сила чувства... С. 7.

³⁰⁹ Там же.

Подтвердил это и сам В.С. Шеврыгин в беседе с краеведом В.И. Коркуновым. Действительно, Панфёров нередко приезжал к нему поохотиться. Подобных визитов было немало, в один из которых с ним был и Фадеев. Они переночевали у Шеврыгина (проживавшего в то время на ул. К. Маркса. — В.К.) и отправились на охоту в леса у д. Плешково (неподалёку от пос. Белый Городок). Спустя несколько дней вернулись в Кимры, после чего отправились в Москву³¹⁰.

О другом неофициальном визите Фадеева рассказал местный старожил Н. Бельведерский, которому, в свою очередь, большую часть истории поведал коллега по работе А. Барабанов. События эти относятся к 1951 г., когда Бельведерский вместе с Барабановым возвращались домой после дневной смены на фабрике «Стахановец». Дальнейшее цитируем по тексту В.И. Коркунова:

«На углу улиц Шевченко и Некрасова они остановились возле закусочной, в простонародье называемой пивной. <...> В то время как А. Барабанов убеждал приятеля посетить торговую точку, где можно было не только опрокинуть в рот стаканчик вина, но и перекусить, возле них остановилась легковая машина марки “Победа”. Из неё вышел незнакомый седовласый мужчина и направился в закусочную. А. Барабанов на этот раз не смог убедить приятеля посетить закусочную, и они разошлись.

В пивной А. Барабанов волею случая оказался за одним столиком с незнакомцем, который угостил его бокалом вина и кружкой пива. Незнакомец был доброжелателен и разговорчив. Заметив, что его собеседник-кимряк слегка захмелел, он попросил шофёра подвезти того до дома. Сидя в кабине “Победы”, А. Барабанов всю дорогу допытывался у водителя, кто же этот незнакомец. Шофёр только отмалчивался. Но когда приехали к указанному месту, коротко обронил: “Это писатель А. Фадеев,

³¹⁰ Кудленков В. Дважды в нашем городе // Народный депутат. — 1991. 28 декабря. — С. 4. (В. Кудленков — псевдоним В.И. Коркунова.)

ваш земляк». А. Барабанов только ахнул и поспешил вслед за уходящей машиной в надежде застать своего недавнего собеседника, но не успел»³¹¹.

Других свидетельств о визитах А.А. Фадеева в Кимры на сегодняшний день нет.

Несколько лет спустя жизнь писателя трагически оборвалась на его даче в Переделкино, когда он 13 мая 1956 г. покончил жизнь самоубийством.

На похороны земляка из Кимр отправилась делегация, состоящая из именитых горожан, представителей интеллигенции и партийной верхушки города. Их воспоминания хранятся в краеведческом музее города Кимры.

Юбилеи А.А. Фадеева неизменно отмечались на его родине. Листая подшивки районной газеты «Коллективная жизнь» (позднее — «За коммунистический труд» и «Кимрский вестник»), можно проследить за тем, какое значение придавали жители города земляку, жизнь и творчество которого испытали столько критических и оценочных метаморфоз. Не останавливаясь на описании мероприятий (см. Приложение), заострим внимание на символах памяти, связанных с Фадеевым и хранящихся в Кимрах.

В номере газеты от 25 декабря 1971 г., в двух небольших сообщениях под общим заголовком «В честь писателя-земляка», говорилось об открытии 23 декабря мемориальной доски А.А. Фадеева на здании городской гостиницы, сопровождавшемся митингом и праздником улицы Набережная Фадеева³¹² (вторая мемориальная доска, с барельефом, выполненная художником и скульптором Ю.Ф. Кузнецовым, была установлена на здании гостиницы «Чайка» спустя порядка двадцати лет. — В.К.).

20 апреля 1972 г. по инициативе горкома ВЛКСМ детской библиотеке г. Кимры было присвоено имя А.А. Фадеева. С течением лет в ней собирались предметы и тексты, объединённые «фадеевской» темой, например, появившийся в 1984 г. портрет писателя. Долгие годы в местных газетных

³¹¹ Там же.

³¹² <Без названия> За коммунистический труд. — 1971. 25 декабря. — С. 3.

материалах, посвящённых А.А. Фадееву, факт наличия портрета умалчивался, не было никакой информации о его происхождении, дате создания и художнике. Автор исследования обратился к директору Детской библиотеки им. А.А. Фадеева М. Шустровой с просьбой поднять накладные за 1970-е и 1980-е гг. для того, чтобы отыскать информацию о покупке портрета. Через некоторое время искомый документ был найден.

Накладная № 1 от 1 февраля 1984 г. сообщала, что в этот день сотрудник детской библиотеки Е.П. Рутькова получила «художественный портрет Фадеева» стоимостью 365 рублей 13 копеек. Нас удивила запрошенная (немалая по тем временам) сумма. Однако Л.И. Иванова, директор Центральной районной библиотеки, успокоила — в цену портрета входила и пересылка, и рамка (с тех пор не обновлявшаяся).

Однако информации о художнике и о месте изготовления портрета в накладной не было. Нам удалось уговорить библиотекарей снять портрет со стены и внимательным образом его исследовать. Как и следовало ожидать, на задней стороне полотна находилась искомая информация, которую мы сейчас вносим в кимрское «фадееведение»: автором картины являлся некий В.И. Иевлев, а сам портрет изготовлен на комбинате Живописно-оформительского искусства ЛО Художественного фонда РСФСР, в Ленинграде. Дата принятия портрета художественным советом комбината — 7 декабря 1983 г.

К 100-летию юбилею А.А. Фадеева появились тематические материалы во всех городских газетах. В Кимры приехали сын и внук «писательского министра» — на следующий день после торжественного празднования юбилея в ИМЛИ. Состоялось красочное мероприятие в театре, прошли встречи в библиотеке, после чего в «фадеевском» альбоме Детской библиотеки им. А.А. Фадеева остались автографы его родственников. Ещё один факт, о котором необходимо упомянуть: в 2000-е гг. мемориальная доска А.А. Фадеева на гостинице «Чайка» оказалась внутри пристроенного рядом «летнего кафе», что естественным образом ограничило доступ к нему экскурсантов и гостей города (большую часть года кафе закрыто).

Единственным «кимрским» текстом Фадеева, как мы уже говорили, является его письмо кимрякам 1946 г. В нём отчуждённо и «официально» сообщалось о славе «замечательных мастеров кустарного производства обуви», не померкшей и в советский период. Далее, после нескольких слов о закономерном росте бывшего села³¹³, следует пожелание успешного труда. В тексте чувствуется имитация. И если в случае с Рыбаковым последний имитирует литературный канон (А.М. Горького), то Фадеев, чьё отождествление с Кимрами не более чем формально — в тексте поздравления имитирует принадлежность к малой родине (именно на уровне текста), оставаясь в нём центральным, а не периферийным автором.

2.2.2. Б.А. Ахмадулина: с тоской о России

Отметим сразу: Б.А. Ахмадулина в Кимрах не бывала. Однако её поэтический цикл «Глубокий обморок», в состав которого вошли «Помышления о Кимрах» (и «Больничные шутки и развлечения»), а также некоторые другие тексты, в которых находят отражение Кимры и кимряки; дружба и переписка с жителями города, и кроме этого — значение, которое оказали её строки на самосознание кимряков в последние годы, позволяют отдельно выделить «кимрский» биографический элемент поэта. Автору исследования удалось собрать воспоминания кимрских санитарок Боткинской больницы, в период написания «Глубокого обморока» и позднее общавшихся и, возможно, друживших с поэтом. Локальная биография, таким образом, складывается из чужих слов.

Необходимо отметить, что Кимры для Ахмадулиной действительно имели лицо и образ. В немалой степени — уходящей России, в чём автор исследования убедился во время встречи с поэтом в октябре 2008 г.³¹⁴ Б.А.

³¹³ Коркунов В.В. «Савёловский период» в судьбах русской литературы. — Кимры: Кимрская типография, 2012. — С. 12.

³¹⁴ Коркунов В.В. Стихи о больничной одинокости. «Глубокий обморок» Беллы Ахмадулиной // Осиянное слово. — 2011. № 2. — С. 105, 106.

Ахмадулина рассказывала о любви к маленьким городам, о том, что именно в них сохраняется исконная русская жизнь, день за днём «выметаемая» из столиц: «Я хочу ещё написать о Кимрах. Когда я вижу разруху, мне от этого больно. Я не против, чтобы *они* строили особняки. Но важно, чтобы сохранялось исходное. Таруса и... Кимры. Кимры менее знамениты, но разрушены больше». Действительно, в февральском номере журнала «Знамя» за 2009 г. появилась небольшая заметка Б.А. Ахмадулиной о Кимрах³¹⁵. Историю города — в комментариях к строкам Б.А. Ахмадулиной — мы рассмотрели в разделе «Сближение гетеро- и автостереотипов на примере “Помышления о Кимрах” Б.А. Ахмадулиной», в дальнейшем тексте проследим за воплощением человеческих образов в стихах.

В 2010 г. — в августе и сентябре — автор исследования встретился с двумя санитарками, Татьянами, ставшими героинями цикла. В письме к Н.Б. Ивановой, опубликованном в «Знамени» (№ 1, 2001 г.), Ахмадулина отзывалась об одной из них с такой теплотой: («Таня Быкова — реальное, чрезвычайно милое лицо, чудесный русский характер, сохранивший благородную кимрскую старинность, когда-то знаменитую, теперь повреждённую и оскудевшую, к счастью, не совсем»), что искренность сравнения Тани с няней пушкинской Татьяны, проявившегося в «Памяти Симона Чиковани» («Как Таня к няне, я приникну к Тане...»³¹⁶) не вызывает ни малейшего сомнения.

С Т.А. Быковой (отразившейся в большем количестве текстов), автор исследования встретился осенью 2010 г. Расшифровывая беседу, мы старались максимально точно отследить образ Б.А. Ахмадулиной и атмосферу больничных будней.

Т.А. Быкова:

³¹⁵ Ахмадулина Б.А. Предисловие к статье В.В. Коркунова «Пароходик с петухами». О пребывании Осипа Манделштама в Кимрах // Знамя. — 2009. № 2. — С. 153.

³¹⁶ Ахмадулина Б.А. Озябший гиацинт... С. 215.

«Мы работали посуточно. Осенью, когда ездили на электричках в Москву, вагоны отапливались очень плохо. Когда начались холода, мы приезжали всё мороженые, замёрзшие. И спешили в больницу — отогреться»³¹⁷. После одного из подобных приездов состоялась встреча с новой пациенткой: «— Ой, девчонки, вы откуда? — Из Кимр. — А где это?».

Т.А. Быкова:

«Я рассказывала, какие у нас достопримечательности есть. Что много народу работало на Савёловском заводе, что места в Кимрах — залюбуешься. Говорили и о том, что со времён Петра I сапоги шили, а ещё было предание, что придворные дамы, когда случайно беременели, рожали и кимрским няням отдавали своих детишек, отправляли их в Кимры».

Как писала Б. А. Ахмадулина, «...все сёстры, все сиделки, санитарки,/ как сговорившись, прибыли из Кимр./ Приятно, но загадочно, не так ли?». Ещё одна Таня, Т.В. Коростелёва (мы встретились с ней летом 2010 г.), подтверждает эти слова: «По странному совпадению, в конце 1990-х гг. отделение Боткинской больницы кимрское было — столько девчонок! Только Галя Колосова временно ушла из санитарок в прибольничную церковь. Рядом с больницей церквушка была, где отпевали умерших больных. Но Галя постоянно забегала к нам. Ещё там была Лена, наша, кимрская, я не помню её фамилии, чёрненькая такая... И много других!»³¹⁸.

В 1998 г. они беседовали о взорванном в 1936 г. Покровском соборе, разрушенной Скорбященской церкви, Преображенском храме. «Я как прихожу в церковь, в наш Преображенский собор, сразу Беллу вспоминаю, — говорит Т.В. Коростелёва. — Я ей рассказывала про наши церкви, о крестных ходах с иконой Иверской Божьей Матери по осени... В письмах она наказывала поставить свечку перед иконой...»

Таким образом, намечаются связи Ахмадулиной и Кимр; столичный автор отождествляет себя с провинцией, ищет в ней исконную Россию — и

³¹⁷ Диктофонная запись беседы хранится в домашнем архиве автора исследования.

³¹⁸ Диктофонная запись беседы хранится в домашнем архиве автора исследования.

затем обращается в художественных текстах. Очевидно, что являясь столичным жителем географически, Ахмадулина испытывала нехватку впечатлений и событий для создания провинциального литературного текста, *более русского с её точки зрения, чем непосредственно столичный.*

Изучив книги о Кимрах, привезённые Т.В. Коростелёвой, Ахмадулина в прямом смысле удивила санитарок: «Она нам про наши Кимры больше рассказала, чем мы о себе знаем! Как к нам икону везли, Иверскую Божью Матерь, несли её на руках...» (Т.А. Быкова)³¹⁹.

Многое из рассказов санитарок, больничных случаев и событий, находило отражение в «Глубоком обмороке». Эта констатация больничной жизни, многомерной, многосюжетной при ближайшем рассмотрении, с расстояния представляется отражением небольшого мирка, в который попали самые разные люди, вынужденные какое-то время быть вместе. Они находили общее друг в друге, объединённое абстрактной бедой: болезнью тела — со стороны пациентов, и болезнью души — со стороны общества, поместившего, надо полагать, не только «кимрских жён» в больничный мир.

Т.А. Быкова:

«Она к людям относилась с уважением, к тем, которые помогают. Вот мы, нянечки... Её дочки навещали, Лиза и Аня. Бывало я приду в палату, они сразу вставали. Белла Ахатовна говорила, что они так привыкли — очень уважительно всегда с няней общались. “Мы в разъездах с Борисом, — говорила. — Дочки с няней оставались”».

Ещё один эпизод: когда персонал корпуса, где трудились кимрячки, готовился отмечать наступающий 1999 г., в отделении раздался телефонный звонок. «“Тань, тебя к телефону”, — вспоминает Т.А. Быкова. — Подхожу. Белла Ахатовна: “Таня, приезжайте ко мне, у меня здесь подарки для Вас”».

³¹⁹ Икона Иверской Божией Матери была доставлена в Кимры специальным поездом из Москвы 6 мая 1901 г. В Москву она попала с берегов Средиземного моря, Святой горы Афон, откуда её в дар кимрскому собору прислал настоятель Андреевского скита архимандрит Иосиф с братией. В Москве она была освящена, а в Кимрах от станции Савёлово до собора шествовал крестный ход. Эта икона считается покровительницей Кимр.

Этими «артефактами» стали Санта Клаус, в настоящее время отданный дочери, но каждый год занимающий место у ёлки; зимние рукавицы; термос: «Его Борис Асафович привёз. Белла Ахатовна говорила ему: “Привези, Таня замёрзает!” И этот термос у меня 11 лет был. Но в марте на кухне пожар случился, и термос сгорел тоже... А я с ним в те годы в больницу ездила, согревал он меня...»

Во время встречи с Т.А. Быковой мы рассматривали фотографии, изучали книги, письма и газетные вырезки из её «ахмадулинского» архива. На одной фотографии, запечатлевшей Б.А. Ахмадулину, обращает на себя внимание обратная сторона, на которой рукой поэта написаны слова: «Милая, дорогая Танечка! От всей души моей желаю вам радости. Благоденствие трудно достижимо, но Ваше благо — в Вашей семье, в Вашем добром и светлом характере. Будем и мы считать, что посуда бьётся к счастью. Спасибо Вам! Ваша Белла Ахмадулина. 26 ноября 1998 г.»³²⁰. В этой констатации — подтверждение той локальной значительности, которую имела Т.А. Быкова для поэта.

Биографические факты из жизни санитарки находили отражение в литературном контексте. Рассказ Быковой: «Вот у меня вечно из рук всё падает, начинаю мыть посуду — всё разлетается. Бывает даже так, что и пить-то не из чего» находит поэтическое подтверждение в «Больничных шутках и развлечениях»: «...грохнулось приданое сервиза,/ своею волей быть не пожелав». И позже: «Сегодня — дети дедовскую чашу/ раскокали о мыльный водоём./ Я говорю ей: — Таня, это к счастью! —/ Вздыхаем и смеёмся с ней вдвоём»³²¹.

Сказанное выше позволяет резюмировать: Т.А. Быкова была для Б.А. Ахмадулиной не только героем стихотворений; по ряду свидетельств можно сделать вывод, что пациентка и санитарка действительно были духовно близки. В письме Т.В. Коростелёвой Ахмадулина отмечала, что она «очень

³²⁰ Копия фотографии находится в домашнем архиве автора исследования.

³²¹ *Ахмадулина Б.А.* Влечёт меня старинный слог... С. 470.

сдружилась»³²² с Быковой; в февральском номере «Знамени» за 2009 г. Ахмадулина также отзывается о ней: «Я нежно возлюбила санитарку Таню, как и многие ее подруги, проживающую в городе Кимры. <...> Сама же Таня была очень добрая, пригожая, умно претерпевающая невзгоды своей юдоли. Таня постоянно, во время ночных дежурств, рассказывала мне о своем родном городе Кимры, когда-то в давние времена пышно знаменитом, богатым, славившемся своими ярмарками, особенно же, со времен Петра I, сапожным ремеслом»³²³. (Во время нашей встречи в 2008 г. Б.А. Ахмадулина с сожалением рассказывала, что контакты с Т.А. Быковой оказались потерянными.)

Образ Тани запечатлён не только в «Глубоком обмороке». Ещё в двух стихотворениях Б.А. Ахмадулиной: «Памяти Симона Чиковани» (из цикла «Сны о Грузии») и «Шесть дней небытия не суть нули...» (из цикла «Блаженство бытия 1999-2000») появилась «любимица Татьяна»³²⁴. Как и в предыдущих случаях, происшествия и факты биографии находили отражение в стихотворениях. Например: в реанимации, в соседнем корпусе больницы, Быкова увидела женщину на каталке, покрытую простынёй — были видны одни волосы. Стихотворное воплощение события: «...вошла, рыдая, санитарка Таня...», поскольку «Особенно Татьяну потрясла/ волос ещё живая беззащитность...» (из стихотворения «Шесть дней небытия не суть нули...»)³²⁵ Художественное переосмысление касалось целого ряда эпизодов из жизни Т.А. Быковой, следовательно, последняя в определённой степени мифологизируется — становится литературным персонажем.

В стихотворении «Памяти Симона Чиковани» упомянута дочь Т.А. Быковой — Ольга, русская по национальности, но — похожая на грузинку.

³²² Копия письма, адресованного Т.В. Коростелёвой, находится в домашнем архиве автора исследования.

³²³ Ахмадулина Б.А. Предисловие к статье В.В. Коркунова «Пароходик с петухами»... С. 153.

³²⁴ Цикл «Блаженство бытия 1999-2000», в который входит стихотворение «Шесть дней небытия не суть нули...», создан соответственно в 1999-2000 гг. «Глубокий обморок» — в 2000 г. «Сны о Грузии», в которые входит текст «Памяти Симона Чиковани», опубликован в имеющемся у автора исследования сборнике без даты, но относится к этому же периоду. Полностью эти произведения можно прочесть в сборниках стихотворений Б.А. Ахмадулиной, напр.: Ахмадулина Б.А. Озябший гиацинт. — М.: Астрель, 2008. — 288 с.

³²⁵ Ахмадулина Б.А. Озябший гиацинт... С. 197, 198.

Между Грузией и Россией оказались и Татьяна, и бывший её муж — ныне покойный — Вова, и дочь Ольга: «Смешение имен, времен и Кимр/ с тем краем, что зовется: Сакартвело, —/ безгрешно». Кимры и кимряки становятся орнаментом в упомянутых текстах, при этом сами Кимры, образ уходящей России, представляются связующим звеном между прошлым и настоящим, между людьми и странами.

В апреле 2011 г. автор исследования встретился с ещё одной санитаркой Боткинской больницы периода «Глубокого обморока» — Г.А. Колосовой. Мы не приводим её воспоминаний, поскольку они либо повторяют сказанное выше, либо относятся к 2010 г. — последней госпитализации Ахмадулиной, что не имеет пересечений с целью нашей работы. Однако Колосова поделилась множеством «больничных» фотографий, которые сами по себе важны для лучшего понимания больничной атмосферы и имеют определённую краеведческую ценность³²⁶.

Можно ли говорить о локальной кимрской биографии Б.А. Ахмадулиной? В духовном аспекте — безусловно. Как безусловно и то, что «встреча» с другим малым провинциальным городом так же заинтересовала бы поэта, искавшего проявления уходящей России в окружающем. Кимры случайно (но *вовремя*, как для самого города, так и для поэта) оказались на этом пути.

2.3. «101-й километр»: О.Э. Мандельштам и М.М. Бахтин

2.3.1. О.Э. Мандельштам: последние стихотворения

Даже для приблизительного понимания, какие чувства испытывал в Кимрах О.Э. Мандельштам, стихов, названных исследователями «савёловским циклом», решительно недостаточно. Это был период борьбы, выживания и — угасания. Сейчас нетрудно прочертить дальнейшие

³²⁶ Воспоминания Г.А. Колосовой и фотографии Б.А. Ахмадулиной хранятся в домашнем архиве автора исследования.

маршруты мандельштамовской судьбы. Но летом 1937 г. надежда (впрочем, мы уверены, она не исчезала вплоть до последней минуты) продолжала теплиться, и в этот период было принято решение «передохнуть и оглядеться»³²⁷. Именно супруга поэта, Н.Я. Мандельштам, оставившая мемуары о многих эпизодах их жизни, помогает нам увидеть Кимры 1930-х гг., какими они попали в стихи; какими их увидела чета Мандельштамов.

До недавнего времени во всех биографических очерках и монографиях о поэте Кимры и Савёлово считались разными, независимыми друг от друга населёнными пунктами. Так, на страницах книги воспоминаний Н.Я. Мандельштам читаем: «“Рано что-то мы на дачу выехали в этом году”, — сказал О.М., укрывшись от московской милиции в Савёлово, маленьком посёлке на высоком берегу Волги, против Кимр»³²⁸. И на допросе 17 мая 1938 г. поэт скажет: «По окончании высылки летом 1937 г. я приехал в Москву, не зная того, что мне запрещено проживать в Москве. После этого я выехал в село Савёлово...»³²⁹ И, тем не менее, правильнее говорить именно о Кимрах. В августе 1934 г. ВЦИК постановил присоединить к небольшому, расположенному на левом берегу Волги городку, несколько сопредельных деревень, в числе которых было и правобережное Савёлово³³⁰. Берега, разной высоты, позволяли кимрякам смотреть на «новообретённую территорию» с

³²⁷ Мандельштам Н.Я. Воспоминания. — Paris: YMCA-PRESS, 1982. — С. 312.

³²⁸ Там же.

³²⁹ Нерлер П.М. «С гурьбой и гуртом»: Хроника последнего года жизни О.Э. Мандельштама. — М.: Радикс, 1994. — С. 19.

³³⁰ Полвека назад // За коммунистический труд. — 1984. 18 августа. — С. 3.

Приводим текст заметки:

«ВЦИК постановил: “Включить в черту города Кимры Кимрского района Московской области (в течение некоторого времени Кимры входили в состав Московской области — В.К.) следующие селения поименованного района с сельскохозяйственными землями: Чернигово, Березниково и Конюхино — по левую сторону р. Волги; Старое и Новое Савёлово, Шиково, Крастуново, выселки близ переправы, пристани и у шоссе, поселок при станции Савёлово Северной железной дороги и земли специального назначения, занятые промышленными предприятиями с правой стороны”. “Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР” 20.08.1934 № 31, ст. 185, стр. 246».

Вопрос о присоединении Савёловской стороны к Кимрам поднимался неоднократно. Первое упоминание об этом можно найти в протоколе заседания президиума Кимрского уисполкома от 09.03.1920 г.: «Распространить действие земельно-жилищного подотдела на районы: поселок Савёлово и погост Иоанна Предтечи (ныне здесь находится горбольница № 1. — В.К.) и дачи в этом районе». Позднее, в 1925 году, этот вопрос был затронут на страницах газеты «Кимрская жизнь» (№ 26 от 16.12.1925): «С целью изучения вопроса по включению пос. Савёлово с прилегающими к нему деревнями к черте г. Кимры создана комиссия из пяти человек под председательством члена УИКа Волкова. Комиссии поручено разрешить вопрос в течение двух недель».

небольшой возвышенности, и эта «неровность» отразилась в стихах: «Против друга — за грехи, за грехи —/ Берега стоят неровные,/ И летают за верхи, за верхи/ Ястреба тяжелокровные —/ За коньковых изб верхи...»³³¹

Ещё один нюанс: поскольку стихотворения были посвящены другой женщине, появление стоящих друг против друга берегов, вкупе с их греховностью, могут быть следствием этого «незаконного» влечения; метафорически ситуацию можно представить многогранно — берега как символ разлуки, невозможности быть единым целым; «против» друга — в политическом аспекте, поскольку Е.Е. Попова являлась сталинисткой; берега — душа автора, разделившаяся и мечущаяся между супругой и новым увлечением и т.д. Возможное подтверждение этой теории, ситуативной амбивалентности, обнаруживаем на уровне ритмического построения текста. И.Э. Дуардович в исследовании ««Живущий несравним». О воронежском и савёловском периодах творчества Осипа Мандельштама» отмечает, что «лишние ударения»³³² (амфимакр в первом и пятом стихах каждого пятистишья) создают «ощущение раскачиваемой лодки»³³³. Здесь возможна отсылка к определённом нами ранее: мечущемуся между берегов (условных жены и возлюбленной) лирическому герою.

Отметим, что ястреб — часто встречающаяся в этих местах птица, и обратим внимание на неровные берега. «Грехи», в которых поэт видел причину их неровности — неровное бытие? — могут быть следствием уничтожения Покровского собора, располагавшегося на левом берегу (где в настоящее время находится драмтеатр), взорванного в 1936 г. — за год до приезда в Кимры Мандельштамов.

Важно пояснить: наша правка касается именно биографического аспекта жизни Мандельштама, тогда как литературная локация определена самим

³³¹ Мандельштам О.Э. «И ты, Москва, сестра моя, легка...». Сост. П.М. Нерлер. — М.: Московский рабочий, 1990. — С. 506. Цитата отредактирована текстологом Мандельштамовского общества С.В. Василенко.

³³² Дуардович И.Э. «Живущий несравним». О воронежском и савёловском периодах творчества Осипа Мандельштама // Литературная учёба. — 2013. № 2. — С. 199.

³³³ Там же.

поэтом: «Савёлово» (так он подписывал написанные здесь стихотворения; последнее сказано условно: ни одного автографа «савёловских» стихотворений не сохранилось) становится «местом действия»³³⁴ — в противовес исторической правде. «Савёловский цикл» (выражение В.А. Швейцера) укладывается в «хронологическую и локальную циклизацию», используемые поэтом. Ощутимо единение «локальных» и «культурных» ассоциаций³³⁵, отразившихся в текстах (например, описание пейзажных особенностей и содержания газеты «Правда» и др.). Очевидна оппозиция «центр — периферия». Лубочность Савёлова (коньковые избы) противопоставляется столице («А в Москве ты, чернобровая...»³³⁶); провинциальность Кимр передана и через образ местного жителя — умалишённого косаря.

Приведённые выше сведения оказались убедительными для российского мандельштамоведения. В новой книге председателя Мандельштамовского общества П.М. Нерлера сказано, как нам кажется, исчерпывающе: «...законный приоритет Кимр на стихи, написанные О.М. в Савёлово»³³⁷. Таким образом, фиксируются и Кимры — как географическая локация, и Савёлово — как литературно-географическое пространство.

По воспоминаниям очевидца, супруги переправлялись на кимрскую (и савёловскую) сторону с помощью бакенщика Фирсова, торговавшего рыбой и курсировавшего между левым (где и располагался его дом) и правым берегами³³⁸.

Известно, что 26 июня 1937 г. О.Э. Мандельштам был в Кимрах. На это указывает телеграмма, найденная в архиве поэта В.А. Швейцера³³⁹.

³³⁴ *Фрейдлин Ю.Л.* Долгая память столиц и провинций (заметки о «локальных циклах» и хронотопе О. Мандельштама) // Русская провинция: миф — текст — реальность. Сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян / Под ред. В.Н. Сажина. — М., СПб, 2000. — С. 257.

³³⁵ Там же. С. 259.

³³⁶ *Мандельштам О.Э.* «И ты, Москва, сестра моя, легка...». С. 506.

³³⁷ *Нерлер П.М.* Соn amoge: этюды о Мандельштаме. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — С. 445.

³³⁸ Имеется в виду рассказ Юрия Стогова (2 октября 1928 г. — 8 августа 2011 г.). *Коркунов В.В.* «Пароходик с петухами». О пребывании Осипа Мандельштама в Кимрах // Знамя. — 2009. № 2. — С. 156.

³³⁹ *Швейцера В.А.* Мандельштам после Воронежа // Вопросы литературы. — 1990. № 4. — С. 235. Вот текст телеграммы:

Мандельштамы выбрали Кимры, потому что город находился в относительной близости от Москвы — на границе 101-километровой зоны — и железнодорожное сообщение между Москвой и Кимрами позволяло супругам регулярно посещать столицу. «Савёловский период» жизни Н.Я. Мандельштам в воспоминаниях называла «дачным», так как они «...не собирались пускать корней и жили как настоящие дачники. Это была временная стоянка...»³⁴⁰ Мандельштамы покинули Кимры, вероятно, к ноябрю 1937 г. Этот вывод можно сделать из упомянутых воспоминаний: «Осенью стал вопрос о переезде из Савёлова, и мы снова изучали карту Подмосковья. Лёва (Л. Бруни. — В.К.) посоветовал Малый Ярославец... <...> Осенью рано темнеет. Освещен в Малом Ярославце был только вокзал. Мы шли вверх по скользким от грязи улицам и по дороге не заметили ни одного фонаря, ни одного освещённого окна, ни одного прохожего»³⁴¹. Пробыв там до утра, они вернулись в Москву, а оттуда И.Э. Бабель направил опального поэта в Калинин (ныне Тверь) к Н.Р. Эрдману. 5 или 6 ноября Мандельштамы были уже там³⁴².

Так получилось, что «временная стоянка» оказалась весьма непродолжительной, однако итоги её — значительны. Гостившая у Мандельштамов в Кимрах Н.Е. Штемпель, практически единственная слушательница его новых стихов, вспоминала, что в Савёлове О.Э. Мандельштам написал десять или одиннадцать стихотворений — небольших, преимущественно лирических³⁴³. На сегодняшний день известны три из них: «Пароходик с петухами...» (с пейзажными зарисовками: «Пароходик с петухами/ По небу плывет... <...> — Полторы воздушных тонны,/ Тонны полторы... <...> Только на крапивах пыльных...»), «Стансы», «На

«О.Э. Мандельштам — Е.Е. Поповой

<26 июня 1937 г., Савёлово>

ДОРОГА ЛЕГКАЯ КОРОТКАЯ СЛУШАЛ ЩЕЛКУНЧИКА СМОТРЕЛ ВОЛГУ МОСКВУ БОЛЬШОЙ ПРИВЕТ ЯХОНТОВУ — МАНДЕЛЬШТАМ».

³⁴⁰ *Мандельштам Н.Я.* Воспоминания... С. 331.

³⁴¹ Там же. С. 339.

³⁴² *Нерлер П.М.* Слово и «дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. — М.: Петровский парк, 2010. — С. 85.

³⁴³ *Швейцер В.А.* Мандельштам после Воронежа... С. 238–239.

откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» Они же на сегодняшний день являются последними в его творческой биографии.

В Савёлове Мандельштамы арендовали дачу. Они прогуливались по отстраиваемому правобережью, переправлялись в «старый город»...

В нашем распоряжении несколько фотографий и газетные публикации с воспоминаниями очевидцев; трудно достоверно представить городской быт, шум базарной площади — атмосферу развивающегося (хоть и на останках церквей и патриархального прошлого) города. Взгляд «изнутри» — ценен, но, оценивая самого себя, важен и взгляд со стороны. «Лес там чахлый, — вспоминает Н.Я. Мандельштам. — На пристанционном базаре торговали ягодами, молоком и крупой, а мера была одна — стакан. Мы ходили в чайную на базарной площади и просматривали там газету. Называлась она “Эхо инвалидов” — нас так развеселило это название, что я запомнила его на всю жизнь. Чайная освещалась коптящей керосиновой лампой, а дома мы жгли свечу, но О.М. при таком освещении читать не мог из-за глаз. <...> Да и книг мы с собой почти не взяли...»³⁴⁴

Художественный вымысел — или метафора времени? — вступает в противоречие с действительностью. Название чайной — «Эхо», относящееся к промартели инвалидов³⁴⁵. Но образ создаётся убедительный — куда ещё могло занести в Кимрах опального поэта, как не в пристанище сирых и убогих? С другой стороны выражение Н.Я. Мандельштам можно расценивать как образ — 1937 г. для общества был очевидно «больным», время было «инвалидным». В этом аспекте мы допускаем осознанную неточность.

Поскольку сохранившихся воспоминаний сравнительно немного, постараемся максимально развёрнуто процитировать свидетельства, описывающие (и характеризующие) Кимры того времени, кратко комментируя и уточняя их. «Савёлово — поселок с двумя или тремя

³⁴⁴ Мандельштам Н.Я. Воспоминания... С. 312.

³⁴⁵ См. заметку в газете: «Правление и контора Кимрской кооперативной артели инвалидов “Эхо” переехало с Октябрьской площади на ул. Пушкина, д. 10». (Кимрская жизнь. — 1926. 30 апреля. — С. 2.)

улицами. — Все дома в нем казались добротными: деревянные, со старинными наличниками и воротами. Чувствовалась близость Калязина, который в те дни затоплялся (это ошибка памяти, часть Калязина была затоплена позднее, в 1940 году, в связи с постройкой Угличского гидроузла. — В.К.). То и дело оттуда привозили отличные срубы, и нам тоже хотелось завести свою избу. Но как ее заведешь, когда нет денег на текущий день? Жители Савелова работали на заводе (Савеловский машиностроительный завод. — В.К.), а кормились рекой — рыбачили и из-под полы продавали рыбу. Обогревала их зимой тоже река — по ночам они баграми вылавливали сплавляемый с верховьев лес. Волга еще оставалась общей кормилицей, но сейчас уже навели порядок и реки нас больше не кормят...»³⁴⁶

Савёловский завод в скором времени станет градообразующим предприятием, работники его отстроят новый район — т.н. Новое Савёлово. Уйдут в небытие когда-то добротные деревянные дома (наиболее показательно в этом смысле исследование Г.А. Андреева³⁴⁷), на их месте вырастут пяти- и девятиэтажки, детские сады, школы... Возможно, в этих метаморфозах времени исчез дом, в котором в 1937 г. остановились Мандельштамы. Найти его не удалось, хотя экспедиции, организованные библиотекарями и краеведами (в том числе и автором исследования), предпринимались.

Савёлово строилось и развивалось. Естественно, Кимры (имеем в виду центр города), располагавшиеся на левобережье Волги, на которых оставили след голодные 1920-е гг., выглядели менее презентабельно. Но и говорить об облупленном и полуразваленном городке (об этом ниже свидетельствует Н.Я. Мандельштам) было бы неверно. Подтверждением тому — сохранившиеся фотоматериалы.

³⁴⁶ Мандельштам Н.Я. Воспоминания... С. 312, 313.

³⁴⁷ Андреев Г.А. Мы жили тогда на планете другой (Савёлово послевоенное). — Кимры: Кимрская типография, 2003. — 96 с.

Мандельштамы «предпочли остаться в Савелове — конечной станции Савеловской дороги, а не забираться в Кимры, облупленный городок на противоположном берегу, потому что переправа осложняла бы поездки в Москву (постоянный «капитальный» мост через Волгу был построен в 1978 году; с 1925 года до конца 1940 года в Кимрах действовал раздвижной — для пропуска судов — понтонный мост. — В.К.). Железная дорога была как бы последней нитью, связывавшей нас с жизнью. “Селитесь в любой дыре, — посоветовала Г<алина> М<екк>, испытывая все, что у нас полагается, то есть лагерь и последующую “судимость”, — но не отрывайтесь от железной дороги: лишь бы слышать гудки... <...>

К нам в Савелове ходили женщины, предлагая срубы по самой дешёвой цене, а мы только облизывались, так аппетитно они расписывали стены, крепкие и желтые, как желток. <...> Быть может, в странах капитализма нашлись бы чудачки, которые бы собрали ссыльному поэту на мужицкий дом с коровой, но у нас это исключено»³⁴⁸.

Очевидно, что в Савёлове, внешне приглянувшемся Мандельштамам, оставаться надолго они не планировали. Поэт пытался вернуться к обычной жизни, которая, естественно, не имела ничего общего с Кимрами (для него они были и провинцией, и периферией). Тоска, раздражение — спутники Мандельштама того времени, отражённые в записных книжках Е.Е. (Лили) Поповой: «Расстроили меня, обозлили два звонка М, даже три. Это непроходимый, капризный эгоизм. Требование у всех, буквально, безграничного внимания к себе, к своим бедам и болям»³⁴⁹. Впрочем, вдохновляла поэта *сама* Е.Е. Попова, и он посвящал ей стихотворения, о которых супруга, разумеется, не знала.

Поиск следов О.Э. Мандельштама в самих Кимрах оказался задачей неблагоприятной. Первыми заинтересованными оказались члены Кимрского клуба краеведов, библиотекари и журналисты. В районной газете «За

³⁴⁸ Мандельштам Н.Я. Воспоминания... С. 313, 321.

³⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 2440 Оп. 1 Ед. хр. 61 Л. 166.

коммунистический труд», в декабре 1990 г. и марте 1991 г. появилось два небольших материала. В первом сообщалось, что в 1937 г. в Кимрах жил «известный советский поэт» О.Э. Мандельштам. Читателям адресовалась просьба — вдруг кто-то вспомнит о тех временах?³⁵⁰

Откликнулся Ю.Г. Стогов, рассказавший, что видел О.Э. Мандельштама с супругой в компании предположительно артиста В.Н. Яхонтова. В газете была приведена выдержка из его воспоминаний: «Он помнит, как однажды загляделся на жену Мандельштама, а Яхонтов, увидев это, сказал ей: «Вот, у Вас ещё один поклонник появился»³⁵¹.

Этой информации нам показалось недостаточно, и в апреле 2007 г. автор исследования отправился к местному старожилу и зафиксировал его воспоминания о летних месяцах 1937 г.³⁵²

Не стоит, впрочем, забывать, что в ту пору Ю.Г. Стогову было девять лет, а потому его воспоминания нельзя рассматривать как априори достоверные. Но, сравнивая рассказ Стогова с воспоминаниями Н.Я. Мандельштам (а также Н.Е. Штемпель), мы склоняемся к его умеренной правдивости. Во всяком случае, за неимением других свидетельств, рассказ Стогова представляет немалую ценность.

О том, что О.Э. Мандельштам приехал в Кимры, тетке Ю.Г. Стогова рассказала подруга-учительница; той, в свою очередь, сообщил муж, некто Тулицын, заведовавший горно. Жила родственница Ю.Г. Стогова возле электростанции, на левобережной стороне Кимр. Маленький Юра в летние месяцы часто приходил сюда: его привлекали берега Кимрки и Волги, кряжистые деревья, дающие большую тень. Странного (по его словам) мужчину он заметил сразу, но подойти — боялся. Тётка подсказала: «Это известный поэт, Мандельштамом зовут». Смелости Юра набрался в один из следующих дней, подойдя к мужчине и его спутникам, предположительно —

³⁵⁰ *Ефремов П.В.* Может быть, кому-то известно? // За коммунистический труд. — 1990. 11 декабря. — С. 4.

³⁵¹ *Ефремов П.В.* Поиск продолжается // За коммунистический труд. — 1991. 12 марта. — С. 4.

³⁵² *Коркунов В.В.* «Пароходик с петухами»... С. 156.

Н.Я. Мандельштам и В.Н. Яхонтову (П.М. Нерлер, комментируя эту встречу, полагает, что спутниками О.Э. Мандельштама были В.Н. Яхонтов и его супруга Е.Е. Попова, тогдашнее романтическое увлечение поэта — отметим, что П.М. Нерлер ссылается на наше исследование как на первоисточник³⁵³).

Спутники остановились под деревьями возле электростанции (это было излюбленным местом Мандельштама для бесед — по воспоминаниям Ю.Г. Стогова), недалеко от места впадения Кимрки в Волгу. В тридцати метрах располагался домик бакенщика Фирсова, где они покупали рыбу и который перевозил их через Волгу на савёловскую сторону.

По словам Стогова, Мандельштамы снимали на савёловской стороне дом некоего Чусова — небольшой, с зелёной крышей. Располагался он возле леса, на самой границе города³⁵⁴.

«Домик с зелёной крышей» сохранился в воспоминаниях Н.Е. Штемпель, которая добавляет ещё одну деталь к этому периоду жизни поэта: «Нашла нужную улицу и дом; в окне увидела Осипа Эмильевича. Он таинственно поднёс палец к губам, молча вышел ко мне, поцеловал и ввёл в дом. Надежда Яковлевна тоже мне обрадовалась.

В бревенчатом доме они снимали полупустую комнату, но в этом была какая-то дачная прелесть, казалось больше воздуха»³⁵⁵.

И всё-таки пристанищем в полном смысле этого слова Кимры назвать нельзя. Поэт регулярно посещал в столицу, где его ждали (или он полагал, что ждали — кто добровольно будет общаться с опасным «выселенцем»?) друзья и знакомые. Помимо четы Яхонтовых, он бывал в доме Шкловских (их дом находился в непосредственной близости от Савёловского вокзала); у литературоведа Н.И. Харджиева, художников Л.А. Бруни и А.А. Осмёркина,

³⁵³ Нерлер П.М. Слово и «дело»... С. 82.

³⁵⁴ Запись беседы с Ю.Г. Стоговым впервые опубликована в газете «Литературная гостиная». — 2008. № 8. — С. 2. [Газета выходила как приложение к межрайонной газете «Поговорим обо всём». Позднее, с января 2011 года, — как приложение к «Кимрской общественной газете».]

³⁵⁵ Штемпель Н.Е. Мандельштам в Воронеже. Воспоминания. — М., 1992. — С. 15.

архитектора Л.М. Наппельбаума и супругов Бернштейн. Побывали Мандельштамы и в Переделкине у Б.Л. Пастернака.

За время «дачного периода» 1937 г. поэту удалось на два дня выехать в Ленинград, откуда в Савёлово ему постоянно писал брат Евгений. Там он в последний раз увиделся с отцом и А.А. Ахматовой. В Кимры к Мандельштамам также нередко наезжали друзья — Н.Е. Штемпель, Яхонтовы и др.³⁵⁶

История стихотворений, написанных О.Э. Мандельштамом на кимрской земле и называемых исследователями «савёловским циклом» таинственна, поскольку большинство их них обращены к «другой женщине» (Е.Е. Поповой); супруга поэта, Н.Я. Мандельштам, до определённого момента ничего о них не знала.

Сколько их было написано за полугодичное пребывание поэта на кимрской земле? Н.Е. Штемпель вспоминает о ночной прогулке, случившейся то ли в конце июля, то ли в начале августа 1937 г. в савёловском лесу, во время которой поэт читал ей новые стихи:

«Полночи мы с Осипом Эмильевичем бродили по лесу вдоль берега Волги. Надежда Яковлевна с нами не пошла. Осип Эмильевич рассказывал мне, как они жили эти два месяца после отъезда из Воронежа, прочитал все новые стихи. Мне кажется, их было десять или одиннадцать. Насколько я помню, это были небольшие (по количеству строк) стихи, лирические, любовные... Стихи пропали при последнем обыске и аресте. Надежда Яковлевна не знала их наизусть, как знала воронежские. Списков ни у кого не было...»³⁵⁷

³⁵⁶ Сведения о людях, которых посещали Мандельштамы и тех, кто приезжал к ним в Кимры, взяты из следующих источников:

Дутли Р. Век мой, зверь мой. Осип Мандельштам: Биография. — СПб.: Академический проект, 2005. — С. 334-335;

Мандельштам Н.Я. Воспоминания... С. 28-31;

Штемпель Н.Е. Автобиография // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама / Отв. ред. О.Г. Ласунский. — Воронеж, 1990. — С. 534.

³⁵⁷ *Швейцер В.А.* Мандельштам после Воронежа... С. 235-253.

Сколько стихотворений было написано после, с августа по ноябрь, неизвестно никому. И так, в Кимрах Мандельштам написал цикл из 10-11 стихотворений, из которых до нас дошли три: «Пароходик с петухами», «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» и «Стансы». Существовали ещё, по крайней мере, два стихотворения, которые можно отнести к «савёловскому циклу». Это так называемое «канальское» (так его называл сам поэт), написанное по заказу из Москвы, от Союза писателей. Для его создания Мандельштам посетил Канал Москва — Волга (вскоре переименованный в канал имени Москвы), вероятно, как полагает П.М. Нерлер, до 15 июля 1937 г.³⁵⁸ Однако, несмотря на этот факт, стихотворение не содержало никаких политических подтекстов (что подтверждало бы его «заказной» характер); это было, по воспоминаниям вдовы, обычное пейзажное стихотворение. Спустя годы Н.Я. Мандельштам вместе с А.А. Ахматовой сожгла его в Ташкенте — по причине слабости текста³⁵⁹.

Вторым ненайденным стихотворением условно можно назвать «Черкешенку». Нам известны лишь его название (также условное) и рассказ Е.Е. Поповой, который, как полагает В.А. Швейцер, мог лечь в основу сюжета. Идея «Черкешенки» заключалась в том, что горцы, увидев прекрасную девушку, предложили деду продать внуку за стадо овец или даже коней. Дед отказывался, однако горцы все торговались и торговались. «Дедушка снова замотал головой, а я подумала: разве внуки продаются?»³⁶⁰.

Стоит упомянуть, что существовало еще одно стихотворение, которое, по воспоминаниям Н.Е. Штемпель, тематически отличалось от других. В нём Мандельштам резко отрицательно отзывался о смертной казни. Но поскольку в известных нам «савёловских» стихотворениях ни о чём подобном не

³⁵⁸ П.М. Нерлер: «...вероятней всего она была как-то приторочена к 15 июля – официальной дате открытия канала».

Нерлер П.М. Соп атоге: этюды о Мандельштаме... С. 447.

³⁵⁹ *Мандельштам Н.Я. Комментарии к стихам 1930-1937 гг. // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама / Отв. ред. О.Г. Ласунский. — Воронеж, 1990. — С. 228, 308.*

³⁶⁰ *Швейцер В.А. Мандельштам после Воронежа... С. 235–253.*

говорится, напрашивается вывод: текст, о котором идет речь, до сих пор не найден³⁶¹.

Швейцер (отыскавшая в письмах Е.Е. Поповой «Стансы») также относит к «савёловскому циклу» и текст «С примесью ворона — голуби...», но это не совсем верно, поскольку он написан в Москве, за несколько дней до отбытия Мандельштамов в Кимры³⁶². (*Не совсем верно*, если оценивать «савёловский цикл» с географической позиции; возможно, В.А. Швейцер имела в виду стихотворения, созданные после Воронежа, вне зависимости от места написания; к этой версии склоняется и Ю.Л. Фрейдин³⁶³.)

Стихотворения «Пароходик с петухами...» и «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...» сохранились в записи рукой С.Б. Рудакова и были опубликованы Э.Г. Герштейн, описавшей в своих «Мемуарах» воронежскую ссылку О.Э. Мандельштама³⁶⁴. Рудаков работал в Воронеже над записью автокомментария к уже вышедшим книгам Мандельштама.

Герштейн свидетельствует, что поэт видел в Рудакове будущего редактора стихотворений, а потому у последнего был доступ к черновикам и беловым автографам. Каким образом в руки Рудакова попали савёловские тексты — можно только догадываться. Последний на правах друга семьи мог навещать Мандельштамов в Савёлове и увидеть там стихотворные записи или же получить их во время последних приездов поэта в Ленинград. Так или иначе, но С.Б. Рудаков зафиксировал несколько «савёловских» стихотворений О.Э. Мандельштама, обнаруженных Э.Г. Герштейн в 1970-е гг.

Н.Я. Мандельштам опасалась, что итоговые собрания сочинений будут заканчиваться недоработанными, а возможно и незаконченными стихотворениями. Подтверждение этому находим в записях Рудакова и рассуждениях Герштейн. «Вероятно, стихотворение («Пароходик с

³⁶¹ Дутли Р. Век мой, зверь мой... С. 335.

³⁶² Швейцер В.А. Мандельштам после Воронежа... С. 235.

³⁶³ Фрейдин Ю.Л. Долгая память столиц и провинций... С. 257.

³⁶⁴ Герштейн Э.Г. Мемуары. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. — С. 74-192.

петухами...». — В.К.) нельзя считать завершённым. Об этом свидетельствуют приводимый Рудаковым вариант третьей строфы и затемнённый смысл последнего стиха, впрочем, переписанного Рудаковым недостаточно разборчиво: он писал простым карандашом на листках, вырванных из школьной тетради в одну линейку»³⁶⁵.

Неизвестно, был ли вариант третьей строфы «Пароходика с петухами...» написан самим Мандельштамом или это «редакторская правка» Рудакова. Приведём оба текста.

«И, паяльных звуков море
В перебои взяв,
Москва слышит, Москва смотрит,
Зорко смотрит в явь»³⁶⁶.

(общепринятый текст)

«И, полуторное море
К небу припаяв,
Москва слышит, Москва смотрит
В силу, в славу, в явь»³⁶⁷.

(вариант)

Ещё одно отличие от «канонического текста», но уже в стихотворении «На откосы, Волга, хлынь, Волга, хлынь...», подсказывает текстолог Мандельштамовского общества, директор музея Осипа Мандельштама С.В. Василенко. Комментируя материал автора исследования о «савёловском цикле» (в личной переписке)³⁶⁸, он вносит правку в следующее четверостишие:

«Против друга — за грехи, за грехи —
Берега стоят неровные,
И летают по верхам, по верхам

³⁶⁵ Там же. С. 122.

³⁶⁶ Мандельштам О.Э. «И ты, Москва, сестра моя, легка...» С. 504.

³⁶⁷ Герштейн Э.Г. Мемуары... С. 122.

³⁶⁸ Письма С.В. Василенко хранятся в личном архиве автора исследования.

Ястреба тяжелокровные —
За коньковых изб верхи...»³⁶⁹

Правка касается третьего стиха:

«Против друга — за грехи, за грехи —

Берега стоят неровные,

И летают за верхи, за верхи

Ястреба тяжелокровные —

За коньковых изб верхи...»

К сожалению, другие стихотворения О.Э. Мандельштама, написанные в Кимрах/Савёлове, обнаружены до сих пор не были.

Как мы уже говорили выше, в дошедших до нас текстах поэт фиксирует пейзажные особенности Кимр и, возможно, метафорически передаёт недавние события из истории города (например, взрыв Покровского собора). Обратим внимание на словосочетание «коньковых изб верхи» — это отсылка к деревянному модерну, одной из существенных кимрских тем, проявившихся уже в новом веке. Мандельштам предвосхитил её появление.

О первых попытках вернуть имя поэта Кимрам мы уже сказали. Важность поэтического наследия Мандельштама для города не раз отмечалась на заседаниях Кимрского клуба краеведов и литературной группы «Вдохновение», где зачитывались и разбирались стихотворения «савёловского цикла». Мы говорили о неудавшихся экспедициях; жизнь и творчество Мандельштама применительно к недолгому пребыванию в Кимрах стали одной из тем вторых Бахтинских чтений, прошедших в Центральной районной библиотеке в конце 2006 г.

Очевидная необходимость хоть в каком-то знаке памяти ощущалась не только городской общественностью. В одном из писем (7 марта 2011 г.) П.М. Нерлер спрашивал напрямую: «Есть ли в Савёлово мемориальная доска, а

³⁶⁹ Мандельштам О.Э. «И ты, Москва, сестра моя, легка...» С. 506.

если нет, то есть ли какая-то инициатива в эту сторону?»³⁷⁰. Инициатива, конечно, была. Автор исследования неоднократно поднимал этот вопрос в беседах с представителями власти и предпринимателями, но взаимопонимания найти не удавалось.

Дело сдвинулось с мёртвой точки после публикации статьи о жизни и творчестве Мандельштама в Кимрах в журнале «Знамя» (№ 2, 2009), который попал в руки художественному руководителю Государственного кимрского театра драмы и комедии Народному артисту России О.А. Лаврову, почитающему творчество поэта. На предложение установить мемориальную доску Лавров сделал ответное — установить её на здании театра: «Почему на театре? Это отличная пропаганда нашего города и среди кимряков, и среди гостей. — Театр я считаю культурным стержнем города, а Мандельштам — одна из ярких фигур мировой культуры и литературы»³⁷¹.

Мемориальная доска О.Э. Мандельштама открылась в Кимрах 3 декабря 2011 г. Этот день стал одним из ключевых в кимрском мандельштамоведении. На церемонию из Москвы прибыл заместитель председателя Мандельштамовского общества Ю.Л. Фрейдин с супругой. Предваря торжественную часть, автором исследования была организована небольшая экскурсия по мандельштамовским местам Савёлова.

На доске были зафиксированы стихи: «Я уменьшаюсь там, меня уж не заметят,/ но в книгах ласковых и в играх детворы/ воскресну я сказать, что солнце светит...» и текст: «В нашем городе в 1937 году жил и работал Великий поэт Осип Мандельштам». И — годы жизни.

Завершая обзор, отметим и прошедшую 1 июля 2012 г. встречу почитателей творчества поэта в Кимрах (в некоторых СМИ она была названа I Мандельштамовским фестивалем «Сохрани мою речь...»)³⁷².

³⁷⁰ Письма П.М. Нерлера хранятся в личном архиве автора исследования.

³⁷¹ Коркунов В.В. Олег Лавров: «Мандельштам — одна из ярких фигур мировой культуры и литературы» // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Поговорим обо всём». — 2009. № 5–6. — С. 3.

³⁷² Напр.: Манулов В. «Сохрани мою речь...» // Литературные известия. — 2012. № 6. — С. 1.

В рамках встречи, на которую прибыли члены Мандельштамовского общества П.М. Нерлер и Л.Ф. Кацис, состоялись две экскурсии (обе проведены автором исследования) по левобережью и правобережью Кимр; затем — представление в театре. Молодые артисты исполнили стихи поэта, гости рассказали о деятельности Мандельштамовского общества. На сегодняшний день это все мероприятия, увековечивающие память О.Э. Мандельштама в Кимрах.

2.3.2. М.М. Бахтин: пятилетка «Рабле»

Единственное полноценное исследование (до настоящего) о пребывании М.М. Бахтина в Кимрах проведено в начале 1990-х гг., когда город посетили тверские исследователи: д.ф.н. ТвГУ М.В. Строганов и его ученица Е.Н. Пономарёва. Однако в работе Пономарёвой и Строганова («О пребывании М.М. Бахтина в Калининской области»³⁷³), включившей в себя архивные данные и беседы с очевидцами, допущены некоторые неточности, часть данных требовала уточнений³⁷⁴; также мы существенно дополнили имеющиеся сведения.

После возвращения из кустанайской ссылки, М.М. Бахтин пробовал обустроиться в Саранске, но, проработав в местном пединституте год, перебрался в Москву. Там он, будучи внештатным сотрудником в Институте мировой литературы им. А.М. Горького, работал, в основном, над книгой о

³⁷³ Пономарёва Е.Н., Строганов М.В. О пребывании М.М. Бахтина в Калининской области // М.М. Бахтин: проблемы научного наследия. Межвузовский сборник научных трудов. — Саранск: издательство Мордовского университета, 1992. — С. 145-149.

³⁷⁴ Преимущественно не указывая на неточности в тексте исследования, приведём их здесь. В статье Е.Н. Пономарёвой и М.В. Строганова указаны даты пребывания М.М. Бахтина в Кимрах: 1941-1945 гг. На самом деле М.М. Бахтин приехал в Кимры в 1937 г. Зав. горно Галахов в действительности Галахова, зав. районо — Тулицын. Адрес Бахтина в Кимрах указан: ул. Интернациональная, д. 24; на самом деле: ул. Интернациональная, 19. Впрочем, по состоянию на 1992 г. (публикация статьи) эти сведения не являлись в должной степени изученными, потому неточности — вполне естественны. Мы ещё раз подчёркиваем, что важность статьи Пономарёвой и Строганова для нашего исследования трудно переоценить.

Рабле³⁷⁵. После того как Бахтиным было отказано в предоставлении права на проживание в столице, супруги переехали в Кимры. Бахтин признавался, что выбрал Кимры потому, что «это самое ближайшее место на Волге от Москвы»³⁷⁶. Важным оказалось и наличие железнодорожного сообщения со столицей — в этот период Бахтин достаточно часто посещал Москву. К тому же здоровье мыслителя стремительно ухудшалось, необходимо было найти спокойное временное пристанище.

Итак, 26 октября 1937 г. Бахтины прибыли в Кимры³⁷⁷. З.Н. Бабурина, тогдашняя соседка Бахтиных, вспоминает, что «проживали они на квартире у Смирновой Галины Васильевны в деревне Крастуново (г. Кимры, ул. Интернациональная, 19 — В.К.) <...> Жену Бахтина все звали Лена, Леночка. <...> Они приехали очень усталые, изголодавшие. Михаил Михайлович ещё хорошо держался, а на Лену было жалко смотреть. Лицо, руки, ноги — всё опухло от голода. <...> Она подружилась с моей матерью, очень часто к нам ходила. Мать как могла им помогала одеждой, питанием...»³⁷⁸

Следующая точная дата пребывания М.М. Бахтина в Кимрах (трагичная) — 13 февраля 1938 г. — в этот день ему сделали страшную операцию — ампутировали ногу³⁷⁹. Хирургическую «процедуру» проводил пожилой, но великолепный, по словам М.М. Бахтина, хирург. Причём речь шла и об ампутации второй ноги. На вопрос В.Д. Дувакина: «Вам предложили, чтобы спасти вторую, да?», Бахтин ответил: «Да. Нужно сказать, там хирург был великолепный, великолепный был хирург»³⁸⁰. После небольшого исследования, посвящённого операции, мы можем сделать вывод, что

³⁷⁵ Конкина Л.С. «У мира есть смысл...» Филолог и мыслитель XX века М.М. Бахтин // Литература в школе. — 2004. № 8. — С. 20; Бахтин М.М. Автобиография // Архив Мордовского университета им. Н.П. Огарева. Ф. 2. Оп. 1. Д. 34.

³⁷⁶ Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. — М.: Прогресс, 1996. — С. 212.

³⁷⁷ Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. — М.: МГУ, 2010. — 720 с. Здесь же укажем, что деревня Крастуново официально вошла в состав города Кимры в 1934 году («Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства РСФСР» 20.08.1934. № 31. Ст. 185. С. 246.).

³⁷⁸ Пономарёва Е.Н., Строганов М.В. О пребывании М.М. Бахтина в Калининской области... С. 146.

³⁷⁹ Clark K., Holquist M. Mikhail Bahtin. — Cambridge; L., 1984. — P. 261. Там же сообщается, что операция Бахтину была сделана 13 февраля 1938 г., а в больнице он пробыл до 14 апреля 1938 г.

³⁸⁰ Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным... С. 213.

хирургом, оперировавшим М.М. Бахтина, был В.П. Арсеньев, дальний потомок М.Ю. Лермонтова³⁸¹. Предполагается, что этот факт создаст в кимрском литературоведении новую мифологию.

Вероятно, не сохранились либо не найдены и сведения о приёме М.М. Бахтина на работу. Первое документальное свидетельство о том, что он являлся школьным учителем в Кимрском районе, обнаружено в архиве местного района и датировано 1941 г., когда Бахтина освободили от занимаемой должности.

Приказ № 64

По Кимрскому району от 15 ноября 1941 г.

В связи с сокращением количества классов по Ильинской средней школе считать освобождёнными от работы в данной школе 15.XI.41 г. след<ующих> товарищей:

1. Наумову преподавателя рус<ского> яз<ыка>
2. Рожкову матем<атики>
3. Танаева биологии
4. Бахтина нем<ецкого> яз<ыка>

Зав. районо Тулицын

Эти данные расходятся с воспоминаниями З.Н. Бабуриной, приведённые в исследовании Пономарёвой и Строганова: «Михаил Михайлович поступил работать в 14 школу, Елена не работала. Через некоторое время Бахтин заболел. Что было у него, я не знаю. Помню, что началась гангрена, и ему

³⁸¹ Коркунов В.В. На пути к «кимрскому тексту»: теория и практика // Вопросы литературы. — 2014. № 6. Прочитав необходимый фрагмент: «Предметно изучая подшивки кимрских газет за этот период, вывод можно сделать однозначный — все ответственные операции доверялись ведущему городскому хирургу Владимиру Павловичу Арсеньеву. И нет иных сведений, чтобы предположить, что ампутацию Бахтина проводил кто-то другой (мало было специалистов в те годы на обескровленной земле!). Владимир Арсеньев родился 7 января 1887 года в Плоцке (тогда — административный центр Плоцкой губернии Российской Империи, ныне — город в Мазовецком воеводстве, Польша) в семье юриста. Окончил Военно-медицинскую академию в Петербурге. Участвовал в обеих Мировых войнах. В начале 1920-х годов начал карьеру хирурга и был верен ей до конца жизни. Долгие годы — заведующий хирургическим отделением Кимрской ЦРБ. За годы работы провёл тысячи успешных операций, как врач был награждён орденами и Царской России, и СССР. Удостоен почётного звания заслуженного врача РСФСР. Внимательный читатель, думаю, уловил параллель. Действительно, хирург Арсеньев был представителем кимрской ветви рода дворян Арсеньевых, а, следовательно, имел прямое отношение к поэту Михаилу Лермонтову, мать которого, Мария Михайловна, до замужества носила родовую фамилию». [Готовится к печати]

ампутировали ногу. После этого он всё равно продолжал работать, ходил на костылях»³⁸².

Судя по приказу районо, сложно представить, что инвалида, лишившегося ноги, увольняют из находившейся близ Крастунова (около одного километра) 14-й школы и переводят за полтора десятка километров — в с. Ильинское. Скорее всего, было наоборот. Бахтин, по приезду в Кимры, устраивается именно в Ильинскую школу, затем (или непосредственно перед этим) следует операция, после которой его увольняют из Ильинской школы и переводят в 14-ю городскую. Подтверждением этому являются следующие приказы.

Приказ № 12

Кимрского гороно от 22/I — 42 г.

Назначить заведующим учебного сектора шк<олы> № 14 тов. Лебедева Т.В. с 13/I — 42 г. со ставкой 325 руб.; учителем немецкого языка т. Бахтина М.М. с 13/I — 42 г. со ставкой 5-7 классов 400 руб., в 8-10 классах 425 руб.

Зав. гороно К<лавдия> Галахова

Приказ № 47

Кимрского гороно от 9/IV — 42 г.

Назначить тов. Класс преподавателем немецкого языка в школе 14 на 5-9-7 классы. Одновременно освободить от преподавания немецкого яз<ыка> в этих классах преподавателя Бахтина, поручив ему преподавание истории в старших классах с 16/IV — 42 г.

Зав. гороно К<лавдия> Галахова

³⁸² Бахтин приехал в Кимры уже больным. Хронический множественный остеомиелит стал основной причиной, на которую указывала жена Бахтина Елена Александровна, когда в августе 1929 года писала в ОГПУ Ленинграда прошение о смягчении наказания репрессированному учёному. Незадолго до этого Бахтин был арестован по обвинению в участии в контрреволюционном кружке «Воскресение», и 2 июля 1929 года был осуждён на 5 лет лагерей. Л.С. Конкина в статье «У мира есть смысл...» сообщает, что хотя конкретный лагерь указан не был, имелись в виду Соловки. Письмо Елена Александровна отправила не только официальным лицам, но и друзьям, а также в Политический Красный Крест, откуда оно попало к Максиму Горькому, который прислал в защиту осуждённого две телеграммы. Все эти хлопоты привели к тому, что Бахтина решили выслать в Казахстан на оставшийся срок. (Конкина Л.С. «У мира есть смысл...» С. 20.)

В автобиографии о начале работы в Кимрском районе М.М. Бахтин пишет: «С осени 1941 года я работал преподавателем средней школы в с. Ильинском Кимрского района (ст. Савёлово), а затем преподавателем средней школы № 14 и жел. дор. школы № 39...». Вероятно, имеет место ошибка, поскольку осенью 1941 г. Бахтин приказом районо был уволен из Ильинской школы. Сомнительно, что его работа в Ильинском продлилась всего месяц. Более того, по воспоминаниям З.Н. Бабуриной, Бахтин приступил к работе до операции, то есть не позднее начала 1938 г. Стоило ли указывать местом работы школу, где почти не работал? Определённые разъяснения мог дать архив Кимрского горно, однако данные того периода собраны хаотично и частично утеряны.

Не сохранились в архиве и данные о назначении Бахтина в 39-ю школу (полное название: школа № 39 Ярославской железной дороги — «Коллективная жизнь» 1948 г.). Однако в его личном деле, хранящемся в архиве Мордовского госуниверситета им. Н.П. Огарёва, указана дата начала работы в ней — 15 декабря 1941 г.³⁸³

К моменту приезда в Кимры М.М. Бахтин работал над книгой о Рабле. Первые «савёловские» письма полны просьбами о необходимой литературе. «Я погибаю без книг»³⁸⁴, — писал он в 1938 г. Б.В. Залесскому (1887-1966, русский ученый-петрограф — специалист по горным породам. — В.К.). Ленинская библиотека была закрыта для Бахтина, и отсутствие книг тормозило ход работы.

Из Ленинграда присылал посылки профессор И.И. Куняев, из Москвы они передавались с оказиями, так же и возвращались³⁸⁵. С книгами приезжала из столицы М.В. Юдина (1899-1970, русская пианистка, входила в состав круга Бахтина. — В.К.), с юных лет бывшая другом мыслителя и не

³⁸³ Михаил Бахтин: «Pro et contra». Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. I. / Сост. К.Г. Исупов. — СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001. — С. 541.

³⁸⁴ Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 4 (1) / Под ред. И.Л. Поповой. — М.: Языки славянских культур, 2008. — С. 925.

³⁸⁵ Там же. С. 877, 878.

оставившая его и в это нелёгкое время. О её приезде М.М. Бахтин в самом начале 1939 г. писал Б.В. Залесскому: «На Новый год у нас была Мария Вениаминовна<_> и мы встретили его весело. Вообще же у нас всё по-старому. Мёрзнем, но умеренно»³⁸⁶.

О том, что М.М. Бахтин не оставался без поддержки друзей, свидетельствует и воспоминание его ученицы из 14-й школы Г. Морозовой, помогавшей собирать вещи учёного, когда Бахтины уезжали из Кимр: «Михаил Михайлович пригласил нас с Михаилом Владимировичем (М.В. Лебедев, коллега по школе. — В.К.) к женщине, у которой он снимал комнату — полдома, чтобы помочь упаковаться. Мне запомнился закопчённый потолок комнаты (сама комната была большая) и книги... Одни книги. Я заметила, что бытовых предметов в комнате мало. Разве что сундук запомнился. И книги, книги. Он подарил очень много книг Михаилу Владимировичу»³⁸⁷.

Труд «Франсуа Рабле в истории реализма» М.М. Бахтин закончил осенью 1940 г. Его машинопись составляла 667 страниц.

Произнося вступительную речь во время защиты диссертации 15 ноября 1946 г., Бахтин отметил, что работа над «Рабле» продолжалась более десяти лет. А во время беседы с В.Д. Дувакиным 22 марта 1973 г. признался, что приступил к созданию труда о Рабле ещё в Кустанае. Но добавил, что основная работа проделана позже. В то же время имеются свидетельства, что если бы «Рабле» создавался без помех извне, он был бы закончен к 1933 г.³⁸⁸ Эта дата вызывает сомнение, поскольку, в таком случае, Бахтин попадал бы в жесточайший цейтнот: на сбор информации, её обработку и написание труда практически не оставалось бы времени. Поэтому, учитывая промедления, вызванные переездами и прочими сложностями, назовём 1940 г. едва ли не

³⁸⁶ Там же. С. 926.

³⁸⁷ Беседа автора исследования с Г.И. Мозжухиной (Морозовой) публиковалась в районной газете «Кимрский вестник» в мае 2009 г.: *Коркунов В.В.* Михаил Бахтин: «Савёловский период» // Кимрский вестник. — 2009. 28 мая. — С. 3.

³⁸⁸ *Бахтин М.М.* Собрание сочинений в семи томах. Т. 4 (1)... С. 1018, 841.

оптимальным. В пользу этого говорят и первые фрагменты будущей рукописи, относящиеся к 1938 г.³⁸⁹

Приблизительно с начала 1941 г. М.М. Бахтин предпринимает безрезультатные попытки опубликовать «Рабле». Тормозили процесс и политическая ситуация, и начавшаяся вскоре Великая Отечественная война. В письме Л.И. Тимофеева, обращённом к Бахтину, сказано следующее: «...Издательских возможностей мало (книга Виноградова — это ещё инерция первой половины 1941 г.), издают книги не более 10 печ. листов обычно, но всё же кое-какие возможности находятся, если тема книги в достаточной мере “актуальна”»³⁹⁰.

Благодаря поддержке друзей дело то сдвигалось с мёртвой точки, то снова тормозилось по бюрократическим либо идеологическим причинам. М.М. Бахтина обвиняли в том, что работа... не отражала достижений лучших литературоведов страны, таких как В.И. Ленин и И.В. Сталин. Эти абсурдные обвинения высказала в адрес Бахтина к.ф.н. М.П. Теряева. Помимо этого она отметила, что автор вообще не раскрыл заявленную тему³⁹¹.

22 марта 1941 г. А.А. Смирнов писал Бахтину из Ленинграда: «Что касается напечатания, то <,> к сожалению<,> у нас только что сдан в производство очередной «Западный сборник» (№ 2) Инст<итута> Лит<ературы> Акад Н СССР, не то я непременно предложил бы включить в него одну из Ваших глав или некое извлечение из Вашей работы»³⁹². 5 июня того же года он написал следующее: «...не скрою, что если бы в принципе книга была принята, Вам пришлось бы пойти на двоякого рода уступки: 1) сокращение объёма почти вдвое: я знаю, что такую большую работу они не смогут напечатать; мне думается, согласятся максимум на 20 листов, 2) в связи с этим понадобится смягчение или частичное изъятие многих физиологических и соотв<етствующих> лексических деталей... (во времена

³⁸⁹ Там же. С. 837-840.

³⁹⁰ Там же. С. 940.

³⁹¹ Там же. С. 1027-1035.

³⁹² Там же. С. 932.

Рабле язык менестрелей изобиловал, что называется, инвективной лексикой. — В.К.)»³⁹³.

Ничего не изменилось и спустя три с половиной года. Разочарованный Бахтин не скрывал горечи: «Дело очень затянулось, — говорилось в черновике письма А.А. Смирнову в декабре 1944 г., — и я боюсь, что благоприятный для книги климат мог измениться. Для меня это дело имеет первостепенное значение, от него зависит возможность выбраться из Савёлова, где дальнейшая <...> работа становится невозможной...»³⁹⁴. А в следующем черновике: «Я рад, что Чагин не отказы<вается> [еще] от попыток напечатать Рабле...»³⁹⁵.

18 июня 1944 г. Бахтин, вероятно воодушевлённый возможностью скорой публикации работы, начал «Дополнения и изменения к “Рабле”». Но проваливается и эта попытка. Тогда было принято решение о скорейшей защите рукописи в качестве диссертации, что и произошло в 1946 г., когда Бахтины уже жили в Саранске (тогда же была предпринята ещё одна попытка издать книгу — на этот раз во Франции). Напечатан «Франсуа Рабле в истории реализма» был в 1965 г.

Список созданных в Кимрах работ Бахтина не исчерпывается трудами о Рабле. Здесь создаётся ряд текстов, большинство из которых являются черновыми либо подготовительными. Говоря «<О Маяковском>» (начало — первая половина 1940-х гг.), отметим, что текст представляет собой схему планирующейся статьи, наработку на будущее³⁹⁶. Часть работ «савёловского периода» автором не озаглавлена. В таких случаях то или иное название выбиралось редакторами, готовившими текст к публикации (статьи назывались по первым словам произведения, либо условно, в угловых скобках). Благодаря кропотливой работе создателей семитомного собрания

³⁹³ Там же. С. 935.

³⁹⁴ Там же. С. 944.

³⁹⁵ Там же. С. 946.

³⁹⁶ Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. / Под ред. С.Г. Бочарова, Л.А. Гоготишвили. — М.: Русские словари, 1997. — С. 424-426.

сочинений М.М. Бахтина известен список текстов, написанных или причисляемых к написанным в Кимрах. Их, включая «Рабле» и «Дополнения к “Рабле”», — пятнадцать.

Одна из них, «Сатира», — единственный опыт Бахтина написать энциклопедическую статью, заказанную 26 октября 1940 г. для десятого тома «Литературной энциклопедии». Были поставлены жёсткие условия: «Сатира» должна быть готова к 15 ноября.

Ответив на предложение положительно, Бахтин отправляется в Ленинскую библиотеку, куда ему на этот раз был выдан пропуск³⁹⁷. Статья была готова в срок; позднее, по требованию редактора, доработана, но так и не попала в книгу. Десятый том «Литературной энциклопедии» увидел свет лишь в 1991 г. в Мюнхене, статья «Сатира» была написана С.М. Нельс.

Отметим, что готовый текст «Сатиры» М.М. Бахтина на сегодняшний день считается утерянным, доступна лишь черновая версия статьи, опубликованная, как и другие работы, о которых ниже пойдёт речь, в пятом томе собрания сочинений М.М. Бахтина (1997 г.).

Возвращаясь к намёткам статьи о В.В. Маяковском, важно подчеркнуть, что её написание Бахтин мог связывать с надеждой перейти из статуса полулегальных писателей в легальные. Неизвестно, чем бы это обернулось, но показательны воспоминания ученицы Бахтина того времени, В.Г. Рак. Когда по программе должен был следовать В.В. Маяковский, «Михаил Михайлович пришёл к нам в класс и резко отчеканил: “Маяковского я не люблю и читать его не буду”»³⁹⁸.

И это в тот период, когда Сталин назвал Маяковского первым и лучшим поэтом страны! Что побудило Бахтина негативно высказаться о Маяковском? Поздние реплики мыслителя о поэте, его силе в представлении «карнавальности» мира, провозглашении «живой жизни в низах, где нет ничего устойчивого», противоречат воспоминаниям учеников. Да и ранее, в

³⁹⁷ Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 4 (1)... С. 877.

³⁹⁸ Пономарёва Е.Н., Строганов М.В. О пребывании М.М. Бахтина... С. 148.

лекциях середины 1920-х гг., Бахтин подчёркивал значительность Маяковского для русской поэзии³⁹⁹.

Помимо перечисленных работ, в Кимрах Бахтиным написано ещё несколько текстов: «К философским основам гуманитарных наук» (дата написания: приблизительно в промежутке между 1940-1943 гг.), «“Слово о полку Игореве” в истории эпопеи» (1940-1941 гг.), «К истории типа (жанровой разновидности) романа Достоевского» (1940-1941 гг.), «К вопросам об исторической традиции и о народных источниках гоголевского смеха» (первая половина 1940-х гг.), «К вопросам теории романа», «К вопросам теории смеха», объединённых в одну публикацию вместе с заготовкой статьи «О Маяковском» (первая половина 1940-х гг.), «Риторика в меру своей лживости...» (1943 г.), «“Человек у зеркала”» (1943 г.), «К вопросам самосознания и самооценки...» (1943-1946 гг.), «О Флобере» (конец 1944-1945 гг.), «К стилистике романа» (конец 1944-1945 гг.), «Многоязычие, как предпосылка развития романного слова» (1940-1945 гг.), «Вопросы стилистики на уроках русского языка в средней школе» (1945 г.) [вероятно, также прочитана им в школе]⁴⁰⁰.

В связи с последней работой интересна записка, сделанная рукой Бахтина якобы от лица директора 39-й школы. «Индивидуальная работа М.М. Бахтина на тему: “Вопросы стилистики на уроках русского языка в VII-ом кл.” может быть закончена и выслана только 10 июня, т.к. М.М. Бахтин в настоящее время очень занят на своей основной работе как преподаватель и член экзаменационной комиссии в X кл. 14-ой школы. Директор 39 шк.»⁴⁰¹.

Вызывает удивление тот факт, что записку о занятости Бахтина в 14-й школе должен был подписать директор 39-й. Вероятнее всего, этот «казус»

³⁹⁹ Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5... С. 439.

⁴⁰⁰ Даты написания произведений даны на основе анализа, проведённого над рукописями, и опубликованы в пятом томе собрания сочинений М.М. Бахтина. С. 386, 416, 420, 426, 457, 464, 467, 492, 493, 507, 511, 512, 534, 535. Авторы текстов и комментариев: Л.В. Дерюгина, Л.А. Гоготишвили, И.Л. Попова, С.Г. Бочаров, Г.И. Теплова, Н.А. Паньков, Л.С. Мелихова, С.О. Савчук.

⁴⁰¹ Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5... С. 512.

стал возможным потому, что Бахтин официально работал только в 14-й школе, а в 39-й подрабатывал.

Даты перечисленных работ условны, большинство заметок автором не датировано, и заключение о вероятном времени их написания делалось на основе анализа тетрадей, чернил, вопросов, занимающих М.М. Бахтина в тот период. Вероятно, в будущем они будут уточнены.

Представляет интерес и бытовая жизнь Бахтина в Кимрах. Отношения учителя с учениками не всегда были ровными, более того, минимум нейтрально происходило общение с коллегами; сближение, по воспоминаниям Г.И. Мозжухиной (Морозовой), произошло лишь с одним — М.В. Лебедевым, которому тот подарил при переезде в Саранск часть книг. В «савёловский период» Бахтин вёл активную переписку, периодически сам бывал в Москве. Известны его выступления в 1940 и 1941 гг. в ИМЛИ с двумя докладами по теории романа, участие в конференции по творчеству Шекспира, проходившей в ЦДЛ⁴⁰².

Важны и воспоминания учеников, проливающие свет на взаимоотношения учителя с подопечными и коллегами. В исследовании Пономарёвой и Строганова приводятся свидетельства учениц Бахтина — В.Г. Рак и М.И. Крыловой (14-я школа).

М.И. Крылова, у которой в 1943-1944 гг. М.М. Бахтин был классным руководителем, поведала о новой грани характера учителя: «Он вёл также литературный кружок. Нам было мало его уроков, и весь класс ходил заниматься в этот кружок. <...> Он ужасно много знал наизусть из Гёте, Шекспира. Нам с ним было интересно, и нам иногда казалось, что он благодарен нам за то, что мы его слушаем»⁴⁰³.

В.Г. Рак в 1944 г. училась в 10 классе: «Он голодал и мёрз в холодной школе так же, как и мы все. Но как только начинался урок, он забывал обо

⁴⁰² Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 4 (1)... С. 897; Михаил Бахтин: «Pro et contra»... С. 527.

⁴⁰³ Пономарёва Е.Н., Строганов М.В. О пребывании М.М. Бахтина... С. 148.

всём. Рассказывал нам взахлёб, размахивая руками, и неустанно ругал школьные учебники: “Какого чёрта вы их читаете, — говорил он нам. — Надо читать произведение, само произведение, целиком и полностью”. И мы все сидели с раскрытыми ртами, забыв, что уже давно прозвенел звонок»⁴⁰⁴.

По сведениям архива гороно, Бахтин преподавал в Кимрах немецкий и историю, однако в воспоминаниях учеников остался словесником. Его уроки литературы — сложные, но интересные, врезались им в память. В мае 2009 г. автор исследования посетил ученицу Бахтина Г.И. Мозжухину (Морозову). В 1944/45 учебном году она занималась в 8 классе и, как ей казалось, нашла с «нелюдимым» преподавателем свой особый контакт.

Несколько лет назад Г.И. Мозжухина передала в местную библиотеку записки, в которых постаралась восстановить в памяти его образ: «Не хочу утверждать, что именно он (М.М.) оказал на меня влияние, что я стала тоже преподавателем литературы и русского языка, но уроки литературы в старших классах я вспоминала именно его»⁴⁰⁵. Впрочем, и до этого мы узнали некоторые не известные ранее подробности: «Мы называли его БАХТИНЫМ, с ударением на первый слог. Лишь потом, по телевизору, я неоднократно слышала, что все его называют БахТИН. Он нас ни разу не поправлял. Был очень интеллигентным».

Школьнице запомнилось, что преподаватель приходил на уроки на костылях. Он редко сидел за учительским столом, обычно стоял, опираясь на костыли, и увлечённо рассказывал о литературе: «Он был очень осторожен в разговоре. С учителями держался обособленно. Да те и не стремились принять его в свой круг. Я точно знаю, что дружил он только с одним учителем — Михаилом Владимировичем Лебедевым. Когда уезжал, подарил много книг ему». К сожалению, судьба этих книг неизвестна. М.В. Лебедев

⁴⁰⁴ Там же. С. 147, 148.

⁴⁰⁵ В Центральной библиотеке г. Кимры в папке о М.М. Бахтине хранится рукопись Г.И. Мозжухиной, в которой та вспоминает о жизни учёного в Кимрах.

за несколько лет до нашего исследования скончался; Е.Н. Пономарёва и М.В. Строганов его воспоминания, к сожалению, не записали.

Воспоминания о внешнем виде учителя Мозжухина отразила в «библиотечных записках»: «На костылях ему добираться, видимо, было трудно, дороги ещё не были асфальтированы. Труднее всего зимой и осенью: грязь, бездорожье, а расстояние — более километра. Помню его в зимней одежде: на голове папаха, добротное пальто на лисьем меху»⁴⁰⁶.

Сложность в общении с коллегами подтверждает ещё один факт. М.В. Ванцева, преподававшая в 14-й школе в период пребывания в Кимрах Бахтина, отметила, что он был замкнут и с учителями практически не общался. Она сомневалась, что у него вообще были друзья в Кимрах⁴⁰⁷.

По имеющимся свидетельствам (в первую очередь, мы имеем в виду работу Е.Н. Пономарёвой и М.В. Строганова), отношения с учениками у М.М. Бахтина налаживались сразу, с коллегами — наоборот. Мозжухина не разделяет эту точку зрения: «Михаила Михайловича недолюбливали в классе. Он был очень требовательным, а годы были голодные. Военные годы. Нам, ученикам, приходилось ездить за торфом, отапливать школу... Было очень сложно. Строгость и жёсткая дисциплина была причиной нелюбви. Вы знаете, один раз класс устроил подобие “саботажа” — нарушили дисциплину. Он не выдержал и ушёл с урока. Нас в классе было больше 30 человек, далеко не все хорошо учились (однако в своих воспоминаниях Г.И. Мозжухина писала, что класс был небольшим. — В.К.). А у Бахтина — очень высокие требования. Хотя те, кто учился хорошо, с ним сближались. Мальчишки из десятого класса с ним дружили. Михаил Михайлович умел увлечь». Тем не менее: «У Бахтина во время уроков не было реакции на весь класс. Он не добивался, чтобы все его слушали, как заставляли другие учителя, вещал для тех, кому это было нужно. Но с дисциплиной был строг. А требовал и того больше» (Г.И. Мозжухина).

⁴⁰⁶ Там же.

⁴⁰⁷ Пономарёва Е.Н., Строганов М.В. О пребывании М.М. Бахтина... С.148.

Строгость и требовательность к школьникам военной поры могла быть следствием неустроенности жизни самого Бахтина. Более того, необходимо учитывать, что в Кимрах он столкнулся с условиями, которых раньше не знал — например, работа в сельской школе была единственным подобным фактом в его биографии.

Относительно быта Бахтиных в Кимрах Мозжухина вспоминает: «Потолок у них в доме был закопчённый. Чтобы получить немного денег, его жена варила сахар плиточками и продавала на рынке. Жили они бедно. Михаил Михайлович был худой, очень много курил. Мне запомнились его жёлтые пальцы... А ещё запомнилась сила воли. Большая сила воли».

Важны воспоминания, касающиеся общения с учениками. Г.И. Мозжухина отмечает: «Он общался с нами, как с равными, никогда не было пренебрежения. Однажды я рассказывала “Медного всадника”. Стою у стола, а он сидит за ним (он редко сидел, обычно вёл урок стоя)... Я начинаю читать: “Люблю тебя, Петра творенье...” и вдруг слышу, что Михаил Михайлович причмокивает. Это было одобрением. Когда он причмокивал во время ответа, значит, доволен учеником. Мне показалось, что Петербург много значил для него... Когда мы проходили “Евгения Онегина”, он давал нам самим разобраться в поэме, в героях. Ленский нам нравился больше. Потому что, в отличие от агрессивного Онегина, он представлялся более романтическим. А потом Бахтин рассказывал, как Пушкин смотрел на Ленского, доказывал, что Пушкин не признавал Ленского за писателя...»

На вопрос о том, можно ли найти дом, в котором жил М.М. Бахтин в Кимрах, Г.И. Мозжухина ответила: «Улицу снесли. Там теперь завод. Да и школа выглядит по-другому. Фасад пристроен. Хотя кабинет, где он вёл уроки — сохранился. Это кабинет математики на втором этаже».

Позднее мы вместе с тверскими журналистами посетили 14-ю школу и сделали фотографии двух кабинетов математики, практически идентичных.

Отметим также связь М.М. Бахтина и 11-й кимрской школы. В ней, по свидетельству Г.И. Мозжухиной, он находился в составе экзаменационной комиссии.

Зима 1944-1945 гг. тяжело далась Бахтиным. В письмах того времени ощутимы жалобы на то, что плохое здоровье создаёт помехи рабочим планам: «...я проболел всё это время и только сейчас несколько поправляюсь...»⁴⁰⁸ — писал М.М. Бахтин в марте 1945 г. А.А. Смирнову. Позже, в письме М.В. Юдиной, сообщал, что зима выдалась непростой: «...мы за зиму и отощали, и влезли в долги, частенько прихварывали, в общем чувствовали себя очень неважно»⁴⁰⁹. Добавила беспокойства и очередная попытка издать многострадального «Рабле», и, как следствие, нервные, напряжённые письма по этому поводу, ощущение бессилия от невозможности лично ввязаться в ход дела, проконтролировать, переговорить с кем нужно, выехать в Москву. Оттого и звучали слова, напоминающие «крик души»: «Для меня это дело имеет первостепенное значение, от него зависит возможность выбраться из Савёлова, где дальнейшая научная (?) работа становится невозможной»⁴¹⁰. «Выбраться из Савёлова» Бахтину хотелось и раньше. В 1943 г. была предпринята попытка устроиться в столичный институт, в 1945-м — забрезжила перспектива работы в Ленинграде. Всё это время он вынужденно находился между ними — друзьями, беспрестанно пишущими из обеих столиц, нормальной научной деятельностью, к которой стремился, и той её подменой, что имела место в Савёлове.

Безрадостное существование скрашивала относительная близость Москвы, которую он мог регулярно посещать. Так, в письме А.А. Смирнову в июне 1945 г. М.М. Бахтин сообщает, что смог пробыть в Москве несколько дней⁴¹¹. О готовящейся поездке загодя сообщал М.В. Юдиной: «Сейчас у нас

⁴⁰⁸ Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 4 (1)... С. 953.

⁴⁰⁹ Там же. С. 956.

⁴¹⁰ Там же. С. 944.

⁴¹¹ Там же. С. 957.

начинаются экзамены, но с 3 по 15 июня у меня будет перерыв, во время которого я и смогу приехать»⁴¹².

Последними свидетельствами пребывания Бахтина в Кимрах можно назвать приказ Кимрского отдела образования о предоставлении ему отпуска, а также дату (24 / VI — 45. Савёлово), поставленную Бахтиным в одном из писем «савёловского периода»⁴¹³.

Приказ № 4

Кимрского гороно от 31/V — 45 г.

Предоставить отпуск <...> с 18/VI — 45 г. Бахтину, Ордеевой, Городовской.

Зав. гороно К<лавдия> Галахова

В августе 1945 г. приказом Наркомпроса РСФСР М.М. Бахтин был переведён из 14-й школы г. Кимры в Мордовский пединститут и назначен и.о. доцента по всеобщей литературе. А в сентябре того же года он был уволен из 39-й школы.

На несколько десятилетий имя Бахтина исчезло из поля зрения кимряков. И только ко времени перестройки предпринимаются первые попытки устранить «белое пятно». В декабре 1990 г. в газете «За коммунистический труд» объявляется поиск очевидцев пребывания в Кимрах О.Э. Мандельштама. Чуть ранее — М.М. Бахтина. Кимряки (надо полагать — удивлённые) читали материал, где рассказывалось о великом учёном и мыслителе, который жил в их городе. Авторы статьи сообщали о трудах этого человека, о его международном признании. И просили откликнуться тех, кто мог его помнить⁴¹⁴. (Таковых, по словам М.В. Строганова в частном разговоре с нами, не оказалось. Исследователи самостоятельно отыскивали очевидцев.)

⁴¹² Там же. С. 955.

⁴¹³ Там же. С. 958.

⁴¹⁴ Пономарёва Е.Н., Строганов М.В. Страницы истории // За коммунистический труд. — 1990. 1 мая. — С. 4.

Спустя ещё 15 лет, в 2005 г., в Центральной районной библиотеке состоялись первые Бахтинские краеведческие чтения: «Михаил Михайлович Бахтин и кимряки», собравшие неожиданно много ценителей его трудов. Выступали учителя и библиотекари, журналисты и гости из областного центра — Твери. В библиотеке появился стенд, посвящённый М.М. Бахтину, пополняемый новыми газетными публикациями об учёном.

В конце 2006 г. прошли вторые Бахтинские чтения: «Три имени, три судьбы», посвящённые судьбам знаменитых писателей, связанных с Кимрами: М.М. Бахтину, О.Э. Мандельштаму и В.А. Никифорову-Волгину.

В 2010 г. имя М.М. Бахтина вернулось в Ильинское. 17 ноября 2010 г., в день 115-летия со дня рождения М.М. Бахтина, в селе прошло первое «бахтинское» мероприятие — открытие уголка Бахтина в школьном музее (старожил Ильинского В. А. Каретников рассказал автору исследования следующее: «Мне было тогда шесть лет. Помню, нам показывали хромого учителя. Он жил напротив церкви, там была церковно-приходская школа»). Через год, также в день рождения М.М. Бахтина, в школе состоялся «круглый стол», на котором выступили местные бахтиноведы, учителя и ученики, директор школы Н.И. Моисеева и библиограф Е.Н. Боровикова⁴¹⁵. 11 мая 2012 г. музейный уголок в Ильинской школе стал филиалом музея М.М. Бахтина (базирующего в Орле), а 12 марта 2014 г. в школе была установлена мемориальная доска М.М. Бахтина (инициатива Н.И. Моисеевой). В апреле 2014 г. автор исследования инициировал кампанию по открытию аналогичной мемориальной доски в Кимрах⁴¹⁶.

Нашло отражение пребывание Бахтина в Кимрах и в творчестве местных поэтов. Так, в стихотворении «Кимры» одного из них есть строки: «Правда,

⁴¹⁵ В.К. [Коркунов В.В.] День учителя // НГ Ex libris: прилож. к газ. «Независимая газета». — 2011. 1 декабря. — С. 3.

⁴¹⁶ Коркунов В.В. Инициатива «ЛГ» // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2014. № 4. — С. 1.

бывали, как белые пятна на сером/ Грустный Бахтин и гонимый судьбой Мандельштам»⁴¹⁷.

2.4. «Взгляд “изнутри”»: С.И. Петров и М.А. Рыбаков

2.4.1. С.И. Петров: забытый поэт

В 1930-х гг. в Кимрах одним из излюбленных мест для чтения стихотворений был городской сад. Местные поэты выходили на летнюю сцену и читали стихи. На каждом поэтическом выступлении зрители, по большому счёту, ожидали одного-единственного поэта. Вот как запечатлел его тверской литератор П.П. Дудочкин: «Среднего роста, красавец, с густым тёмно-русским чубом на пробор, в расшитой васильками русской косоворотке, он запомнился мне очень жизнерадостным, когда на летней сцене городского сада с волнением читал: “Здравствуй, солнце, здравствуй, золотое,/ Дай мне руку светлую свою”»⁴¹⁸.

Этим поэтом был С.И. Петров. В дошедших до нас фронтовых письмах — множество свидетельств серьезности его литературных амбиций, публикации, выступления, подготовка сборника стихотворений. Однако зимой 1941 г. С.И. Петров погиб в немецких лагерях, а судьба его стала подтверждением эфемерности существования «местного» поэта, очевидно талантливого.

В биографии С.И. Петрова мы обнаруживаем существенный провинциальный элемент: претензии на право быть поэтом постоянно сопровождаются декларативным отказом от этих претензий («Стихи — это между прочим...»⁴¹⁹).

Необходимо отметить, что Петров становится заложником времени — и в социальном, и в культурном планах. Практически государственное

⁴¹⁷ Коркунов В.В. Кимры // Рукопись.

⁴¹⁸ Дудочкин П.П. «Здравствуй, солнце!» // За коммунистический труд. — 1984. 22 декабря. — С. 4.

⁴¹⁹ Петров С.И. «Стихи — это между прочим...» // Литературный сборник. — Кимры: Издание газеты «Коллективная жизнь», 1935. — С. 52.

осуждение лирических художественных произведений приходится на расцвет таланта Петрова-лирика (последние его стихотворения во многом лишены лиричности). «Великая стройка» требовала сообразных времени поэтических текстов (достаточно посмотреть на названия: «Кузнецы», «Молотьба машиной» и др. — это кимрские примеры). Петров был чужд этим стремлениям (это объясняет и очевидные несовершенства его «идеологизированных» текстов). Одновременно с этим одарённого и талантливое молодого человека ждала возможная «большая» на местном уровне карьера — к 25 годам он становится директором школы (до этого в течение ряда лет Петров заведовал агро-музеем при ДOME крестьянина).

Год от года Петров крепче связывал себя с Кимрами, следовательно, даже не политические взгляды не позволили развиться его таланту и стать поэтом, сознательное нежелание выходить (и выводить талант) за границы населённого пункта. (Тем не менее, неизвестно, что было бы с ним после успехов фронтовых стихотворений, возможно, он преодолел бы эту локальную ограниченность, которую всячески постулировал).

Сведений о жизни С.И. Петрова немного — упомянутый выше текст П.П. Дудочкина, статья краеведа из г. Старица Тверской области Д.И. Смирнова, фронтовые письма, а также воспоминания некоторых очевидцев. И — известие о гибели в немецких лагерях.

С.И. Петров родился в Калязине 6 июля 1914 г. В Кимры перебрался в детском возрасте. «Первые его стихотворения относятся к школьному периоду, с выходом литературной странички начал печататься в нашей газете»⁴²⁰ — сказано в биографии Петрова в «Литературном сборнике», который он готовил вместе с коллегами по кимрскому литкружку. Из него мы узнаем, что в 1935 г. С.И. Петров, 21-летний юноша, был постоянным автором районной газеты «Коллективная жизнь», что он «самый активный член литкружка», а также — заведующий агро-музеем при ДOME

⁴²⁰ Там же. С. 3.

крестьянина. Дальнейшие сведения приходится собирать по крупицам. Двумя годами спустя Петров — член бюро литературно-творческой группы в пединституте им. М.И. Калинина⁴²¹. Очевидно, что ранний карьерный взлёт предполагал определённую будущность (в которой стихи действительно становились «между прочим»), и после профессиональной подготовки Петров возвращается в Кимры, чтобы возглавить школу-девятилетку. В период обучения в пединституте им. М.И. Калинина он сближается с К.А. Орловой, сверстницей поэта, в 1930 г. пришедшей на работу в «Коллективную жизнь». 17 июля 1937 г. Петров и Орлова женятся. Вернувшись в Кимры, К.А. Петрова становится ответственным секретарём газеты, С.И. Петров, как мы уже сказали, возглавляет школу. Через год у них рождается сын Боря (ещё один ребёнок Петровых появляется на свет мертворождённым).

Б.И. Зорин, работавший в это время в 14-й кимрской школе (отметим, что в воспоминаниях Зорина не упоминается М.М. Бахтин, в течение пяти лет преподававший в той же школе, что ещё раз подтверждает свидетельства об отчуждённости М.М. Бахтина от кимряков и, в частности, учителей), сохранил в памяти несколько эпизодов, связанных с С.И. Петровым (встреча произошла весной 2009 г.). Он был наслышан о молодом директоре, чья «звезда стремительно восходила»⁴²². Однако впервые разговорился с коллегой лишь в «учительском вагоне», забиравшем молодых учителей на фронт. Обратимся также к воспоминаниям Дудочкина: «Доброта его окружала всех, с кем он дружил. Почитатели поэзии радовались от души — свой талант появился! <...> Среди учителей он выделялся бескорыстной общественной активностью, а в свободные от работы часы воспевал родной город и его жителей»⁴²³.

⁴²¹ У автора исследования в домашнем архиве хранится ксерокопия фотографии (коллажа) Бюро литературно-творческой группы при пединституте им. М.И. Калинина, г. Калинин, 1937 г.

⁴²² Запись беседы с Б.И. Зориным хранится в домашнем архиве автора исследования.

⁴²³ Дудочкин П.П. «Здравствуй, солнце!»... С. 4.

Запомнила С.И. Петрова и семья Титовых (мы встретились с ними осенью 2008 г.). П.Ф. Титов, ветеран Великой Отечественной войны, и его супруга Т.Н. Титова отыскивали в семейном фотоальбоме фотографию учителей девятой школы, на которой можно обнаружить и самого Петрова, и его тещу М.И. Орлову. В девятой школе учились оба старожилы, но Петрова запомнила только Т.Н. Титова (в 1939 г. она посещала 6 класс): «Наш директор и сам на месте не сидел, и ученикам не позволял. Школьные вечера, выставки, выступления, оптимистичные и жизнелюбивые, сопровождали нас всегда. И везде звучали стихи Сергея Ивановича»⁴²⁴.

На военную службу С.И. Петров был призван в 1939 г. Подтверждает эту информацию и Б.И. Зорин. По прибытии на место службы кимрские учителя разошлись. Зорин был зачислен в 59 гаубичный артиллерийский полк 13 стрелковой дивизии 5 стрелкового корпуса 10 армии, а Петров стал помощником политрука.

Дальнейшие сведения мы по большей части получаем из фронтовых писем Петрова.

В последний раз К.А. Петрова и С.И. Петров виделись 4 февраля 1940 г., что подтверждает письмо от 12 апреля 1940 г.⁴²⁵: «Нашей разлуке — 68 дней. А всего я отслужил в армии уже 105 дней (зачёт с янв. 1940 г.) Осталось ещё много». Писем было немало, и для того, чтобы почувствовать атмосферу времени и убедиться в амбициозных планах Петрова (а также — семейных неурядицах), процитируем некоторые из них, по возможности указывая даты написания.

«Пусик! Слышал я, что ты грустишь, часто по тихому плачешь... Не надо. <...> Не совсем ведь я ушёл».

[Из письма теще, М.И. Орловой] «Было, когда лишние школьные дразги отражались на собственной семье. Рад тому, что армия в этом отношении

⁴²⁴ Запись беседы с Т.Н. Титовой хранится в домашнем архиве автора исследования.

⁴²⁵ Часть фронтовых писем С.И. Петрова скопирована и переписана автором исследования и хранится в домашнем архиве. Письма Петрова по нашему запросу были присланы в Кимры Старицким муниципальным архивом (личный фонд Петровой Киры Александровны): Ф. 210. Ед. Хр. 66.

сыграет положительную роль. Чувствую, что здесь я начинаю отдыхать, и нервы встают на место. <...> ...вернусь ли — трудно предугадать».

[24 ноября 1940 г.] «Видимо последним своим письмом я тебя немного расстроил. Двадцать восемь лет — это не старость (С.И. Петров планировал демобилизоваться в 1942 г. — В.К.). Будут дни, минуты, жаркие и “бешеные”, повторится то незабываемое, за что можно отдать даже года. <...> «Вот ради этого, Пусик, так чертовски хочется жить, снова увидеть тебя... Вот мы друг в друге не ошиблись. Правда?»».

[Январь 1941 г.] «Ты почему-то усомнилась во мне; призналась, что ценишь больше далёкое “калининское”, чем совместную жизнь, длившуюся очень мало. Видимо, было что-то такое в этой жизни, что не нравилось тебе, с какой-то стороны я был нехорош. Правда? <...> ...если бы выпала возможность приехать, а убедил бы тебя во многом, мы вместе бы зачеркнули много строчек в наших письмах»».

«Если писать, успокаивать строчками — сама ты плохо будешь им верить, они потеряют откровенность, наскучат. Я тебе верен, таким же буду до встречи. А там — сама увидишь...»

[Получив фотографию сына] «Вырос он, стал (не сердись) больше похожим на меня, особенно с глаз. Насчёт носа и улыбки — не спорю — твоё. А, в общем, хороший он у нас, во всём чувствуется твоя ласка и любовь».

«День заполнен <...> ...вплоть до 11 вечера на ногах. 6 марта всю ночь дневалил на конюшне, писать было нельзя <...> Вчера тоже всю ночь были на тактическом занятии <...> Научился ездить на коне: шагом, рысью, мелким галопом. Умею распрягать, отработал посадку, “ножницы” и т.д.»

«Работаю замполитом политшколы. Форма другая. И зарплата другая. Получал до этого 17-50, а сейчас получаю 35 руб. Видимо, ещё прибавят. Так что о деньгах для меня не беспокойся, в них нет нужды. Тратить не на что. В город я не хожу, не пускают. И не тянет. Вернее, опасаясь ходить, т.к. сейчас очень легко можно заработать “самоволку”, и — трибунал. А я хочу видеть

тебя, жить с тобой, воспитывать сына, хочу честно отслужить положенный срок».

Очевидно, что семью Петровых не миновали разлады («нервы встают на место», «отражались на собственной семье», «усомнилась во мне»), хотя их действительные причины неизвестны. (Позже, когда К.А. Петрова передавала письма и газетные вырезки со стихами старицкому краеведу Д.И. Смирнову, она сказала: «Здесь самое ценное и дорогое для меня — память о муже...»⁴²⁶)

В этот же период Петров активно занимается творчеством (мы извлекли из его писем несколько стихотворений и эскизы обложки планировавшегося поэтического сборника, которые были опубликованы в сборнике памяти С.И. Петрова «Обретённый голос». — М.: Издательство журнала «Юность», 2011). Одно из писем белорусского поэта П.Е. Панченко, сотрудничавшего с газетой «За Советскую Родину», С.И. Петров воспроизводит в послании супруге: «Дорогой товарищ Петров! С большим удовольствием читал Ваши стихи и радовался, что есть такие способные поэты. Стихи Ваши свежи, “Стальные песни” будут помещены. Не успокаивайтесь на достигнутом, упорно овладевайте культурой. Вам предстоит ещё немало работать...»

Позже Петров делился ещё одним творческим успехом: «Представь себе мою радость. Меня, единственного от всей дивизии, направили в Минск, где я участвовал в работе семинара красноармейских поэтов и прозаиков, читал свои стихи. 17 моих стихотворений отобрали для альманаха, который должен выйти в июле...»

Это был 1941 г., и сборник, мы полагаем, остался неизданным. Тем не менее, стихотворения С.И. Петрова публиковались в «Красноармейской правде» (наряду с «Василием Тёркиным»), газете «За Советскую Родину» и др. Одним из наиболее сложившихся стихотворений предвоенного периода можно назвать текст «Враг будет бит» со строками: «И если враг границу

⁴²⁶ Смирнов Д.И. Недопетая песня // Тверская жизнь. — 2011. 31 марта. — С. 5.

нашу тронет,/ Пусть это будет ночью или днём, —/ Блеснут клинки,/ Рванутся вихрем кони,/ И вся страна заговорит огнём».

Важно отметить, что кимрская тема в лирике Петрова — периферийна; судя по письмам и воспоминаниям, он планировал стать поэтом *не регионального* масштаба. Кимры вдохновили Петрова на поэтическое изображение природы, даже там, где непосредственно город не проявляется. Поэт находит яркие образы: «Поздний вечер веет у колодца,/ Месяц гнёт багряную дугу», «ты золотишь синевою/ свесистых клёнов ряд», «бледная лента зорь», «дымит роса в предутренних лучах»⁴²⁷ и т.п. Лишь в трёх стихотворениях нами обнаружены местные реалии. Первое — посвящение газете: «Поздравляю газету с ростом/ И горжусь боевой строкой./ Каждый день ты понятно и просто/ Разговариваешь со мной» (к десятилетию «Коллективной жизни»). Второе — содержит пейзажную особенность места: «...туманы/ Снова пройдут над Волгой». Третье — открывает ряд «военных» стихотворений Петрова (большинство из них созданы после призыва, однако первые были опубликованы в Кимрах): «Нёс ноябрь седеющую морось,/ Рассыпая листья серебром./ ...Всхлипывала девка у забора,/ Провожая милого на фронт./ Знала Маша: милый не вернётся,/ И катилась горькая слеза,/ Помнит, как у этого колодца/ Он ей долгожданное сказал./ Ну а после, с утренней зарёю,/ Потянулись к станции воза./ Удивлялся черномазый поезд/ И грустил по рекрутам вокзал». Придание человеческих черт вокзалу («грустил по рекрутам») соотносится с переданным ощущением скорой потери (автор в данном случае выступает и со стороны Маши — метафорически выражена гибель призывника; здесь чувствуется, на наш взгляд, и романтизирующий гибель мотив). Стихотворение в определённом смысле можно назвать пророческим: текст посвящён призывникам 1912 года рождения; спустя два года на фронт отправится и сам Петров — на

⁴²⁷ Цитаты стихотворений даны из подборок С.И. Петрова, опубликованных в «Литературном сборнике» (Кимры: Издание газеты «Коллективная жизнь», 1935) и сборнике его памяти «Обрётённый голос» (М.: издательство журнала «Юность», 2011).

черномазом поезде с «грустящего» вокзала. Эти детали — несомненно, кимрские (при всей общности описания). Настроение передаётся поэтическими средствами: метафорами («седеющая морось», «черномазый поезд»), фонетикой (обилие звуков «р»), сюжетно (продекларировано невозвращение любимого). Очевидно, что подобную картину Петров примерял и к себе.

Его последнее письмо оказалось пророческим: «Пока не пиши мне. Нашу часть куда-то переводят, и вообще пахнет чем-то тревожным». Вскоре началась Великая Отечественная война, в первые месяцы которой С.И. Петров был взят в плен.

«В такие дни под пологом сосновым/ Походка вражья быстра и легка...» — писал С.И. Петров в октябре 1940 г., а восемь месяцев спустя: «Суровый знак границы, / Поток реки, бегущий на восток» перешли немецкий войска.

Б.И. Зорин в эти дни находился в районе Белостока. Советские войска отступали. Во время отступления, когда был преодолен Неман, произошла последняя встреча коллег: «Встретились мы с ним случайно, в начале июля. Я заметил, что вид у него был усталый, измождённый. Какое-то внутреннее напряжение и усталость так и сквозили от него. Одет в гимнастёрку, на петлице — треугольники, знаки отличия, звёздочка на рукаве. Если не ошибаюсь, служил он младшим политруком (согласно письму С.И. Петрова, в конце 1940 г. он служил замполитом политшколы. — В.К.). Некоторое время шли вместе, вспоминали Кимры. Он был пешим, а я на лошади. Несколько раз предлагал ему пересесть на лошадь, но он отказывался. А потом разошлись, сами понимаете, времени разговаривать особенно не было. Потом я от кого-то слышал, что Петров погиб».

В Кимрах (Петровы жили по адресу: ул. Володарского, д. 54) в этот же период К.А. Петрова отправляла на фронт множество писем — и самому С.И. Петрову, и — в различные инстанции, в попытках разыскать мужа. 22 июля 1942 г. полевая почта прислала сообщение: «На Ваш запрос отдел кадров сообщает, что разыскиваемый Вами п-к Петров Сергей Иванович по учёту

отдела кадров ПУ Запфронта не значится. Нами приняты меры по его розыску. О результатах Вам будет сообщено дополнительно»⁴²⁸.

Ещё в 1941 г. она ушла из редакции и устроилась на работу в с. Николо-Ям Кимрского района (именно в этот период было получено известие о том, что С.И. Петров пропал без вести). Затем вернулась в Кимры, работала в горфо, на радио, в январе 1945 г. возвратилась в редакцию «Коллективной жизни». В мае 1947 г. навсегда покинула город. Умерла в 1994 г.⁴²⁹

Имя С.И. Петрова вернулось в Кимры в 1952 г. В небольшой заметке П.Н. Орешкина «Поэты-кимряки» наряду с упоминанием о гибели А.И. Ошкукова, возглавлявшего в 1930-е гг. литературный кружок при газете, было сказано: «Свою жизнь за Родину отдал Сергей Петров — бывший директор школы № 9 гор. Кимры. С. Петров начал писать стихотворения ещё на школьной скамье, затем принимал участие в литературной группе при газете “Коллективная жизнь”. Участвовал в областном конкурсе на лучшее стихотворение»⁴³⁰. В следующий раз упоминание о С.И. Петрове встречается в 1988 г., когда П.П. Дудочкин описал его в статье-очерке «Здравствуй, солнце!»⁴³¹. (Одновременно со статьёй Дудочкина были опубликованы два стихотворения Петрова разных лет «Мы победим» — из сборника 1935 г. и «Враг будет бит» — извлечённое из фронтовых писем.)

В 2001 г. в «Тверской жизни» опубликована статья Д.И. Смирнова «Недопетая песня»⁴³², в дальнейшем — статьи автора данного исследования, посвящённые жизни и творчеству С.И. Петрова⁴³³.

⁴²⁸ Копия письма хранится в домашнем архиве автора исследования.

⁴²⁹ Биография К.А. Петровой прислана автору исследования старицким краеведом Д.И. Смирновым 28 мая 2001 г.

⁴³⁰ Орешкин П.Н. Поэты-кимряки // Коллективная жизнь. — 1952. 1 июня. — С.3.

⁴³¹ Дудочкин П.П. «Здравствуй, солнце!»... С. 4.

⁴³² Смирнов Д.И. Недопетая песня... С. 5.

⁴³³ Коркунов В.В. Весенняя песня Сергея Петрова // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Поговорим обо всём». — 2008. № 5. — С. 2.; Кимрский вестник. — 2009. 14 мая. — С. 3.; Афанасий биржа. — 2010. 1-7 апреля. — С. 11. (статья переопубликована трижды); Коркунов В.В. «Не совсем ведь я ушёл...» Пропавший голос Сергея Петрова // Обретённый голос. Под ред. В.В. Коркунова. — М.: издательство журнала «Юность», 2011. — С. 3-13.; Коркунов В.В. «Савёловский период в судьбах русской литературы». — Кимры: Кимрская типография, 2012. — С. 49-56.; Коркунов В.В. Петров Сергей Иванович (1914-1941) // Тверские памятные даты 2014 / Сост. Л.В. Пазюк, Н.В. Романова. — Тверь: ТО «Книжный клуб», 2013. — С. 198-200.

В 2007 г. по инициативе автора исследования в Кимрах был организован поэтический конкурс им. С.И. Петрова, ставший к 2011 г. (последний год его существования) международным⁴³⁴. В 2011 г., через 70 лет после гибели Петрова, Л.А. Аннинский в статье «Кимрогения» (другое название «Кимрогимния») сказал о нём следующее:

«Весенний ветер и дыханье мая,
Разливы рек и свежих листьев гул,
Я это всё, как жизнь, оберегаю
И никогда не уступлю врагу...
И если враг границу нашу тронет,
Пусть это будет ночью или днём,
Блеснут клинки, рванутся вихрем кони,
И вся страна заговорит огнём.

И сгорел, рванувшись туда, где блеснули штыки и огни. Сгинул в 1941 году. Успел за 27 лет жизни стать профессиональным поэтом. Имя осталось в кимрских литературных летописях. Сергей Петров»⁴³⁵.

Добавим, что на примере биографии С.И. Петрова мы приблизились к реализации одной из задач нашего исследования — о введении в оборот новых, но значительных (пусть и в региональном масштабе) имён.

2.4.2. Макар Рыбаков: от славы до забвения

М.А. Рыбаков большую часть жизни прожил в Кимрах, одним из первых в Калининской области вступил в Союз писателей СССР, написал несколько пьес и романов. Его трилогия («Пробуждение», «Лихолетье», «Бурелом») — своеобразная провинциальная имитация трилогии А.М. Горького, которого

⁴³⁴ По итогам четырёх розыгрышей конкурса выпущен сборник со стихотворениями победителей и участников, членов жюри, материалами СМИ о конкурсе, фотоматериалами: Обретённый голос / Под ред. В.В. Коркунова. — М.: издательство журнала «Юность», 2011. — 74 с.

⁴³⁵ Аннинский Л.А. Кимрогения // Коркунов В.В. «Савёловский период» в судьбах русской литературы... С. 4; Аннинский Л.А. Кимрогимния // Информпространство. — 2014. № 1. — С. 83.

писатель считал своим учителем. В текстах — жизнь кимрского края с царских времён (с рождения самого автора) до 1930-х гг. Разумеется, политический фон романов М.А. Рыбакова был вполне определённым, тем не менее, в первую очередь их можно назвать автобиографическими (1), бытописательными (2) и — романами о сапожниках-кустарях (3). В советское время проза Рыбакова называлась (обобщённо) «историко-революционной автобиографией». Это также справедливо. И, во многом, именно этим объясняется её ценность для Кимр; она — своего рода исторический документ, художественное осмысление происходящего, автостереотип о крае. Текст — намеренно упрощенный, с множеством вкрапленных анекдотов и жизненных ситуаций, что полностью оправдывается словами писателя: «Когда писал, всегда думал: читать их (книги. — В.К.) будут после трудового дня, и написать нужно так, чтобы уставший на работе человек отдыхал за чтением»⁴³⁶. Отметим, что Рыбаков планировал рассказать и о жизни провинции в годы Великой Отечественной войны и непосредственно войне, в частности — в романе «Беспокойное время»: «В новом произведении, которое пишу, ввожу их (героев. — В.К.) в экстремальные обстоятельства предвоенных и военных лет. Если хватит пороху, то поведаю о том, как народная трагедия тридцать седьмого года жестоко аукнулась в битве с фашизмом. Слов нет, врага мы одолели, но одолели великой кровью. Про огненный ад знаю не понаслышке — сам прошагал через него в солдатской шинели»⁴³⁷. (Обращает на себя внимание словосочетание «народная трагедия тридцать седьмого года», свидетельствующая, что для Рыбакова политика оставалась скорее фоном; его романы трудно назвать соцреалистическими или пролетарскими, хотя отдельные политизированные эпизоды выделяются). Однако закончить данную книгу он не успел.

⁴³⁶ Смирнов Д.И. Пока бьётся сердце. В гостях у Макара Рыбакова // Смена. — 1969. 18 октября. — С. 8.

⁴³⁷ Мазурин Н.И. Сердце волгара // Тверская жизнь. — 1991. 8 июня. — С. 6.

М.А. Рыбаков родился 8 июня 1891 г. в д. Маркуши Калязинского уезда Тверской губернии (сейчас — Кимрский район Тверской области) в семье батрака-сапожника. В семь лет остался без отца, некоторое время учился в церковно-приходской школе, работал пастухом, изучал кустарное ремесло, прислуживал надомником. В 1915 г. был призван в армию и направлен в 149 пехотный полк, расположенный у Великого Новгорода на берегу реки Волхов. В 1917 г. рядовой М.А. Рыбаков возвращается из армии и становится революционером. Осенью 1917 г. участвовал в свержении Временного правительства в г. Калязине, а 22 декабря того же года на I съезде Советов в Калязине был избран комиссаром земледелия. Через год Рыбаков — руководитель новообразованной сельскохозяйственной коммуны⁴³⁸ (многие из этих фактов обрастают подробностями в романах писателя). Впрочем, в этот период революционные стремления Рыбакова поутихли. В романе «Первопуток» (вышел в свет после трилогии, в период «оттепели»), описывающем это время, герой Рыбакова полон сомнений. Он не доверяет власти, упразднившей коммуну, впадает в депрессию и сбегает в деревню. Там (как и сам писатель) изучает бухгалтерское дело и, переехав в Кимры в 1921 г., становится преподавателем (а затем руководителем) бухгалтерских курсов. Преподаванием бухгалтерского дела он будет заниматься параллельно литературному ремеслу более 30 лет⁴³⁹.

В том же 1921 г. М.А. Рыбаков женится на Е.Н. Головиной, и в течение шести лет у них рождаются трое детей: Андрей (1922), Генрих (1925) и Маргарита (1927). Тогда же Рыбаков строит дом (что также отражено в романах) и вселяется в него с домочадцами (1924)⁴⁴⁰.

⁴³⁸ Рыбаков Макар Андреевич // Калининские писатели. Библиографический указатель / Сост. И.М. Лукьянова, Н.И. Мазурин. — Калинин: Московский рабочий, 1988. — С. 106.

⁴³⁹ Макар Андреевич Рыбаков // Калининские писатели / Сост. Н.А. Фадеева. — Калинин: Калининское книжное издательство, 1964. — С. 90-91. Необходимо отметить, что в издании замечены неточности в биографии М.А. Рыбакова. Так, ошибочна указанная дата начала создания трилогии — 1954 г. Очевидцы сообщают (что подтверждено опубликованными воспоминаниями, в частности, П.П. Дудочкина), что над рукописью М.А. Рыбаков начал работать ещё до Великой Отечественной войны.

⁴⁴⁰ В то время адрес писателя был: г. Кимры, ул. Крестьянская, д. 28. Позднее улицу переименовали, и теперь она носит имя Г.К. Орджоникидзе.

Литературный дебют Рыбакова состоялся в конце 1920-х гг. В этот период он недолгое время жил в Калининe, где работал преподавателем в средней школе, а в свободное время занимался самообразованием, много читал и пытался писать сам. В архиве Кимрского краеведческого музея мы отыскали воспоминания М.А. Рыбакова о тех днях: «Лёг на кровать, раскрыл (книгу А.М. Горького. — В.К.) и на странице я прочитал примерно такие строки: “Многие, лёжа на кровати с книгою в руках, думают — писать не трудно, только стоит взяться”. И тут же Алексей Максимович добавил: “Но эти люди подобны клопам, они других кусают, а сами никогда не возьмутся и ничего не создадут”.

Я отложил книгу, подумал несколько минут и, наконец, почувствовал себя клопом. Встал с кровати и, глядя на портрет, висевший на стене, сказал, как живому:

— Алексей Максимович, я — мечтающий клоп, но с сегодняшнего дня стану писать. Пусть не будет опубликовано хотя бы ни <неразб.> строчки, всё равно буду писать до самой смерти». Надо полагать, это было художественным преувеличением, потому что уже в сентябре 1928 г. в «Тверской правде» под псевдонимом Макар Сапожник был опубликован рассказ М.А. Рыбакова «В бане»⁴⁴¹. Речь в нём шла «о деревенском мальчишке, получившем из-за равнодушия хозяев жестокие ожоги»⁴⁴². Первые творческие поиски М.А. Рыбакова обратили на себя внимание Б.Н. Полевого. Он пригласил дебютанта в руководимую им тверскую организацию пролетарских писателей⁴⁴³.

В Кимрах М.А. Рыбаков как писатель дебютировал в 1929 г., когда в районной газете был опубликован его рассказ «Индия». Заштопанная нитками страница газеты с публикацией Рыбакова хранится в домашнем

⁴⁴¹ Рыбаков Макар Андреевич... С. 106.

⁴⁴² Кузнецова Г. Макар Рыбаков // Литературная Россия. — 1966. 3 июня. — С. 16. Рассказ «В бане» впоследствии вошёл в качестве главы в роман «Пробуждение».

⁴⁴³ Писатель из народа. К 30-летию творческой деятельности М.А. Рыбакова // Калининская правда. — 1958. 26 сентября. — С. 7.

архиве автора исследования. Позднее «Индия» несколько раз републиковалась⁴⁴⁴. В начальный период творчества и до встречи с А.М. Горьким Рыбаков продолжает печататься под псевдонимом Макар Сапожник. Под этим именем вышли его первые три книги.

На рубеже 1930-х гг. Рыбаков-Сапожник пробует себя в драматургии. Его драматические опыты ставились самодеятельными коллективами — их показывали с клубных сцен колхозов и фабрик (дальнейшего признания они не получили). В 1931 г. у М.А. Рыбакова выходит первая книга — пьеса «Костоед» (М.: Федерация, 1931). После публикации второй пьесы «Экспорт» (1932) Рыбакова принимают во Всероссийское общество драматургов и композиторов.

В этот же период «Всеросскомдрама» отправляет М.А. Рыбакова в промколхоз с заданием написать пьесу о жизни коллектива. Рыбаков отправляется в Ивановскую область, в промколхоз скорняков, руководимый А.А. Фурмановым, братом автора «Чапаева» Д.А. Фурманова (о последнем факте Рыбаков многократно рассказывал журналистам): «Я писал пьесу за тем самым столом, где Дмитрий Фурманов своего “Чапая” создавал. А это ко многому обязывало»⁴⁴⁵.

Результатом работы стала пьеса «Зайчина». (Как драматург Рыбаков не состоялся — дальнейшие его драматургические опыты не публиковались, лишь изредка разыгрывались на уровне местной самодеятельности.) «Зайчина» получила премию на московском конкурсе драматургов и была издана «ОГИЗ-ГИХЛ»-ом (Гослитиздатом) в 1933 г. Конкурс проходил под патронажем А.М. Горького, встреча победителей с которым состоялась в сентябре 1933 г. Рыбаков вспоминал об этой встрече неоднократно, в частности, в беседе с Ю.Ф. Помозовым в конце 1950-х гг.: «Была плохая

⁴⁴⁴ Отметим первую и последнюю на сегодняшний день публикации «Индии»:

Сапожник М. «Индия» (из прошлого) // Коллективная жизнь. — 1929. Октябрь. — С. 3;

Рыбаков М.А. Индия // Где-то в городе... / Под ред. В.В. Коркунова. — Кимры: Кимрская типография, 2007. — С. 64-66.

⁴⁴⁵ Писатель из народа... С. 7; Помозов Ю.Ф. Из глубин народных // Нева. — 1959. № 12. — С. 211.

погода, Горькому нездоровилось. Он позвонил и сказал, что примет авторов у себя на квартире, на Малой Никитской. Поехали мы. Волновались всю дорогу. А встретил нас Алексей Максимович просто, как отец родной: поздравили, с каждым поговорили»⁴⁴⁶. Во время встречи Горький посоветовал Рыбакову публиковаться под настоящим именем. Совет кумира Рыбаков, разумеется, воспринял однозначно — псевдоним Макар Сапожник им больше не использовался. В позднейших воспоминаниях Рыбаков признавался, что встреча с Горьким стала для него вторым рождением — духовным, «из которого Макар Андреевич вынес твёрдое решение — всем своим неустанным дальнейшим литературным трудом оправдать напутствие Горького»⁴⁴⁷.

В словах кимрского прозаика отчётливо просматривается провинциальность и установка на ограниченный, локальный характер собственных текстов; осознанная вторичность проявляется в стремлении скопировать литературный канон (имеем в виду трилогии М.А. Рыбакова и А.М. Горького). В этом аспекте образ М.А. Рыбакова представляется в качестве талантливого, но: подражателя.

И всё-таки мы ещё раз подчёркиваем ценность текстов Рыбакова для Кимр: и в бытописании, и в передаче особого «сапожного» быта кимряков. За пределами Кимр интерес к прозе М.А. Рыбакова нам представляется сомнительным.

В 1935 г. М.А. Рыбаков был принят в Союз советских писателей — одним из первых в Калининской области⁴⁴⁸. Затем следовали годы заочной учёбы в литературно-творческом институте Союза писателей СССР (ныне Литературный институт имени А.М. Горького), который Рыбаков оканчивает в 1940 г. В это время он живёт в Москве и преподаёт русский язык в средней школе.

⁴⁴⁶ Помозов Ю.Ф. Из глубин народных... С. 211, 212.

⁴⁴⁷ Кузнецова Г. Макар Рыбаков... С. 16.

⁴⁴⁸ Гречнев В. Макар Рыбаков // Нева. — 1960. № 2. — С. 186.

В 1941 г. Рыбаков отправляется на фронт и в 1942 г. демобилизуется по возрасту. Вернувшись в Кимры, работает ревизором по колхозам, преподаёт русский язык и литературу в Вечерней школе, откуда его, однако, увольняют. В разрозненных записях горно того периода хранится свидетельство, согласно которому Рыбаков освобождается от преподавания русского языка и литературы из-за несоответствия квалификационного уровня. Отметим, что на его место назначается Е.К. Пешехонов (первый кимрский критик, впоследствии — критик романов Рыбакова). М.А. Рыбаков возвращается к преподаванию бухгалтерского дела.

В течение четверти века книги Рыбакова не печатались, несмотря на рассылку рукописей в издательства. Вот каким его запечатлел П.П. Дудочкин, работавший в Кимрах в 1930-1940 гг.: «Я подружился с ним ещё до Отечественной войны, когда работал в Кимрской районной газете “Коллективная жизнь”. В редакцию он приходил почти всегда печальный, чем-то напоминая обиженного былинного героя — седовлас, в сапогах, в холщовой, расшитой васильками белой рубахе навыпуск, с плетёным шелковым поясом. Спросит кто-нибудь: “Как живётся?” Махнёт рукой: “И не спрашивай. Опять от ворот поворот”. Это значило, что опять — в который раз — рукописи возвращены из издательства с отрицательным ответом. Не знаю, удалось бы ему когда-нибудь напечатать свои романы в столице, если бы они сперва не были изданы в областном издательстве, созданном после войны»⁴⁴⁹. Слова Дудочкина не расходятся с нашими выводами о «локальной ограниченности» и вторичности — надо полагать, что исключительно по счастливой случайности была издана рыбаковская трилогия (а затем четвёртый роман).

При этом необходимо отметить, что книги Рыбакова были вполне приемлемого качества и соответствовали авторской установке — для

⁴⁴⁹ Дудочкин П.П. Макар из сапожного царства // Кимрский вестник. — 1991. 8 июня. — С. 3.

рабочих, вернувшихся домой после смены. В этом аспекте их, несомненно, можно назвать авторской удачей.

После издания книг на них стали появляться исключительно положительные рецензии (полагаем, из-за того, что описанное в них, включая оправданные сомнения, не расходится с господствующей идеологией). Приведём два примера.

«Нева»: «И совсем не часты подлинные удачи писателя, когда удаётся соблюсти самые нужные пропорции между художественным вымыслом и изображением исторически достоверного материала»⁴⁵⁰.

«Литературная Россия»: «Автобиография, конечно, уместилась в рамках книг, но масштабы романов шире автобиографии. Это самое главное. <...> То, что пишет Макар Андреевич Рыбаков, — почти не искусство в привычном понимании этого слова: здесь не автор воплощается в своего героя, а, напротив, герой воплощается в автора, впитывая в себя черты его индивидуальности»⁴⁵¹.

Впоследствии, когда имя М.А. Рыбакова приобрело большую известность (на сравнительно недолгий период — до момента смерти писателя), причастными к его литературному дебюту были названы два сотрудника Калининского книжного издательства. Дудочкин полагает, что решение опубликовать роман Рыбакова принял директор издательства А.В. Парфёнов: «“Читал?” — спросил он (Парфёнов. — В.К.) меня. <...> “Даже не один раз. Ещё в довоенную пору вместе читали-обсуждали”. Я признался, что такого искреннего повествования о сапожниках ещё не было в русской литературе. Надо отдать должное директору, он отложил в сторону все свои дела и за несколько дней, пока автор жил у меня, сам прочитал все три романа и обнадёжил: “Будем редактировать и издавать”»⁴⁵². Несколько иначе ситуацию преподносит Н.И. Мазурин в статье, посвящённой столетию М.А.

⁴⁵⁰ Гречнев В. Летопись трудных лет // Нева. — 1961. № 6. — С. 200.

⁴⁵¹ Кузнецова Г. Макар Рыбаков... С. 16.

⁴⁵² Дудочкин П.П. Макар из сапожного царства... С. 3.

Рыбакова, «Сердце волгаря»: «Долгое время рукописи лежали без движения и в существовавшем в те годы книжном издательстве. Возможно, на том бы всё и кончилось. Не попадись труды кимряка на глаза младшему редактору Елене Ковалёвой, обладавшей необыкновенным чутьём к художественному слову. Прочла она трилогию от корки до корки и восхитилась самобытностью написанного. Это и решило участь отложенных было в глухой ящик, выстраданных потом и кровью произведений Макара Андреевича»⁴⁵³. Полагаем, роль сыграли многие — начиная от А.М. Горького (с чьим именем Рыбаков ассоциировался в среде калининских писателей), П.П. Дудочкина, сотрудников Калининского книжного издательства и других, неизвестных нам, людей.

Первый роман М.А. Рыбакова «Пробуждение» был опубликован в 1958 г. (переиздан в 1962 г.). Добавим, что архитектурно романы (во всяком случае, первые) Рыбакова построены как сборники множества небольших рассказов, объединённых по хронологическому и сюжетному принципам — в романы вошли и рассказы, публиковавшиеся с 1920-х гг., когда, полагаем, писатель ещё не задумывался о романной форме.

Время действия книги — конец 1890-х гг. — начало XX века. В основе сюжета: взросление ребёнка, не способного ходить в первые годы жизни, осознание им необходимости преобразований в стране, участие в забастовках рабочих 1905 года и т.д.

В 1960 г. публикуется второй роман Рыбакова «Лихолетье». «Время, описанное в романе, — период мрачной реакции, наступившей после революции 1905 года (отсюда название — «Лихолетье»), а также годы империалистической войны и двух революций — Февральской и Октябрьской»⁴⁵⁴, — резюмировалось в «Неве». Очевидно взросление героя, сопровождавшееся выработкой активной жизненной позиции — в частности, он ратует за прекращение войны. Герой романа окунается в рабочую среду,

⁴⁵³ Мазурин Н.И. Сердце волгаря... С. 6.

⁴⁵⁴ Гречнев В. Летопись трудных лет... С. 201.

находит общий язык с рабочими, занимается самообразованием. Сюжетно и хронологически роман переходит в третью книгу «Бурелом» (1961) — революционного характера.

К 1961 г. Рыбаков достиг цели — создания (и издания) своей, вторичной по сути, но существенной для локального самосознания, трилогии. Это произошло, когда автору исполнилось 70 лет.

На этом Рыбаков не останавливается и пишет четвёртый роман «Первопуток» (М.: «Московский рабочий», 1966). Сюжетно писатель сосредотачивается на годах нэпа и доводит повествование до 1933 г. — встречи с Горьким. Основные вехи биографии соответствуют главам-рассказам романа. Журнал «Знамя» назвал роман Рыбакова книгой, приобретающей «силу документа»⁴⁵⁵.

В год выхода «Первопутка» М.А. Рыбакову исполнилось 75 лет. Юбилей писателя широко отмечался в городе и области. В Кимрах для торжеств был выделен зал драматического театра (принимающего городские мероприятия по исключительным случаям). 18 июня 1966 г. юбилейный вечер Рыбакова состоялся в Калининe, в библиотеке им. А.М. Горького.

Этому сопутствовало поздравительное письмо Б.Н. Полевого, одним из первых заметивших талант прозаика: «Дорогой Макар Андреевич! Не знаю, поспеет ли это письмо вовремя, но, помнится, говорили Вы мне, что в начале июня Вам исполняется 75 лет. От души поздравляю Вас, дорогой Макар Андреевич, с такой солидной датой, поздравляю и как земляк, и как собрат по профессии, и как старый, очень старый поклонник Вашего добротного реалистичного творчества. 75 лет — не шутка, но Вы подошли к дате этой в расцвете сил, в творческую пору, и если выстроишь Ваши книги, то кажется мне, что “Бурелом” — последняя книга трилогии — не ниже “Пробуждения”. Это здорово, очень здорово, Макар Андреевич!

⁴⁵⁵ Родичев Н. Рецензия: Рыбаков М.А. «Первопуток» // Знамя. — 1966. № 3. — С. 254.

Итак, поздравляю, обнимаю, пью за Ваше здоровье. Борис Полевой»⁴⁵⁶.

В 1967 г. М.А. Рыбаков награждается орденом Трудового Красного Знамени⁴⁵⁷, а годом спустя, в 1968 г., в издательстве «Советский писатель» 75-тысячным тиражом переиздаётся его трилогия. В аннотации Рыбакова называют «одним из старейших русских писателей»⁴⁵⁸.

К этому времени у М.А. Рыбакова обостряется затяжная болезнь. Ему трудно ходить, однако в моменты ослабления симптомов болезни он усердно работает над новым романом «Беспокойное время», посвящённом Великой Отечественной войне. Рукопись пятого романа к тому времени была завершена — ещё в 1962 г. планировалась публикация его глав в журнале «Нева», но этого не произошло.

В 1969 г., несмотря на ухудшение здоровья, Рыбаков находит силы не только встретиться, но и лично посетить делегацию калининских писателей и журналистов, устраивавших в Кимрах творческий вечер. Зная о его плохом самочувствии, они решили не тревожить писателя и ограничились телефонным звонком. Рыбаков, уточнив, в каком номере гостиницы остановились приехавшие, быстро завершил разговор и, спустя полчаса (согласно воспоминаниям) добрался до гостиницы. «Дверь распахнулась, и в её проёме показался Рыбаков. Разомлевший от поспешной ходьбы, улыбающийся, в глазах лучилась сама радость.

— Ишь как... Хотели отделаться от старика, а старик — вот он я... Здравствуйте, любезные мои друзья!»⁴⁵⁹

1 июля 1970 г. М.А. Рыбаков скончался. Тело писателя для церемонии прощания было выставлено в драматическом театре; похоронен он был на кимрском кладбище рядом с женой, Е.Н. Рыбаковой. В этом же году в память

⁴⁵⁶ Письмо Б.Н. Полевого из домашнего архива Рыбаковых было опубликовано в районной газете «Кимрский вестник»: *Полевой Б.Н.* Это здорово, это очень здорово // Кимрский вестник. — 1991. 8 июня. — С. 3.

⁴⁵⁷ *Талтанов И.* Писатель и время // Кимрская независимая газета. — 2005. 13 апреля. — С. 8-9.

⁴⁵⁸ *Рыбаков М.А.* Пробуждение. Лихолетье. Бурелом. — М.: Советский писатель, 1968. — С. 2.

⁴⁵⁹ *Мазурин Н.И.* Сердце волгаря... С. 6.

о земляке городские власти переименовали 1-й Крестьянский переулок в улицу Рыбакова.

Ни один из оставшихся неопубликованными текстов с тех пор не был издан; предыдущие романы не переиздавались.

Столетие М.А. Рыбакова отмечалось в стенах Кимрского краеведческого музея. Вечер, получивший название «Сердце волгаря», вели коллеги писателя, тверичи Парфёнов и Мазурин. В 2001 г., также в музее, отметили 110-летие М.А. Рыбакова. Сын писателя, Г.М. Рыбаков рассказывал об отце, память о котором иссякала даже среди кимряков.

Разумеется, творческое наследие М.А. Рыбакова не исчерпывается семью книгами. В Кимрском краеведческом музее хранятся рукописи неизданных пьес и повестей, недописанный роман. В частности, он работал над сказкой в стихах «Три соседа», однако уже в 2000-е гг. эта рукопись оказалась утраченной — по словам Г.М. Рыбакова её взял на ознакомление один из приезжих журналистов — и не вернул. Возможно, это к лучшему, поскольку поэтические опыты М.А. Рыбакова несостоятельны.

Пример Рыбакова укладывается в рамки концепции, описанной В.А. Кошелевым «О “литературной” провинции и литературной “провинциальности” нового времени»: «Провинциальная культура, в отличие от усадебной (в Кимрах её «представитель» — А.А. Голеницев-Кутузов. — В.К.), всегда строилась с неременной *оглядкой на столицу* (в случае «провинциального» Рыбакова — с оглядкой на «столичного» Горького. — В.К.) — и, соответственно, располагала, прежде всего, критерием «соотнесённости» со столичным уровнем...»⁴⁶⁰ Последнее также существенно. Сравнивая Кимры с Калининским и Москвой, — город, в котором живёт протагонист, минимум не уступает областному и столичному примерам. Соотнесение произведено. Собственное «новаторство» благодаря

⁴⁶⁰ Кошелев В.А. О «литературной» провинции и литературной «провинциальности» нового времени // Русская провинция: миф — текст — реальность. Сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян / Под ред. В.Н. Сажина. — М., СПб, 2000. — С. 50.

«оглядке» практически нивелируется. В отношении Рыбакова действует ещё один стереотип, отмеченный Кошелевым: «Наличие “малого”, “своего” счёта к конкретному деятелю культуры — тоже необходимая “провинциальная” деталь литературного быта. <...> С одной стороны он зависит от “большого, российского” счёта, координируя его и приспособляя к конкретной обстановке. С другой — зависит от принципа: “Плохонький, но свой” — и в отношении к “своим” снижает качественную “планку”»⁴⁶¹. По отношению к Рыбакову действуют оба «счёта»: отмеченность на всесоюзном уровне коррелируется с понижением планки «для своего». Отсюда миф о сапожнике-писателе. (В этом аспекте справедливо следующее: «под флёром эпигонства <...> распознаются именно местные черты»⁴⁶² — к этому же выводу пришли и мы в ходе исследования.) Добавим, что в случае С.И. Петрова оценка с позиции «счёта» не совсем действенна. Он скорее исключение — в связи с очевидным талантом, не успевшем получить объективное признание за границами Кимр. В отношении большинства других местных авторов стереотип представляется нам справедливым.

В январе 2009 г. автор исследования встретился Г.М. Рыбаковым, жившем в отеческом доме по адресу: г. Кимры, ул. Орджоникидзе, д. 28. Мы осмотрели кабинет писателя, ознакомились с множеством фотографий, книгами, подаренными М.А. Рыбакову коллегами и друзьями. Среди них — издания П.П. Дудочкина, Я.З. Шведова и др. Автографы — самые разнообразные, порой необычные: «Доброму, мудрому, чудесному деду Макару Рыбакову, богатырю русской прозы» (поэт А. Чистяков).

Г.М. Рыбаков рассказал о семье отца (эти сведения использованы нами в начале раздела), о писательском быте, творческих (в том числе домашних) встречах: «Сейчас писатели живут не так дружно. Раньше, бывало, постоянно приезжали, проходили тёплые дружеские встречи. А сейчас в писательской

⁴⁶¹ Там же.

⁴⁶² Там же. С. 51.

среде такого уже нет». Под конец встречи Г.М. Рыбаков предложил ознакомиться с подборкой публикаций об отце и приглашениями на юбилейные и творческие вечера М.А. Рыбакова в Калинин и Кимрах.

В настоящее время о М.А. Рыбакове в прессе вспоминают всё реже. Даже в Кимрах, где о писателе, по большому счёту, напоминают улица, названная его именем, и портрет в Центральной районной библиотеке. К сожалению, романы М.А. Рыбакова кимряками практически не востребованы. Публикации о М.А. Рыбакове в Кимрах редки и не систематичны. Имя Рыбакова забывается. На это обращают внимание не только кимрские краеведы, но и критики из областного центра. Так, в статье А.М. Бойникова «Белые пятна тверского краеведения», сделан упрёк краеведам в том, что они уделяют слишком мало внимания литературным фигурам тверской земли. В списке приведённых имён был и М.А. Рыбаков⁴⁶³.

Настоящее исследование — попытка вернуть из забвения имя писателя. Хотя бы в кимрском (возможно — в тверском) контексте.

2.5. Художественно-литературное пространство на пересечении гетеро- и автостереотипов

В начале главы мы говорили, что биографический компонент помогает переосмыслить локальный текст на уровне определения нюансов, позволяющих квалифицировать те или иные произведения как проявления гетеро- или автостереотипа. Наконец, добиться лучшего понимания контекста произведений, создав образ края, отразившийся во множестве текстов, более точным. Изучение локальных биографий крайне важно и для литературного краеведения, поскольку выделение только локального текста или только локального компонента биографии существенно ограничивает работу исследователя рамками конкретного дискурса — краеведческого или

⁴⁶³ Бойников А.М. «Белые пятна» тверского краеведения // Вече Твери. — 2008. 23 мая. — С. 18.

литературного. На наш взгляд, в подобных изысканиях необходимо пересечение взглядов, как в локальном тексте — позиций «извне» и «изнутри».

Понимание того, как именно связан автор текста с населённым пунктом (*что* он испытывал, находясь в его границах, в каких обстоятельствах это происходило и т.д.) важно и в аспекте пересечения географического и реального (тексты О.Э. Мандельштама, связанные с Кимрами, имеют — в числе прочего — строго определенный географический подтекст, они локационно целостны, тогда как тексты Б.А. Ахмадулиной локационно «искажены», поскольку написаны человеком, не бывавшем в Кимрах).

Во многих произведениях — а к локальным текстам это относится в особенности — мы можем констатировать проявление гибридного литературно-художественного пространства, отличающегося, однако, многими нюансами, которые и помогает прояснить биографический компонент. Парадоксально, но в стихотворениях Ахмадулиной создается эффект «огромности» Кимр, не случайно они названы «столицей сердца», что подтверждает тезис Д.Н. Замятина: «Гибридное художественно-географическое пространство очень сильно расширяется, возникает иллюзия его огромности, даже если место действия занимает в реальности небольшую территорию».⁴⁶⁴ Справедлив и обратный тезис, согласно которому гибридное художественно-географическое пространство может сужать представимую территорию локуса, искажать его, видоизменять, то есть задействовать художественную часть (от художественного переосмысления до выдумки) и географическую (также видоизменяемую). О географической составляющей в приведённом труде сказано следующее: «Географическое пространство, по-видимому, можно “разворачивать”, “сворачивать”, “искривлять” вполне сознательно, с целью получения определённых свойств и эффектов»⁴⁶⁵, что нам представляется справедливым. В произведениях М.А. Рыбакова вполне

⁴⁶⁴ Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // НЛО. — 2000. № 46. — С. 273.

⁴⁶⁵ Там же. С. 274.

прослеживается мотив «Кимры — центр мира», следовательно, географически (и, разумеется, художественно), автор находит этому множество подтверждений, видоизменяя в том числе и географическое пространство (достаточно вспомнить эпизод с описанием ярмарки).

«Помышление о Кимрах» Б.А. Ахмадулиной максимально сближает понятия гетеро- и автостереотипов, и мы неслучайно расположили раздел с комментарием к её стихам в начале главы. Дальнейшее объединение биографий в разделы происходит скорее по «типологическому» принципу, намечая дальнейшее накопление биографического материала о других писателях, также участвовавших в создании «кимрского текста».

Созданный в летние и осенние месяцы 1937 г. О.Э. Мандельштамом «савёловский цикл», дающий пример гетеростереотипа, изначально можно классифицировать и как столичный текст (хотя бы потому, что мысли поэта в тот период были заняты Е.Е. Поповой, москвичкой; к ней он обращался в большинстве стихотворений). Однако, изучив биографический компонент, мы видим в цикле и кимрские географические реалии (пейзажного характера), а также отмечаем в датировке стихотворений приписку «Савёлово», что позволяет нам соотнести данные стихотворения с «кимрским текстом». Более того, Савёлово становится литературной локацией, местом действия.

Научные труды М.М. Бахтина к «кимрскому тексту» отнести, разумеется, нельзя, однако некоторые элементы образа Кимр просматриваются в его письмах и записках (гетеростереотип); Кимры, конечно, отразились на работе Бахтина (и это непосредственно биографический компонент) — пребывание в городе замедлило научную работу учёного.

Локальное жизнеописание А.А. Фадеева важно, в первую очередь, в биографическом аспекте. «Кимрским» текстом Фадеева можно с большой долей условности назвать лишь его письмо землякам (гетеростереотип). Однако косвенно Фадеев влияет на «кимрский текст» созданием мифа —

возникшим вследствие неофициальных приездов писателя. Следует отметить, что кимрский по происхождению автор практически не является носителем автостереотипа (в письме он скорее имитирует духовное единение с малой родиной, оставаясь, конечно, столичным автором), тогда как С.И. Петров и М.А. Рыбаков — типично «местные» писатели (автостереотип), но — талантливые. В отношении Петрова констатируем, что ранняя смерть не позволила раскрыться его несомненному дарованию (его жизнь могла сложиться по совершенно иному сценарию, возможно, не связанному с провинцией и Кимрами); Рыбаков намеренно избрал путь «писателя из Кимр и для Кимр».

Кимрские мотивы у Петрова периферийны. На примере его жизнеописания и анализа ряда произведений мы реализовали одну из задач исследования — введения в оборот новых имён, значительных, в первую очередь, на региональном уровне.

Выбор Рыбакова, подражающего горьковской трилогии, тем более провинциальный, поскольку в своих романах он создавал, в первую очередь, автобиографию — в декорациях кимрского края. Его произведения (и их соотнесение с реальной историей Кимр) заслуживают, на наш взгляд, отдельного исследования.

В настоящей главе мы продемонстрировали несколько типов построения локальной биографии (в том числе и в географическом аспекте), каждый из которых может оказать существенное воздействие на формирование «кимрского текста».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационной работе выявлены и описаны особенности «кимрского текста» (от первых упоминаний до настоящего времени), а также исследованы локальные биографии писателей, связанных с Кимрами. Мы старались объединить краеведческий и литературный дискурсы. Это, на наш взгляд, наилучшим образом способствует точной идентификации локального текста в том случае, когда его признаки остаются нечетко обозначенными.

Основу «кимрского локального текста» в русской литературе составило художественное отражение торговой и производственной специфики Кимр (обувной промысел — своеобразный синоним города), а также создание психологических типов героев, связанных с промыслом. Кимрские константы, выделяемые нами в процессе описания «кимрских» текстов, отражены в таблице (см. Приложение): здесь представлены эти константы, а также слова и выражения, употребляемые для их обозначения в каждый временной период (дореволюционное время, советский период, новая Россия).

Одновременно отметим, что попытка идентификации «кимрского текста» помогает по-новому взглянуть на историю города и должна найти существенное применение в краеведении. Полагаем, что совокупность подходов (краеведческий и литературный) даст возможность дополнить и расширить представления о родном крае, лучше представить образ места, реконструировать принципы создания локально специфического повествования, в основе которого не летопись по хронологическому принципу, а нечто иное, более продуманное, связанное с особенностями творческого восприятия десятков и сотен людей, соприкоснувшихся с Кимрами и оставивших записи о городе: наблюдения, путевые заметки, стихотворения, прозу и т.д. «Кимрский текст» — попытка взглянуть на Кимры под другим углом, с другой точки зрения — через текст.

Вслед за В.Н. Топоровым скажем, что Кимры имеют свой «язык»⁴⁶⁶. Город живёт, а значит, обретает свой голос, свой текст. Рождаются и пропадают «легенды» — о «самой лучшей обуви», о «фальсификате кимрских обувщиков» и др. В художественном осмыслении восстают образы старых Кимр, в которых обувь — главный диагностический элемент.

Наше исследование «кимрского текста» опиралось на эмпирический материал. Мы описывали тексты жителей Кимр и гостей города, обращали внимание на редкие случаи, когда через Кимры — условно — говорила Москва и Россия (например, в текстах Н.Я. Мандельштам).

Ряд описаний близок друг другу, некоторые — едва ли не тождественны, и такие мы убрали из исследования, ограничиваясь перечислением авторов.

На протяжении работы нами прослеживалось взаимодействие текстов кимряков и авторов «извне». В дореволюционной России и в советское время для местных жителей Кимры — священны, это «центр мира», но процессы глобализации и НТР рушат эту позицию; авторы со стороны менее ангажированы, кто-то намеренно позитивно характеризует место (и остаётся в коллективной памяти «другом» города/села), кто-то критикует, объективно или пристрастно-однобоко — всё это сосуществует в одной системе координат. И положительные характеристики локуса, и отрицательные в совокупности позволяют говорить об условно объективном образе Кимр. Самый яркий пример в дореволюционных текстах — производство обуви. Ни одного упоминания о фальсификате в текстах местных авторов и — фиксация некачественного товара во многих текстов «извне». На пересечении этих позиций — реальное положение дел.

Обращаясь к составленной нами таблице (см. Приложение), отметим, что указанные константы помогают одновременно увидеть общее (образ города) и различное (отдельные его ключевые черты) — мифы, фактические

⁴⁶⁶ См.: «Как и всякий другой город, Петербург имеет свой “язык”». Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. — СПб.: Искусство-СПБ, 2003. — С. 22.

знания, автодокументальные свидетельства моделируют этот составной образ.

Подавляющее большинство текстов связано с обувной тематикой. Почему? Крепость сапога делает более крепкими, устойчивыми и сами Кимры — здесь можно вспомнить и «не исконно» кимрские товары (соль, хлеб и др.). Основательность производства, многовековые традиции — вот базисы кимрского бытования. Даже сейчас, когда слава кимрских обувщиков померкла, в сознании людей город определяется как «столица сапожного царства». «Столица» — означает центр, «царство» — рождает мифологему об уникальном кимрском сапоге, основе городского существования.

Если рассмотреть таблицу подробнее, то даже беглое знакомство с приведёнными в ней словами и выражениями помогает представить, с чем связано развитие образа места. До проведённого нами исследования это было практически невозможно, поскольку разнородные тексты с многообразием свидетельств (в одном тексте могли проявиться разные, выделенные нами, константы) не позволяли представить ситуацию в целом. Но в уникальном сочетании культурных констант и слов, образов, событий, проявляются в литературе Кимры, звучит их голос. Это их история. История изменяемая.

До составления таблицы трудно было выявить некоторые тенденции. Например, исконная обувная тема фигурирует в текстах, в основном, дореволюционного и советского времени, тогда как в новой России, в основном, появляются художественные свидетельства о былой славе местных обувщиков. Это не расходится с историческими свидетельствами.

Близость к столице становится ощутимо значимой для жителей села/города в начале XX века — с момента появления железнодорожных путей. Зачастую в источниках, исследуемых нами, встречаются повторы: «Савёлово», «Савёловский вокзал», «поезд» — их мы старались упоминать в таблице единожды.

Гордость реками, Волгой и Кимркой, как следует из таблицы, постепенно возрастает. Этому есть историческое обоснование — в 1934 г. к

Кимрам присоединился ряд деревень, и правобережье Волги, *вся река* стала кимрской; переправа осуществлялась уже не в соседнее село/деревню, а в другой район единого городского организма.

Эти же процессы повлияли на развитие микротопонимики; к зареченской (Вознесенской) части города прибавляются Чернигово, Красная горка, Крастуново, Савёлово — это, естественно, развивает и делает более разнообразными микротопонимические свидетельства.

Тема религии/православия, практически не возникавшая в художественных текстах в советское время, в произведениях, написанных в последние годы, появляется всё чаще и чаще. И если в дореволюционный период наиболее распространено было сравнение Покровского собора и столичного Успенского, то в XXI веке данная тема разработана намного существеннее (источники свидетельствуют и о дореволюционном времени, и о советском, и о настоящем: это и ретроспектива, и сравнения, и новые образы).

Упоминания о Кимрах как о царском селе, описания местных пожаров свойственны, скорее, дореволюционному времени. Словосочетание «царское село» означало, с одной стороны, приближенность к жизни Москвы и Петербурга, однако, с другой — напоминало и о зависимости. Выкуп села с исторической точки зрения стал едва ли не самым существенным событием в истории Кимр. Обращаясь к пожарам, отметим, что практически полностью выгоравшие Кимры раз за разом отстраивались — это говорило об экономическом потенциале села.

Свидетельства о Кимрах в годы Великой Отечественной войны присутствуют преимущественно в текстах советского времени. Но и в них просматриваются кимрские черты, как то: эвакуация оборудования обувных фабрик, работа надомниц, мобилизация сил для производства обуви (отличительная черта!) и др.

В настоящее время в публицистических (преимущественно) и художественных текстах всё чаще обращаются к негативному явлению,

связанному с Кимрами — наркомании; город в ряде СМИ приобрёл новый статус: «малой столицы наркомании». Очевидно, раскрытие этой темы в художественной литературе — дело будущего, единственное проявление на сегодняшний день (за исключением нескольких недостаточно убедительных стихотворений, созданных кимряками): рассказ А. Рыбина «Мой друг Владислав Кугельман»; его детальное рассмотрение позволяет констатировать появление нового образа «локального героя» — человека без настоящего.

Появление в произведениях описаний деревянного модерна Кимр — не только попытка зафиксировать (и сохранить, пусть даже в текстах) историческую застройку города, но и, не в последнюю очередь, едва ли не единственный повод для гордости в новое время.

В «петербургском тексте» В.Н. Топорова предполагается наличие «истории, исторического напряжения внутри мифа»⁴⁶⁷. Отчасти — но только отчасти — нечто подобное можно сказать и о Кимрах; в частности, если прочесть ряд слов и выражений, связанных с константой «наркомания и борьба с наркоманией», перед нами предстанет едва ли не весь спектр средств, применяемых борцами с наркотиками, но и — взгляд на ситуацию с позиции наркоманов.

Нетрудно проследить за изменениями в жизни города, духовным становлением его жителей. Если в дореволюционное время кимрян не беспокоила удалённость от Москвы, то в последние годы кимряки всё чаще ощущают свою незначительность (небольшой провинциальный городок). (Ещё один симптом XXI века — устойчивость ассоциации «Кимры»-«кикиморы» и пр. Много ли здесь уважения к родному краю?)

В конечном счёте, изучив таблицу, можно сделать однозначный вывод: реальная история Кимр может быть прочитана и через художественные тексты.

⁴⁶⁷ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М., 1995. — С. 260.

Но такого рода эмпирический анализ социальных явлений не позволяет создать завершённый образ. Для понимания структуры локального текста необходим обстоятельный анализ авто- и гетеростереотипов, опирающийся на исторические и биографические контексты.

История раз за разом утверждает удобную ей память, тогда как в динамике теряются *образ* места и — коллективная память. Если можно так выразиться, локальные тексты возвращают память истории. Таким образом, мы приближаемся к концепции мест памяти, выдвинутой Пьером Нора, который предположил, что места памяти — это места «в трёх смыслах слова — материальном, символическом и функциональном»⁴⁶⁸. При объединении *игры памяти* и *истории* формируются места памяти. Исследователь задаётся вопросом: «Можно ли назвать местом памяти столь абстрактное понятие, как поколение? Оно материально по своему демографическому содержанию, функционально в соответствии с нашей гипотезой, поскольку оно осуществляет одновременно кристаллизацию воспоминания и его передачу. Но оно и символично по определению, поскольку, благодаря событию или опыту, пережитому небольшим числом лиц, оно характеризует большинство, которое в нём не участвовало»⁴⁶⁹. Задумаемся, может ли *город* быть местом памяти? Попробуем вслед за учёным приложить к городу характеристики места памяти, как то сделано в примере с поколением. Итак: он материален по своему физическому содержанию (улицы, дома, деревья, люди и т.д.), функционален в соответствии с концепцией места памяти, поскольку осуществляет одновременно кристаллизацию памяти и её передачу. И, наконец, символичен по определению, поскольку благодаря событиям и опыту живущих в нём поколений (и своему опыту — города), он

⁴⁶⁸ Нора П. Проблематика мест памяти / Франция-память. — СПб.: издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. — С. 39.

⁴⁶⁹ Там же.

характеризует большинство (и материальное, и не материальное), которое не было его частью. Получается, город — место памяти.

Вывод о том, что и локальный (в нашем случае «кимрский») текст — место памяти, можно сделать на основании следующей цитаты: «Разве всякий великий исторический труд и всякий исторический жанр не являются по определению местами памяти? Разве великое событие и само понятие события — не являются ли и они по определению местами памяти?»⁴⁷⁰. И ещё: «Только те книги по истории являются местами памяти, основу которых составляет переработка памяти...»⁴⁷¹ Разве многовековую жизнь города, его образ нельзя назвать великими, учитывая множество событий, с ними связанными, судеб, текстов? И пусть это будет локальное величие, в его основе — переработка памяти, нанизанной на спираль истории. Происходит соединение дискурсов, создание образа — локального текста. Места памяти. Объединяя реальные исторические события, биографии его жителей и тексты — средоточия памяти — мы получаем место памяти.

В этом аспекте работа над выявлением локального текста ставит перед исследователем новые задачи — помимо сбора и описания источников, необходимо знание истории места (проникновение в краеведческий дискурс) и — включение в состав исследования биографического компонента. Это мы и пытались проделать в нашей работе. И — приблизились к реализации задачи, поставленной А.Ю. Сорочаном в книге «Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы»: «На основе анализа обширного материала следует раскрывать не историю места, а историю образа места»⁴⁷².

То есть: необходимо сдвигаться от краеведческого дискурса в сторону литературно-краеведческого, что большинством краеведов игнорируется. Однако текстуализация пространства, захватывающая в настоящее время всё новые регионы страны, должна способствовать выправлению ситуации и

⁴⁷⁰ Там же. С. 43.

⁴⁷¹ Там же.

⁴⁷² Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы... С. 6.

концентрации внимания именно на образе места (при этом отметим, что история места сама по себе — важна, но если она становится самоцелью — обедняется представлением о локусе). Важный нюанс: образ места наилучшим образом отражает потребности региона, тогда как история места фиксирует исключительно событийный ряд.

Объединение анализа текстов с биографическим и историческим контекстами позволяет избавиться от их замкнутой самоцельности и рассматривать «кимрский текст» в более многомерном пространстве. И он «оживает», как обретают новые черты биографические разделы и исторические экскурсы. Только в совокупности рассмотренные части складываются в единую, демонстрируя *образ* Кимр. Наибольшая сложность в нашей работе заключалась в том, что нами впервые в отечественной практике был разносторонне рассмотрен крайне незначительный локус — бывшее село, ставшее городом в 1917 г. и насчитывающее к моменту исследования менее 50 000 человек населения. Очевидно, что определение кимрских констант было в известном смысле условным, поскольку весь корпус текстов оказался сравнительно небольшим — первейшими нашими задачами значилось собрать и описать максимальное число репрезентативных текстов, связанных с Кимрами.

В ходе исследовательской работы нами было существенно расширено количество источников, так или иначе соотносящихся с образом места. В частности, совершенно не охваченной оставалась в предшествующих сводах «афганская» тематика, тогда как она дополняет характеристики ключевой кимрской константы — обувного производства. Впервые было сделано соотнесение словесных рядов источников разных периодов (например, текстов А.Н. Островского и И.М. Михайлова), что наглядно демонстрируется в таблице и периодически в ходе исследования. Мы обращали внимание на формирование «кимрского текста» «извне» (гетеростереотип) и «изнутри» (автостереотип), наиболее отчетливо продемонстрировав совпадения и сходства отражений Кимр в последних разделах I главы.

Также нами выполнена третья задача — введение в культурный контекст значимых биографий писателей, связанных с Кимрами. Это сделано на примерах локальных биографий А.А. Фадеева, Б.А. Ахмадулиной, О.Э. Мандельштама, М.М. Бахтина, С.И. Петрова и М.А. Рыбакова. В случае с биографиями Мандельштама, Бахтина и Петрова нами зафиксированы новые свидетельства об их пребывании в Кимрах. При обращении к биографии Мандельштама была исправлена распространённая ошибка, называющая местом летне-осеннего пребывания поэта в 1937 г. посёлок Савёлово. На самом деле, территория, на которой располагалось Савёлово, в 1934 г. вошла в состав г. Кимры. Отметим, что наше исправление принято мандельштамоведением — так, в новой книге П.М. Нерлера «Слово и “дело” Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений» вместо Савёлова указывается г. Кимры — со ссылкой на нашу работу⁴⁷³. (Вместе с этим мы отдаёт себе отчёт, что данное исправление — географическое, тогда как существует и литературная локация его последнего цикла — Савёлово.) Также нами исправлен ряд неточностей, проявившихся в «Воспоминаниях» Н.Я. Мандельштам, расширены и дополнены сведения о пребывании поэта в Кимрах. В случае с биографическим компонентом Б.А. Ахмадулиной (построенном на воспоминаниях жителей Кимр, общавшихся с поэтом), нами впервые составлен комментарий к «Помышлениям о Кимрах», который должен помочь последующим толкователям и литературоведам в понимании историко-событийного контекста цикла «Глубокий обморок». В каждом биографическом разделе нашей задачей значилось не только описание уже имеющихся сведений, но и привнесение новых — так, удалось восстановить историю создания портрета А.А. Фадеева в Кимрах; записав воспоминания сына М.А. Рыбакова, дополнить кимрское «рыбаковедение» и т.д.

⁴⁷³ *Нерлер П.М.* Слово и «дело» Осипа Мандельштама. Книга доносов, допросов и обвинительных заключений. — М.: Петровский парк, 2010. — 84 с.

Четвёртой задачей нашей работы было открытие новых, но значительных для Кимр и «кимрского текста» имён, что было реализовано на примере биографии С.И. Петрова, впервые сформированной именно в ходе настоящего исследования (ранее публиковались разрозненные и несистемные материалы, не отражавшие основные вехи пути поэта). Отчасти введение новых имён в кимрский контекст было реализовано и в I главе — при выявлении и описании источников. Это: Приволжский, Л.М., Ласточка, Волгарь, Женька Крючек, С.М. Графов, Л.И. Ошанин, П.И. Железнов, М. Альтшулер (нами была обнаружена публикация Ошанина, Железнова и Альтшулера в подшивке кимрской районной газеты), К. Воронов, А. Иванов, А.Г. Боровик и др.; в подшивках отысканы неизвестные публикации П.П. Дудочкина, М.И. Божаткина и др.

В большинстве случаев произведения местных авторов (провинция литературная) соответствуют месту жизни их создателей (провинция географическая). Об этом говорится, например, в статье В.А. Кошелева «О “литературной” провинции и литературной “провинциальности”, нового времени»⁴⁷⁴, вследствие чего — и вторичности, и «домашности»⁴⁷⁵ — детальный литературоведческий анализ их текстов представляется непродуктивным. (Анализируются только те произведения, которые необходимы для целей исследования.) В совокупности они предстают как «своя семья» (живущие в своём пространстве и по своим, в том числе литературным, законам): «Этот феномен “пёстро́го” и внутренне противоречивого единения разных людей — деталь только русская и только провинциальная»⁴⁷⁶. В определённом смысле это соотносимо и с локальным текстом, являющимся феноменом «пёстро́го» и внутренне противоречивого единения разных, но не людей, — текстов.

⁴⁷⁴ Кошелев В.А. О «литературной» провинции и литературной «провинциальности» нового времени // Русская провинция: миф — текст — реальность. Сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян / Под ред. В.Н. Сажина. — М., СПб, 2000. — С. 37-55.

⁴⁷⁵ Там же. С. 49.

⁴⁷⁶ Там же. С. 47.

В книге «Петербург и “Петербургский текст русской литературы”» В.Н. Топоров отмечает: «Петербург Петербургского текста ещё и у ч и т е л е н, и он как раз и учит, что распад, хлябь и тлен требуют от нас духа творческой инициативы, гения организации...»⁴⁷⁷ Полагаем, тезис об «учительности» может быть отнесён ко всем локальным текстам, поскольку, познавая населённый пункт, выявляя его образ, исследователь *учится* у него, и эта учёба — совершенно иных масштабов, нежели учёба на человеческих ошибках и поведенческих шаблонах. Образ — одушевляет и в известном смысле «очеловечивает». И, как каждая «биография», в нашем случае, духа, — учит.

Образ города определяет особенности текста — черты, возникающие в них. В отношении Кимр — это обувь и, как следствие, прочность, спокойное движение, защита от трясины (болота), уверенность; основа прочности бытия.

Кто создаёт «кимрский текст» и, уже: в чьих текстах проявляется константа, связанная с обувным производством? В работах писателей разного ряда — от известных в пределах кимрского края (Л.И. Куляндрова, А.С. Столяров и др.) и области (О.П. Ситнова, М.А. Рыбаков и др.), до страны (Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, В.А. Гиляровский и др.) и мира (Т. Готье, А.П. Чехов и др.). Разумеется, с одной стороны, «кимрская литература» отражает особенности развития литературы и жизни в целом, но есть и своеобразные вещи. Обувной промысел — из этого ряда.

Художественное осмысление места в отрыве от художника (автора), на наш взгляд, неполноценно. Как несостоятельна и разработка одной биографической составляющей: «Краеведы, обращаясь к биографии писателя, собственно литературной части не касаются вовсе, либо решительно отделяют биографию от творчества»⁴⁷⁸. На наш взгляд, литературная часть и биографический элемент должны изучаться

⁴⁷⁷ Топоров В.Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы...» С. 66.

⁴⁷⁸ Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы... С. 10.

одновременно — параллельно или методом взаимопроникновения, — дополняя друг друга и — оживляя образ места. А.Ю. Сорочан обращает внимание на «пропасть между краеведением и литературой»⁴⁷⁹. По итогам данного исследования, после долгой краеведческой работы, можно сказать, что эта пропасть — преодолима.

⁴⁷⁹ Там же.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. Адах-ий. О подмигиваниях // Кимрская жизнь. — 1925. — 19 дек. — С. 3.
2. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссиею. Том первый. 1294–1598. — СПб.: В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836. — 532 с.
3. Алигер М.И. Погодой морозной и вьюжной... — Режим доступа: <http://www.history.tver.ru/sr/Неро2/КАV.htm>.
4. Андреев Г. Мы жили тогда на планете другой (Савёлово послевоенное). — Кимры: Кимрская типография, 2003. — 96 с.
5. Аннинский Л.А. Кимрогения // Коркунов В.В. «Савёловский период» в судьбах русской литературы. — Кимры: Кимрская типография, 2012. — С. 3-5.
6. Аннинский Л.А. Кимрогимния // Информпространство. — 2014. — № 1. — С. 81-84.
7. Артур (рубеж V-VI веков н.э.): «Король в прошлом и король в грядущем». — Режим доступа: <http://www-free-info.narod.ru/index/0-66>.
8. Асомский О. Так, как оно есть // Кимрская жизнь. — 1926. — 7 июля. — С. 3.
9. Ахмадулина Б.А. Влечёт меня старинный слог. — М.: Эксмо, 2007. — 528 с.
10. Ахмадулина Б.А. Озябший гиацинт. — М.: Астрель, 2008. — 288 с.
11. Ахмадулина Б.А. Предисловие к статье В.В. Коркунова «Пароходик с петухами». О пребывании Осипа Мандельштама в Кимрах // Знамя. — 2009. — № 2. — С. 153.

12. Бару М.В. Кольчуга из щучьей чешуи. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/volga/2010/3/ba6.html>.
13. Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 4 (1) / Под ред. И.Л. Поповой. — М.: Языки славянских культур, 2008. — 1120 с.
14. Бахтин М.М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 5. / Под ред. С.Г. Бочарова, Л.А. Гоготишвили. — М.: Русские словари, 1997. — 732 с.
15. <Без названия> // За коммунистический труд. — 1971. — 25 дек. — С. 3.
16. Безчинский А.Я. Путеводитель по Волге. — М.: Типо-литография Товарищества «Кушнарёв и К^о», 1903. — 374 с.
17. Белов В.И. Хроника тех ещё времён. — М.: Кимрская типография, 2005. — 340 с.
18. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. — М.: Прогресс, 1996. — 342 с.
19. Бобров А. Белая дорога // Литературная гостиная прилож. к газ. «Кимрская общественная газета» — 2014. — № 2. — С. 2.
20. Божаткин М.И. Привет из Красной Армии // Коллективная жизнь. — 1943. — 24 июня. — С. 2.
21. Бойко Б.Л., Борисов А. «Афганский» лексикон. — Режим доступа: <http://lib.rus.ec/b/186240/read>.
22. Борисов В.В. Мелодии сердец, звучащих в унисон. Песни и романсы. — Кимры: Кимрская типография, 2005. — 64 с.
23. Боровик А.Г. Афганистан. Ещё раз про войну. — М.: Международные отношения, 1990. — 256 с.
24. Бувайло М.В. С.П.У.М.С. // Город Кимры в художественной литературе и публицистике / Сост. Л.Н. Скаковская, А.М. Бойников. — Тверь: Элитон, 2012. — С. 131.
25. В.К. День учителя // НГ Ex libris: прилож. к газ. «Независимая газета». — 2011. — 1 дек. — С. 3.
26. Венявский С. Наркотики превратили жителей городка Кимры в «живых мертвецов». — Режим доступа: <http://ria.ru/ocherki/20100927/279643564.html>.

27. Вознесенский А.А. Избранное. — М.: Эксмо, 2006. — 384 с.
28. Волгарь Кузнецы // Бюллетень — 1920. — 5 февр. — С. 4.
29. Воронов К. Провожала сына мать // Коллективная жизнь. — 1941. — 9 авг. — С. 4.
30. Воронов К. Артиллеристу // Коллективная жизнь. — 1941. — 13 авг. — С. 2.
31. Где-то в городе... / Под ред. В.В. Коркунова. — Кимры: Кимрская типография, 2007. — С. 4.
32. Генеральное соображение по Тверской губернии, извлечённое из подробного топографического и камерального по городам и уездам описания 1783-1784 г. — Тверь: Типография Губернской Земской Управы, 1873. — 163 с.
33. Герштейн Э.Г. Мемуары. — СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. — 528 с.
34. Гречнев В. Летопись трудных лет // Нева. — 1961. — № 6. — С. 200, 201.
35. Гречнев В. Макар Рыбаков // Нева. — 1960. — № 2. — С. 186, 187.
36. Гиляровский В.А. «Волга». Новейший путеводитель. — Казань: Лито-Типография И.Н. Харитонова, 1908. — 96 с.
37. Гиляровский В.А. Москва и москвичи. Очерки московского быта. — М.: Советский писатель, 1935. — 394 с.
38. Голенищев-Кутузов А. А. Стихотворения. — Режим доступа: http://az.lib.ru/g/golenishewkutuzow_a_a/text_0020.shtml.
39. Готье Т. Путешествие в Россию. — М.: Мысль, 1988. — 398 с.
40. Графов С.М. Золотая пора // Кимрская жизнь. — 1927. — 3 авг. — С. 3.
41. Два Сыся // Кимрская жизнь. — 1926. — 31 июля. — С. 2.
42. Демьянов Г.П. Иллюстрированный путеводитель по Волге 1898 г. (от Твери до Астрахани) // Город Кимры в художественной литературе и публицистике / Сост. Л.Н. Скаковская, А.М. Бойников. — Тверь: Элитон, 2012. — С. 42.
43. Дудочкин П.П. Её судьба. Роман, рассказы, сказки, зарисовки. — М.: Московский рабочий, 1971. — 328 с.

44. Дудочкин П.П. «Здравствуй, солнце!» // За коммунистический труд. — 1984. — 22 дек. — С. 4.
45. Дудочкин П.П. Макар из сапожного царства // Кимрский вестник. — 1991. — 8 июня. — С. 3.
46. Дудочкин П.П. Надомница // Коллективная жизнь. — 1942. — 18 окт. — С. 2.
47. Дудочкин П.П. Самый страшный случай // Коллективная жизнь. — 1942. — 20 мая. — С. 2.
48. Дудочкин П.П. Сила чувства (из дневника писателя) // Смена (Калинин). — 1981. — 22 дек. — С. 7.
49. Ежков Н.М. Молотьба машиной // Кимрская жизнь. — 1927. — 18 июня. — С. 3.
50. Ефремов Д.Г. История картины А. Саврасова // Город Кимры в художественной литературе и публицистике / Сост. Л.Н. Скаковская, А.М. Бойников. — Тверь: Элитон, 2012. — С. 100-102.
51. Ефремов П.В. А.И. Солженицын в Кимрах // Дружба. — 1996. — 12 сент. — С. 2.
52. Ефремов П.В. Может быть, кому-то известно? // За коммунистический труд. — 1990. — 11 дек. — С. 4.
53. Ефремов П.В. Поиск продолжается // За коммунистический труд. — 1991. — 12 мар. — С. 4.
54. Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама / Отв. ред. О.Г. Ласунский. — Воронеж, 1990. — 544 с.
55. З[абели]н А.И. Корчева и Кимра // Город Кимры в художественной литературе и публицистике / Сост. Л.Н. Скаковская, А.М. Бойников. — Тверь: Элитон, 2012. — С. 18-20.
56. Завьялова А.Р. Кимры // Кимры сегодня. — 2004. — 1 июня. — С. 7.
57. Замков К.Г. Мой город // Где-то в городе... / Под ред. В.В. Коркунова. — Кимры: Кимрская типография, 2007. — С. 63.

58. Замков К.Г. Падеж скота и «Красный петух» — бич крестьян // Кимрская жизнь. — 1925. — 28 ноя. — С. 3.
59. Зеленов Ф.М. Высочайшее посещение села Кимры // Тверские епархиальные ведомости. — 1892. — № 13. — С. 281-283. — (Часть неофициальная.)
60. Иванов А. Великий день // Коллективная жизнь. — 1945. — 13 мая. — С. 1.
61. Иванов А. «Знамёна Победы над Родиной реют...» // Коллективная жизнь. — 1945. — 20 июля. — С. 2.
62. Иванов В. На перекрёстках Афганской войны. — Режим доступа: http://www.afganvo.ru/per_afgan_war/gl1.htm.
63. Калитин В. Игра в Антея. — Режим доступа: <http://www.stihi.ru/2007/12/10/1627>.
64. Карасёв Ю.В. Вечер // Где-то в городе... / Под ред. В.В. Коркунова. — Кимры: Кимрская типография, 2007. — С. 24.
65. Кимры — малая столица наркомании. — Режим доступа: <http://kimry.net/kimry-malaya-stolitsa-narkomafii-pochemu>.
66. Коркунов В.В. Весенняя песня Сергея Петрова // Афанасий биржа. — 2010. — 1-7 апр. — С. 11.
67. Коркунов В.В. «Город Кимры в художественной литературе и публицистике» // Дети Ра. — 2012. — № 12. — С. 102-104.
68. Коркунов В.В. Люди кимрского края. — Кимры, 2014. — 184 с.
69. Коркунов В.В. Михаил Бахтин: «Савёловский период» // Кимрский вестник. — 2009. — 28 мая. — С. 3.
70. Коркунов В.В. «Не совсем ведь я ушёл...» Пропавший голос Сергея Петрова // Обретённый голос. Под ред. В.В. Коркунова. — М.: изд-во журнала «Юность», 2011. — С. 3-13.
71. Коркунов В.В. Олег Лавров: «Мандельштам — одна из ярких фигур мировой культуры и литературы» // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Поговорим обо всём». — 2009. — № 5-6. — С. 3.

72. Коркунов В.В. Осип Манделъштам в Кимрах // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Поговорим обо всём». — 2008. — № 8. — С. 2.
73. Коркунов В.В. «Пароходик с петухами». О пребывании Осипа Манделъштама в Кимрах // Знамя. — 2009. № 2. — С. 153-158.
74. Коркунов В.В. «Савёловский период» в судьбах русской литературы. — Кимры: Кимрская типография, 2012. — 64 с.
75. Коркунов В.В. Стихи о больничной одинокости. «Глубокий обморок» Беллы Ахмадулиной // Осиянное слово. — 2011. № 2. — С. 103-108.
76. Коркунов В.В. «Столица сердца» Беллы Ахмадулиной. Кимрский след в творчестве поэта // Знамя. — 2011. № 9. — С. 199-209.
77. Коркунов В.И. «В песни всё я сердце расточил, / В песни всю печаль раскапал» // Кимрская жизнь. — 1994. — Апр. — С. 4.
78. Коркунов В.И., Коркунов В.В. Кимрская старина 4. — Кимры: Кимрская типография, 2006. — 76 с.
79. Коркунов В.И., Коркунов В.В. Кимрская старина 7. — Кимры: Кимрская типография, 2012. — 80 с.
80. Коркунов В.И., Коркунов В.В. Страницы истории кимрского края. — Тверь: Марина, 2008. — 336 с.
81. Костров В.А. Действительный случай // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2014. — № 2. — С. 2.
82. Кравченко В.Ф. Книга реки // Знамя. — 2008. — № 6. — С. 55-112.
83. Кр. Ж. Красивее не станешь // Трибуна молодёжи: прилож. к газ. «Кимрская жизнь». — 1925. — 7 окт. — С. 3.
84. Крюкова Г.И. Познавший славу и хулу // Кимрский вестник. — 2001. — 29 ноя. — С. 3.
85. Кудленков В. Дважды в нашем городе // Народный депутат. — 1991. — 28 дек. — С. 4.
86. Кузнецова Г. Макар Рыбаков // Литературная Россия. — 1966. — 3 июня. — С. 16.

87. Куляндрова Л.И. «Я возвращаюсь в малый городок...» // Где-то в городе... / Под ред. В.В. Коркунова. — Кимры: Кимрская типография, 2007. — С. 72.
88. Кутенков Б.О. Кимрское // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Поговорим обо всём». — 2009. — № 2-3. — С. 3.
89. Кутенков Б.О. «Как сквозной персонаж изнурительно длительной повести...» // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Поговорим обо всём». — 2010. — № 5. — С. 1.
90. Л.М. Мы верим в грядущее счастье // Бюллетень. — 1920. — 4 янв. — С. 4.
91. Ласточка Свободные ласточки // Бюллетень. — 1920. — 5 февр. — С. 4.
92. Лебедев Н.Г. Быт крестьян Тверской губернии Тверского уезда. — СПб, 1853. — 30 с.
93. Лебедев Н.Г. Статистико-этнографическое описание села Кимры. — Кимры: Кимрская типография, 1993. — 72 с.
94. Лендер Н. Н. Волга. Очерки и картины. С картой Поволжья. — СПб.: Типография А.С. Суворина, 1889. — 292 с.
95. Ленин В.И. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. — М.: Гос. изд-во полит. лит., 1953. — 584 с.
96. Леонтьев Я.В. Калязинская хрестоматия. — М., 2002. — 84 с.
97. Литературный сборник. — Кимры: Издание газеты «Коллективная жизнь», 1935. — 64 с.
98. Лизин С.В. Как нежен свет в листве берёз. — Кимры: Кимрская типография, 2009. — 188 с.
99. ЛОИИ. Оп. 1. № 165.
100. Лядский Т.С. Записки из лётного планшета // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2014. — № 2. — С. 2.
101. Лямин М.А. Четыре года в шинелях // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2014. — № 2. — С. 1.

102. Мазурин. Н.И. Сердце волгара // Тверская жизнь. — 1991. — 8 июня. — С. 6.
103. Максименко Ю.Г. «Много разных селений я видывал...» // Где-то в городе... / Под ред. В.В. Коркунова. — Кимры: Кимрская типография, 2007. — С. 43.
104. Максимов С.В. Куль хлеба и его похождения. — СПб.: издание книгопродавца К.Н. Плотникова, 1873. — 297 с.
105. Малюгин М.В. Записки купца Малюгина. — Кимры: Кимрская типография, 1993. — 72 с.
106. Мандельштам Н.Я. Воспоминания. — М.: Вагриус, 2006. — 448 с.
107. Мандельштам Н.Я. Воспоминания. — Paris: YMCA-PRESS, 1982. — 430 с.
108. Мандельштам О.Э. «И ты, Москва, сестра моя, легка...» / Сост. П.М. Нерлер. — М.: Московский рабочий, 1990. — 560 с.
109. Манина М. Город на Волге // Город Кимры в художественной литературе и публицистике / Сост. Л.Н. Скаковская, А.М. Бойников. — Тверь: Элитон, 2012. — С. 75-77.
110. Манулов В. «Сохрани мою речь...» // Литературные известия. — 2012. — № 6. — С. 1.
111. Маслов С.А. Заметки во время поездки по Волге от Твери до Костромы. — М.: В Университетской Типографии, 1859. — 30 с.
112. Менкова Е. Частушки // Коллективная жизнь. — 1945. — 29 июля. — С. 2.
113. Михайлов И.М. Кимры // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2012. — № 9. — С. 2.
114. Михайлов И.М. Письма из недалёка. — М.: Художественная литература, 2011. — 160 с.
115. Москвич Г.Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Волге. — Одесса: Типография Л. Нитче, 1905. — 563 с.
116. Не забудьте! // Кимрская жизнь. — 1926. — 9 окт. — С. 6.

117. Нейдгардт П.П. Путеводитель по Волге / Город Кимры в художественной литературе и публицистике / Сост. Л.Н. Скаковская, А.М. Бойников. — Тверь: Элитон, 2012. — С. 17, 18.
118. Некрасов Н.А. Кому на Руси жить хорошо. — М.: Детская литература, 1966. — 286 с.
119. Нерлер П.М. «С гурьбой и гуртом»: Хроника последнего года жизни О.Э. Мандельштама. — М.: Радикс, 1994. — 112 с.
120. Несмелов А.И. Без Москвы, без России. — М.: Московский рабочий, 1990. — 462 с.
121. Никитин А. Встреча в Кимрах // За коммунистический труд. — 1971. — 23 дек. — С. 2.
122. Огнёв А.В. Александр Александрович Фадеев // Литературное краеведение XX века. Уч. пос. / Под ред. А.М. Бойникова. — Тверь: Твер. гос. ун-т, 2008. — С. 106-116.
123. Орешкин П.Н. Поэты-кимряки // Коллективная жизнь. — 1952. — 1 июня. — С.3.
124. Островский А.Н. Письмо Н.А. Дубровскому // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2014. — № 3. — С. 1.
125. Островский А.Н. Полное собрание сочинений. Т. XIII. — М.: Гослитиздат, 1952. — 403 с.
126. Ошанин Л.И., Железнов П.И., Альтшулер М. В кустарном гнезде // Коллективная жизнь. — 1940. — 8 мая. — С. 4.
127. Очерки и рассказы И.Т. Кокорева. Часть II. — М.: В Университетской Типографии, 1858. — 396 с.
128. Палионис В.А. Кимры — город мой // Когда приходит вдохновение. — Кимры: Кимрская типография, 1998. — С. 111.
129. Панфёров Ф.И. Борьба за мир. — М.: Советский писатель, 1952. — 588 с.
130. Петров С.И. Враг будет бит // Обретённый голос / Под ред. В.В. Коркунова. — М.: изд-во журнала «Юность», 2011. — С. 14.

131. Петров С.И. «Стихи — это между прочим...» // Литературный сборник. — Кимры: Издание газеты «Коллективная жизнь», 1935. — С. 52.
132. Пешехонов Е.К. Первый блин комом // Кимрская жизнь. — 1927. — 25 мая. — С. 4.
133. Пешехонов Е.К. Уважайте детей! // Кимрская жизнь. — 1927. — 25 июня. — С. 3.
134. Подъячев С.П. Моя жизнь. Книга вторая. — М.-Л.: Гос. изд-во худ. лит., 1931. — 120 с.
135. Покровский В.И. Село Кимры. Статистическое описание 1871 г. — Кимры: Кимрская типография, 2001. — 48 с.
136. Полевой Б.Н. Сапоги // За коммунистический труд. — 1977. — 15 янв. — С. 3.
137. Полевой Б.Н. Это здорово, это очень здорово // Кимрский вестник. — 1991. — 8 июня. — С. 3.
138. Полевой П.Н. Художественная Россия. Общедоступное описание Отечества. Том первый. — СПб.: Типография С. Добродеева, 1884. — 403 с.
139. Полубота А.В. Деревянная симфония Кимр. — Режим доступа: <http://svpressa.ru/travel/article/54316>.
140. Полубота А.В. Деревянный модерн и православие в Кимрах // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2013. — № 4. — С. 2.
141. Полубота А.В. Путь к исцелению // Литературная газета. — 2007. — 19-25 дек. — С. 14.
142. Поляков Ю.М. Замыслил я побег. — М.: Молодая гвардия, 2000. — 480 с.
143. Поляков Ю.М. Грибной царь. — М.: Астрель: АСТ, 2008. — 480 с.
144. Помозов Ю.Ф. Из глубин народных // Нева. — 1959. — № 12. — С. 211, 212.

145. Помозов Ю.Ф. Течёт Волга... Повествование в трёх книгах. — Л.: Лениздат, 1969. — 688 с.
146. Пономарёва Е.Н., Строганов М.В. О пребывании М.М. Бахтина в Калининской области // М.М. Бахтин: проблемы научного наследия. Межвузовский сборник научных трудов. — Саранск: изд-во Мордовского ун-та, 1992. — С. 145-149.
147. Предсмертное письмо А.А. Фадеева в ЦК КПСС. 13 мая 1956 г. // Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 10. — С. 147-151.
148. Приволжский Книга // Бюллетень. — 1920. — 7 февр. — С. 3.
149. Пришвин М.М. Башмаки. Исследование журналиста. — М.-Л.: Гос. изд-во, 1925. — 88 с.
150. Родичев Н. Рецензия: Рыбаков М.А. «Первопуток» // Знамя. — 1966. — № 3. — С. 254.
151. РГАЛИ. Ф. 2440 Оп. 1 Ед. хр. 61 Л. 166.
152. Рыбаков А.Н. Тяжёлый песок. — М.: Советский писатель, 1979. — 304 с.
153. Рыбаков М.А. Индия // Где-то в городе... / Под ред. В.В. Коркунова. — Кимры: Кимрская типография, 2007. — С. 64-66.
154. Рыбаков М.А. Первопуток. — М.: Московский рабочий, 1966. — 182 с.
155. Рыбаков М.А. Пробуждение Лихолетье. Бурелом. — М.: Советский писатель, 1968. — 712 с.
156. Рыбин А. Разложенные города // Сибирские огни. — 2010. — № 8. — С. 66-71.
157. Рыжова А.С. Озарённые луной. — Кимры: Тверские ведомости, 1997. — 132 с.
158. Рулькова Е.П. В дар библиотеке // Калининская правда. — 1988. — 31 янв. — С. 4.
159. Салтыков-Щедрин М.Е. Благонамеренные речи. — М.: Правда, 1984. — 640 с.
160. Салтыков-Щедрин М.Е. Сатирические романы и сказки. — М.: Московский рабочий, 1987. — 510 с.

161. Сапожник М. «Индия» (из прошлого) // Коллективная жизнь. — 1929. — Окт. — С. 3.
162. Сегодня // Кимрская жизнь. — 1926. — 25 сент. — С. 4.
163. Семёнова М.В., Разумовский Ф.В. Ошибка «2012». Игра нипочём. — СПб.: Азбука-классика, 2009. — 320 с.
164. Сидоров В.М. По России // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2014. № 3. — С. 2.
165. Синёв А. Ответ врагу // Коллективная жизнь. — 1941. — 15 июля. — С. 2.
166. Ситнова О.П. Построить замок не решилась. — Кимры: Кимрская типография, 2013. — 240 с.
167. Словецкий В. Кимры вновь становятся наркоманской столицей центральной России. — Режим доступа: <http://svpressa.ru/all/article/37831>.
168. Смирнова О. Дорогой образ // За коммунистический труд. — 1971. — 23 дек. — С. 2.
169. Смирнов Д.И. Недопетая песня // Тверская жизнь. — 2011. — 31 мар. — С. 5.
170. Смирнов Д.И. Пока бьётся сердце. В гостях у Макара Рыбакова // Смена. — 1969. — 18 окт. — С. 8.
171. Соколов-Митрич Д. В. Табор уходит в кайф. — Режим доступа: <http://izvestia.ru/news/309507#ixzz2gHS5PMfb>.
172. Соловьёв И.М. Белый городок // Где-то в городе... / Под ред. В.В. Коркунова. — Кимры: Кимрская типография, 2007. — С. 68.
173. Соловьёва В.В. «...Ветхий облупившийся фасад...» // Где-то в городе... / Под ред. В.В. Коркунова. — Кимры: Кимрская типография, 2007. — С. 69.
174. Солженицын А.И. Россия в обвале. — М.: Русский путь, 1998. — 208 с.
175. Солженицын А.И. Тверские города // Литературная газета. — 2006. — 21-27 июня. — С. 8.

176. Сопровский А.А. Дневник. — Режим доступа: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2010/12/so9.html.
177. Старицкий муниципальный архив. Ф. 210. Ед. Хр. 66.
178. Старшинова Л.О. «Где-то в городе старом, маленьком...» // Где-то в городе... / Под ред. В.В. Коркунова. — Кимры: Кимрская типография, 2007. — С. 71.
179. Столяров А.С. Летопись событий с. Кимры Тверской губернии. I. С октября 1905 года по февраль 1906 г. — М.: Типография К. Л. Меньшова, 1906. — 30 с.
180. Столяров А.С. Село Кимра // На светлый праздник. — СПб.: Типография Муллер и Богельман, 1895. — С. 127-138.
181. Столяров А.С. Село Кимры и его обитатели. В царстве обуви. — Кимры: Кимрская типография, 1992. — 88 с.
182. Стрельцов В. Кимры 2010: история уничтожения молодёжи и гибели города. — Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2010/09/24.kimry2010_istoriya_unichtozheniya_molodezhi_i_gibeli_goroda.
183. Счётчиков К.И. Корчевская старина. Вып. 5. — М., 2003. — С. 51-57.
184. Субботин А.П. Волга и волгари. Т. 1. — СПб.: Тип. В. Демакова, 1894. — 160 с.
185. Тарапыгин Ф.А. Волга-матушка. — Пг.: типография Т-ва А.С. Суворина — «Новое время», 1914. — 304 с.
186. Татищев В.Н. Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской. Часть III. — СПб.: В Типографии Горного Училища, 1793. — 218 с.
187. Титов С.В. Тот, кто встречает рассвет. — Кимры: Кимрская типография, 2003. — 32 с.
188. Токмаков В.Ф. Силовое поле доброты. Стихи разных лет. — Кимры: Кимрская типография, 2005. — 256 с.
189. Трифонов Ю.В. Из дневников и рабочих тетрадей // Дружба народов. — 1999. — № 1. — С. 81-114.

190. Толстой А.Н. Пётр Первый. — М.: Советская Россия. — 592 с.
191. Тюменев И.Ф. От Ржева до Углича: путевые наброски // Исторический вестник. — 1896. — Т. LXIV. — № 4. — С. 187-214.
192. Фадеев А.А. Письма и документы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства. — М. Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2001. — 360 с.
193. Федотова О.В. «Когда на сердце боль, тревога...» // Где-то в городе... / Под ред. В.В. Коркунова. — Кимры: Кимрская типография, 2007. — С. 56.
194. Фролов И.П. Уголок нашего города // Когда приходит вдохновенье. — Кимры: Кимрская типография, 1998. — С. 195.
195. Чалмаев В.А. А.А. Фадеев // Русская литература XX века. 11 класс. Учебник для общеобразовательных учреждений. В двух частях. Ч. 1. / Под ред. В.П. Журавлёва. — М.: Просвещение, 2007. — С. 329-335.
196. Чехов А.П. Моя жизнь. Рассказ провинциала. — Берлин: Изд-во И.П. Ладыжниковой, 1921. — 136 с.
197. Шанли Я. Никогда я не был на Босфоре. — Режим доступа: http://stihiya.org/work_36104.html?answer=13702.
198. Шареев Н.И. В Клетинском бору // Когда приходит вдохновенье. — Кимры: Кимрская типография, 1998. — С. 211.
199. Шареев Н.И. В последний день // Когда приходит вдохновенье. — Кимры: Кимрская типография, 1998. — С. 212, 213.
200. Шаров В.А. Мне ли не пожалеть // Знамя. — 1995. № 12. — С. 84-120.
201. Шаров В.А. Будьте как дети // Знамя. — 2008. № 2. — С. 56-102.
202. Шевырёв С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни профессора С. Шевырёва в 1847 году. В двух частях. Часть вторая. — М.: В Университетской типографии, 1850. — 138 с.
203. Швейцер В.А. Мандельштам после Воронежа // Вопросы литературы. — 1990. — № 4. — С. 235-253.

204. Штемпель Н.Е. Автобиография // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама / Отв. ред. О.Г. Ласунский. — Воронеж, 1990. — С. 529-538.
205. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. — М.: Советский писатель, 1961. — 636 с.
206. Юренев С.Н. Кимрский резчик по дереву Абаляев. — Калинин: Калининское обл. лит. изд-во, 1940. — 38 с.

Научная литература

207. Абашев В.В. Пермский текст в русской культуре и литературе XX века: дис. ... докт. филол. наук: 10.01.01. — Екатеринбург: Уральский гос. ун-т им. А.М. Горького, 2000. — 447 с.
208. Абашев В.В. Пермь как текст. — Пермь: изд-во Пермского ун-та, 2000. — 404 с.
209. Абашев В.В. Пермь как центр мира // НЛЮ. — 2000. № 46. — С. 275-287.
210. Архив Мордовского университета им. Н.П. Огарева. Ф. 2. Оп. 1. Д. 34.
211. Ахметова М.В., Лурье М.Л. Материалы бологовских экспедиций 2004 года. — Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/ahmetovalurie2.htm>.
212. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / Сост. С.Г. Бочаров. — М.: Искусство, 1986. — 445 с.
213. Бойников А.М. «Белые пятна» тверского краеведения // Вече Твери. — 2008. — 23 мая. — С. 18.
214. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М.: «Новое литературное обозрение», 1996. — 352 с.
215. Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты / Ответ. ред. Л.О. Зайонц. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 672 с.

216. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. — М.: Айрис-пресс, 2008. — 448 с.
217. Дуардович И.Э. «Живущий несравним». О воронежском и савёловском периодах творчества Осипа Мандельштама // Литературная учёба. — 2013. — № 2. — С. 194-201.
218. Дутли Р. Век мой, зверь мой. Осип Мандельштам: Биография. — СПб.: Академический проект, 2005. — 432 с.
219. Жебраускас А.Л. Понятие культурных констант и поиски ориентиров постсовременности // Известия Российского государственного педагогического ун-та. — 2006. — № 20. — С. 19-21.
220. Замятин Д.Н. Феноменология географических образов // Новое литературное обозрение. — 2000. — № 46. — С. 255-274.
221. Звягинцева М.М. Константы региональной культуры // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного ун-та. — 2007. — № 2. — Режим доступа: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/sa29.pdf>.
222. Кашинская писцовая книга 1628-1629 / Сост. В.П. Покудин. — Кимры: Кимрская типография, 2006. — 224 с.
223. Конкина Л.С. «У мира есть смысл...» Филолог и мыслитель XX века М.М. Бахтин // Литература в школе. — 2004. — № 8. — С. 19-22.
224. Коркунова М.П. От «Якоря» до «Красной звезды». — Кимры: Кимрская типография, 1997. — 40 с.
225. Коркунов В.И. Имена в истории кимрского края. — Тверь: Марина, 2009. — 60 с.
226. Коркунов В.И. Кимрский край. — Кимры: Кимрская типография, 1998. — 72 с.
227. Коркунов В.И. Кимрский Преображенский собор. Сто лет служения Богу. — Тверь: изд-во М. Батасовой, 2011. — 104 с.
228. Коркунов В.И. Кимрская Вознесенская церковь: 1813—2013. — Тверь: изд-во М. Батасовой, 2013. — 98 с.

229. Коркунов В.И. Кимрский Покровский собор. — Тверь: изд-во М. Батасовой, 2013. — 64 с.
230. Коркунов В.И. Страницы истории кимрского края. Книга вторая. — Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2010. — 344 с.
231. Коркунов В.И. Это было, было... — Тверь: Марина, 2009. — 116 с.
232. Кошелев В.А. О «литературной» провинции и литературной «провинциальности» нового времени // Русская провинция: миф — текст — реальность / Сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян / Под ред. В.Н. Сажина. — М., СПб, 2000. — С. 37-55.
233. Крюкова Г.И. Кимры. Путеводитель. — Тула, 2012. — 48 с.;
234. Крюков Ю.В. Кимры и кимряки. — Кимры: Кимрская типография, 1992. — 96 с.
235. Крюков Ю.В. Туполев. Возвращение в Пустомазово. — Кимры: Кимрская типография, 2008. — 128 с.
236. Кудинов Н.С. Кимрская земля. — Тверь: ГЕРС, 2007. — 284 с.;
237. Купина Н.А., Битенская Г.В. Сверхтекст и его разновидности // Человек. Текст. Культура. — Екатеринбург, 1994. — С. 214-233.
238. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. — М., 1992. — 270 с.
239. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. — М.: Языки русской культуры, 1996. — 447 с.
240. Лотман Ю.М. Семиосфера. — СПб.: Искусство-СПб., 2000. — 704 с.
241. Лурье М.Л. Элементы локального текста: методика контекстного анализа. — Режим доступа: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls10_program_lurye.htm.
242. Люсый А.П. Крымский текст в русской литературе. — СПб.: Алетейя, 2003. — 314 с.
243. Люсый А.П. Московский текст: Текстологическая концепция русской культуры — М.: Вече: Русский импульс, 2013. — 320 с.

244. Мандельштам Н.Я. Комментарии к стихам 1930-1937 гг. // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама / Отв. ред. О.Г. Ласунский. — Воронеж, 1990. — С. 189-312.
245. Милюкова Е.В. Челябинск: окно в Азию или край обратной перспективы // Русская провинция: миф — текст — реальность / Сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян / Под ред. В.Н. Сажина. — М., СПб, 2000. — С. 347-361.
246. Михаил Бахтин: «Pro et contra». Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. I. / Сост. К.Г. Исупов. — СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 2001. — 551 с.
247. Нерлер П.М. Слово и «дело» Осипа Мандельштама. Книга допросов, допросов и обвинительных заключений. — М.: Петровский парк, 2010. — 224 с.
248. Нерлер П.М. Con amore: этюды о Мандельштаме. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 856 с.
249. Нора П. Проблематика мест памяти / Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. — СПб.: изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. — С. 17-50.
250. Орешкин П.Н. Скульптор Абалаяев // Родной край. — Вып. 8. — Калинин: Книжное изд-во, 1956. — С. 336-344.
251. Паньков Н.А. Вопросы биографии и научного творчества М.М. Бахтина. — М.: МГУ, 2010. — 720 с.
252. Писатель из народа. К 30-летию творческой деятельности М.А. Рыбакова // Калининская правда. — 1958. — 26 сентября. — С. 7.
253. Пономарёва Е.Н., Строганов М.В. Страницы истории // За коммунистический труд. — 1990. — 1 мая. — С. 4.
254. Релина Е.А. От составителя // Малюгин М.В. Записки купца Малюгина. — Кимры: Кимрская типография, 1993. — С. 3, 4.
255. Сорочан А.Ю. Тверской край в литературе: образ региона и региональные образы. — Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2010. — 172 с.

256. Строганов М.В. Рецензия: Люсьи А.П. «Крымский текст в русской литературе» // НЛО — 2003. — № 64. — С. 380-382.
257. Суханов А.З. Бывшие владельцы села Кимры XVI-XIX вв. — Кимры: Кимрская типография, 1997. — 80 с.
258. Талтанов И. Писатель и время // Кимрская независимая газета. — 2005. — 13 апр. — С. 8-9.
259. Прокофьева В.Ю. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы // Вестник Оренбургского государственного ун-та. — 2005. — № 11. — С. 87-94.
260. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического: Избранное. — М.: Изд. группа «Прогресс-Культура», 1995. — 624 с.
261. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы. — СПб.: Искусство-СПб, 2003. — 617 с.
262. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / Отв. Ред. Т. В. Цивьян. — М.: НАУКА, 1983. — С. 227-284.
263. Фрейдин Ю.Л. Долгая память столиц и провинций (заметки о «локальных циклах» и хронотопе О. Манделъштама) // Русская провинция: миф — текст — реальность / Сост. А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян / Под ред. В.Н. Сажина. — М., СПб, 2000. — С. 257-259.
264. Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. Теория языка. — М.: Флинта: Наука, 2006. — 528 с.
265. Шмид В. Что такое “ПТ”? // Существует ли петербургский текст?: Петербургский сборник. — Вып. 4 / Под ред. В.М. Марковича и В. Шмида. — СПб., 2005. — С. 3-12.
266. Штемпель Н.Е. Манделъштам в Воронеже. Воспоминания. — М., 1992. — 145 с.
267. Clark K., Holquist M. Mikhail Bahtin. — Cambridge; L., 1984. — 414 p.

Справочные издания

268. Александр Фадеев // Русская литература. — М.: РОСМЭН, 2008. — С. 286-287. — (Современная школьная энциклопедия).
269. Алексеева И.А. Сапоги-сапожки // Кимрский вестник. — 1995. — 5 янв. — С. 3.
270. Большая советская энциклопедия: В 30 т. — М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
271. Боровикова Е.Н. Что читать о Кимрах? // Кимрский вестник. — 1996. — 20 июня. — С. 3.
272. Коркунов В.И. Кимры в литературе // Кимрский вестник. — 1993. — 1 июля. — С. 2.
273. Коркунов В.И. Сквозь годы // За коммунистический труд. — 1988. — 22 сент. — С. 3.
274. Литературный энциклопедический словарь / Под ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. — М.: Советская энциклопедия, 1987. — 752 с.
275. Макар Андреевич Рыбаков // Калининские писатели / Сост. Н.А. Фадеева. — Калинин: Калининское книжное изд-во, 1964. — С. 90-93.
276. Орешкин П.Н. Кимры в литературе // Коллективная жизнь. — 1962. — 18 мар. — С. 3.
277. Полвека назад // За коммунистический труд. — 1984. — 18 авг. — С. 3.
278. Рыбаков Макар Андреевич // Калининские писатели. Библиографический указатель / Сост. И.М. Лукьянова, Н.И. Мазурин. — Калинин: Московский рабочий, 1988. — С. 106-108.
279. Словарь литературоведческих терминов. / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. — М.: Просвещение, 1974. — 509 с.
280. Тверские памятные даты 2014 / Сост. Л.В. Пазюк, Н.В. Романова. — Тверь: ТО «Книжный клуб», 2013. — 248 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица слов и выражений, связанных с основными культурными константами кимрского текста

В нижеследующей таблице мы сгруппировали слова, употребляемые в текстах, связанных с Кимрами, выделив ряд констант: сапожный промысел; ярмарки и торговля; приближенность к столице и железнодорожный вокзал; Волга, Кимрка, переправы, рыбная ловля; микротопонимика (районы города и Кимрский район); православие; царское село; пожары; наркомания и борьба с наркоманией; деревянный модерн; Великая Отечественная война; прочее (добавлено для фиксирования отдельных описаний и образов — каждый из которых впоследствии может быть разработан до выделения в отдельную группу). Периодизация таблицы соответствует исследованию: дореволюционное время, советский период и новая Россия. Выражения, связанные с местными диалектами и фольклорными особенностями Кимр не нашли в ней отражения — они сгруппированы в соответствующем разделе Приложения. Зачастую в источниках одного периода приводятся свидетельства о *прошлом* — это и исторические экскурсии, и описания достопримечательностей, и воспоминания и т.д. В таких случаях мы пользовались специальным символом (*), оговаривая, что подразумевается под ним. Преимущественно, в таблице присутствуют слова и выражения из текстов, рассмотренных в основной части исследования. Поскольку некоторые употребляемые слова и выражения касались сразу нескольких констант (например, микротопонимики и приближенности к столице), мы заносили выражения или в обе группы, или в одну, руководствуясь собственным чувством уместности и необходимости.

Констан- та	Дореволюцион- ный период	Советское время	Новая Россия
<p>Сапож- ный промысел</p>	<p>Сапожники, нужны сапоги = кимряк, сапожники = кимряки, русская обувь, сапоги, подкованные сапоги, большие сапоги, кожи, башмаки, галоши, главный промысел, богатство и довольство, сапожное мастерство, выделка кож, цветные опойки (опоек — тонкая кожа, выделанная из шкур молодых телят), славится сапогами, сапоги для Москвы и Петербурга, халтура, два дня поносишь, на</p>	<p>Грубая обувь*, бумажные подмётки*, недорогие*, страдали*, надуть*, подошва отстала*, бумага торчит*, малое вознаграждение*, внешняя отделка*, лубок [вместо кожи]*, сдирка, картон*, обувь для армии [русско-турецкая война]*, изделия прекрасного качества*, не неумение, а плохие условия производства*, выставка в Москве (отмеченные * — воспоминания и свидетельства о XIX веке),</p>	<p>Колодка, стелька, задник, крючок, шило, заготовка, каблук, рант, токмачик, щучки, дратва, щетина, сапожники*, самый знатный народ [одновременно с купцами]*, обували российскую армию*, обували армию с допетровских времён*, обували армию с былинных времён*, сапожное дело*, обувь [развозилась] по всей Руси*, прославились [Кимры] как «сапожная столица»*, кимрские сапоги*, в кимрских сапогах отшагивали русские солдаты при всех императорах*, крепкая обувь для петровских солдат*, кимрские сапожники*, архитекторы [о</p>

	<p>третий чини, новая обувь, башмачки козловые, первейший сорт, добывают пропитание сапогами, роскошные сапожки, известны сапогами, Бастьен купил пару прекрасных сапог (вероятно, в Кимрах), завалены лавки и магазины [кимрской обувью], щегольская обувь, обувь на несколько дней, блестящие сапоги, обувь для парадных случаев, необычайно дешёвая, блестящая обувь,</p>	<p>шпандырь, липка, шмухты, гладилка, заготовка, обсоюзка, илёнка, Макар Сапожник, железная нога, насаженная на деревяшку, мелкие гвоздочки, молоток, быстро подбил подмётку, запахи кожи, чиликает ножик, молоточный гром, руки, корявящиеся в дратве, стуканье молотков и подошв, обувные корпуса, большие кирпичные трубы, дым, машинный нож, кислый дым цехов, сапожный центр, кимрское стадо, кимрский район</p>	<p>сапожниках]*, проектировали и строили обувь [о сапожниках]*, мастерство обувщиков* (отмеченное * — о дореволюционном времени), городок- сапожник, две-три освещённые обувные витрины, бывшая обувная столица, чудом сохранившаяся обувь [об экспозиции музея], был столицей дважды [обувной и деревянного модерна], офицерский сапог позапрошлого века, ладный башмачок, сшей башмачок</p>
--	---	--	--

<p>душная комната, шилльце, щетинка, вред для здоровья, сгорбленные, бледные, худые, после тяжкой болезни [сапожники], шилльники, значительные капиталы, сапог в заминке, громадное количество сапогов, сапог остановился, сапожники старинные, извечные, кроме сапога нет занятия, сапогом промышляют, природное место [для сапога], широкая известность по всей России, сапоги на русскую армию,</p>	<p>сапожников, бедность типа обуви, неуклюжий сапожник, всё, что нужно для производства сапога, хорошие колодки, замечательные колодки, колодки необычайной крепости, колодки, которыми можно размозжить голову, кожи — первый сорт, подмёточки соковые, подмёточки высшего класса, художник сапожного дела Киселёв, сапожник, известный посетителям Парижской и Нью-Йоркской</p>	
---	--	--

	<p>кимряк Потапенко [снабжал обувью в русско- турецкой войну 1877-78 гг.], каменные корпуса, кожевенный завод [владелец Потапенко], центр промысла, сельские кустари, кустари, знаменитое промышленное село, сапожничество, обувало всю русскую армию [уже в 1812 г.], изделия более 15000 кустарей [стекаются в Кимры], кимрский обувной рынок, главный обувной рынок России, первое место в</p>	<p>выставок [о Киселёве], коренные сапожники, кимрские промысловые артели, жажда к знаниям сапожников, фабрика «Красная звезда», фабрика «Стахановец», эвакуация, восстановить производство, родное производство, мастера сапожных дел**, потомственные сапожники**, обували армию Кутузова**, международные выставки** (отмеченные ** — о прошлом Кимр), сапожницы, «заготовщицы»,</p>	
--	--	--	--

	<p>России [по производству обуви], казна, дамские тёплые плисовые сапоги на шлёнке, полсвета, городская обувь невысокого достоинства, кимряки зимой чеботари, кимряки- сапожники, шилце в руках, щётинка в зубах, лапти [вместо сапогов — речь о халтуре], сапоги даже из глины, кимрские сапожки*, обрядные сапожки*, нарядные сапожки* (отмеченные * — иронично), береги сапог от воды, сапог кимрский,</p>	<p>фабрика, слава на всю Россию***, замечательные мастера кустарного производства обуви***, знаменитые, но незаметные [кустари]*** (отмеченное *** — о начале XX века), коллективная мастерская, по десять в ряд за верстаком, на низеньких кадушках [сидят], яловочная кожа, крепкий рабочий сапог, башмаки делать****, бить [арго] неделю****, летом дышали [кустари]****, зимой задыхались [кустари]**** (отмеченное ****</p>	
--	---	--	--

	<p>сапоги — политурка, штукатурка, сахарная бумажка и мучной глянец в подмётке</p>	<p>— о начале XX века), городок искони обувной, город обувной, город за конвейером, шьёт туфли с затейливым узором, гордо держит марку, обувное предприятие, «кимры» [синоним слова «кроссовки»], дадут фору любым «адидасам», новенькие «кимры», фантастическая износостойкость, лучшая в мире обувь, цены нет [«кимрам»], лёгкие, как пушинка, очень удобно сидят на ноге</p>	
--	---	---	--

<p>Ярмарки, торговля</p>	<p>Соль, беспошлинная торговля, ярмарки на Кимре и по селом, таможня, сбор пошлин, поддельные и подлинные царские грамоты, кимряне, шёлк, бумажные товары, хлеб, лес, деревянная посуда, лошади, жеребята, ярмарка 1 октября, купечество, портные, сапожники, ремесленники, торговля и промыслы, еженедельные (субботние) базары, две ежегодные значительные ярмарки, торговое</p>	<p>Пёстрый базар, базар как лоскутное одеяло, ларьки с проволокой, ларьки с гвоздями, ларьки с варом, ларьки с дратвой, ларьки с осколками бытового оконного стекла, кооперация, рынок, Петровская трёхдневная ярмарка*, со всей России и из других государств [приезжали на ярмарку]*, балаган [на ярмарке]*, выступление кукол*, одежда*, ситец*, кошельки*, зонты*, шляпы*, изюм*, дули</p>	<p>Купцы-удальцы*, самый знатный народ [одновременно с сапожниками]*, Россия шла и плыла сюда*, кимрские купцы*, дородные купчихи* (отмеченное * — о дореволюционном времени)</p>
---------------------------------	--	--	---

	<p>село, базар, сапогом промышляют</p>	<p>(небольшие груши)*, чернослив*, бумажные фонарики*, китайская торговка* (отмеченное * — о дореволюционно й ярмарке, начало XX века), базар возле памятника «царю-освободи- телю»**, купцы**, скупщики- мешочники** (отмеченное ** — о начале XX века), ягоды***, молоко***, крупа***, чайная на базарной площади*** (отмеченное *** — о пристанционном базаре)</p>	

<p>Прибли- женность к столице, ж/д вокзал</p>		<p>Паровозы, пересвистка разбойная, Савёлово, поезд, ближайшая пристань к Москве, воза, тянущиеся к станции, черномазый поезд, вокзал, к вокзалу пройти [сойдя с катера, от причала], конечная станция Савёловской дороги, из Савёлова в Москву, привокзальный продмаг</p>	<p>Савёловский вокзал, Савёлово, станция Савёлово, из Химок в Кимры [водный путь]*, поездом до Савёлова* (отмеченное * — о советском времени), железнодорожные пути</p>
<p>Волга, Кимрка, перепра- вы, рыб- ная ловля</p>	<p>Единственный рыболов, стерлядь, набережная, пароходная пристань, паром, переправа, в Кимре ловят рыбу</p>	<p>Кимерка, Волга быстрая, Волги коса, савёловский берег, пароход, катер, эвакуация по Волге, катер речной, волжская вода, улицы омываются</p>	<p>Кимора, Кимрка, Киморка, Кимерка, красивые пейзажи по Волге, левый крутой берег, отчая Волга, просторы отчей Волги, плывут теплоходы, через Волгу в саночках, волжские Кимры,</p>

		<p>волжской водой, звонка [Волга], чиста [Волга], речь, как Волга, мост как вышка, невозможность налюбоваться рекою, чудная природа на берегу Волги, Кимры на Волге, высокий берег Волги [о Савёлове], переправа [осложняющая поездки в Москву]</p>	<p>величая Волга, речка Кимрка, левый берег Волги [об ошибочном месторасположении Кимр], река Кимерка, переправа водою [от станции Савёлово на левобережье], съезд к Кимерке, не благостны закаты над Волгой, поёт волна Волги [Кимрам], великая река, из Химок в Кимры [водный путь]*, слоистый туман над Волгой*, маленькая [другая] пристань*, катер*, катером в Кимры* (отмеченное * — о советском времени), мост через Волгу, раньше не было [моста], Волга верхняя, Волга не шире Оки [в районе Кимр], примерзшая к гранитному берегу Волга, Кимрка впадает в Волгу, приволжский городок, переправлялись, степенность Волги, на</p>
--	--	---	---

			два берега реки [город], катерки — снующие возницы, длинный мост, красавица река, высокий волжский берег, кимрские берега, живописные кимрские берега
Микро- топонимика (районы города и Кимрский район)	Зарецкий поп, зарецкий пономарь, заречная часть села, заречная часть, за рекою [Кимркой], сапожник*, рыболов*, Вознесенская церковь* (отмеченные * — о Зареченской стороне)	Зарецкая сторона, Савёлово, село Савёлово, савёловский берег, невозможность работы в Савёлове, отвратительное существование в Савёлове, Ильинская промартель, Губин-угол, Горицы, Малышково, Белый Городок, Шевелёвское болото, Борковский аэродром, Красная горка, за	Зареченская церковь, Зарека, Заречье, Вознесенская церковь, Кимрка, Савёлово, работали на заводе [жители Савёлова], Чернигово, Кофтырь, Савёловский вокзал, савёловское паломничество*, вбирали Дубну* (отмеченное * — о советском времени), дух городища, Графская гора, Красная горка, ускользающий след Красной горки, станция Савёлово, общежитие*, небольшой прогон на пути к проезду на завод*, завод поглотил деревню [Крастуново]*,

		<p>мостиком через овраг [путь на Красную горку], берёзовая роща [в Красной горке], Большая Медведица, каменный посад [о Белом Городке], Клетинский бор, савёловская дорога, маленький посёлок [о Савёлове], высокий берег Волги [о Савёлове], чахлый лес [на савёловской стороне], посёлок с двумя или тремя улицами*, добротные дома*, дома со старинными наличниками и воротами*, жители работали</p>	<p>улица в двенадцать фонарей, медвежья шерсть тумана, тёмные дома, тени снов, одноэтажки, старый свет одноэтажек, погасшие фонари, озон, ливень (отмеченное * — о Савёлове), деревушка Крастуново**, до железнодорожных путей**, вишнёвые сады**, куры**, яйца** (отмеченное ** — о Крастунове), беличье обличье облаков [прибывших от Савёлова], город Савёлов, зареченская церковь, сторона Старого Савёлова, кимрское Савёлово</p>
--	--	---	--

		<p>на заводе*, жители кормились рыбой*, жители торговали рыбой*, жители вылавливали спускаемый по реке лес* (отмеченное * — о Савёлове и его жителях), савёловские лужи, из Савёлова в Москву</p>	
Право- славие	<p>Богатое село, Покровский храм похож на Успенский храм, три церкви каменные, колокольня и большая, как собор, пятиглавая церковь [Покровский собор], собор в Кимре лучше [чем в Корчеве],</p>	<p>Одна голова церкви, четыре соборные головы, кимрский дьякон [в Китае]</p>	<p>Люто сгинет праведник, урод и хам взорвёт Покровский храм, разодетая в парчу [Вознесенская церковь], церковь на взгорке [Вознесенская церковь], Вознесенская церковь, украли колокола [из Вознесенской церкви], городок-прихожанин, двигался [в Кимры] паломник из дальних стран (отмеченное * — о</p>

	<p>Покровский собор, храм Святой Троицы, архитектура, грандиозность [о Покровском соборе и храме Святой Троицы]</p>	<p>дореволюционном времени), безгрешный град, обречённый грехам**, урод и хам взорвёт Покровский храм**, сгинет праведник*, кладбищенская [Скорбященская] церковь**, церковь «Всех скорбящих радость»**, собор взрывали**, собор-гордость [Покровский собор]**, Покровский собор**, Троицкая церковь** (отмеченное ** — о советском времени) танцплощадка и горпарк [на месте церкви и кладбища], ларёк с гостинцем ядовитой смеси [на месте церкви и кладбища], топочущие [люди] на дедовских гробах [на месте церкви и кладбища], проклятье и возмездье [за танцы на церковном кладбище], в</p>
--	---	---

			стенах перестроенного кафедрального собора [ошибочно о театре], силуэт зареченской церкви
Царское село	Графиня Самойлова, государственное имущество, 4 тысячи душ, образ Чудотворца Николая (в честь выкупа), великий князь наследник	Баба-кимрянка	Помещицьи владения*, выкупились на волю с землёй*, цари бывали* (отмеченное * — о дореволюционном времени), посещаем со времён Петра царями и великими князьями
Пожары	Пылающая Кимра, огонь в окнах колокольни, скорбь, горевание вслух, моление, сильный дождь, слёзы, огонь уменьшался, необыкновенный ливень, искры, Кимра пылала, сгорело 600 домов (осталось 30-40), истреблено почти		Сплошной пожар 1807 года* (отмеченное * — о дореволюционном времени)

	<p>всё село, осталось только две церкви, сгорело 15000 рублей серебром [у одного старика]</p>		
<p>Наркома- ния/ борьба с наркома- нией</p>			<p>Малая столица наркомании, «прославился торговлей наркотиками, рост наркоманов, гибнет молодёжь, дети кололись, цыгане, пересажают на иглу [цыгане], торговля наркотиками у храма, гражданское мужество, журналисты, репортаж, эфир, заместитель генерального прокурора России, полетели головы, Межрайонный отдел наркоконтроля, съёмочные группы центральных телеканалов, цыганский табор, ОМОН, цыгане бежали, цыган Эдуард, отец Элизбар, героиновая столица</p>

			Центральной России, «зелёная игла» [электричка из Москвы], последний вагон электрички [вагон наркоманов], торчки, дешёвый героин, Голливуд, цыганский посёлок, судачила вся страна [об о. Элизбаре], дьякон Элизбар, «героиновая чума», священник Преображенского собора, протоиерей Андрей Лазарев, местные и федеральные СМИ, удалось переломить, активная подвижническая деятельность, местная общественная организация «За нравственное возрождение Отечества», антинаркотическая работа, отец Андрей, зачастили журналисты, связи отца Андрея
--	--	--	---

			<p>[помогли], силовики, негласный статус «столицы наркобизнеса», «Голливуд», доступность товара [о «Голливуде»], качество обслуживания [о «Голливуде»], московские наркоманы, специальные приезды в Кимры [московских наркоманов], волна молодёжной наркомании, бедствие, борьба всеми способами, наркотический обморок, расширение сознания, валялась по подъездам и подворотням [наркомания], шприцы на детских площадках, обворованные родители, обворованные друзья, доза, нарко-снобы, «тяжёлые» наркотики, папиросы с марихуаной, незнакомые направления в понимании жизни, деньги на наркотики,</p>
--	--	--	--

			марихуана
Деревянный модерн			<p>Покосившиеся купеческие деревянные дома, был столицей дважды [обувной и деревянного модерна], красота деревянных домов, модерн, больше нет таких [домов в стиле модерн], полуциркульные и круглые окна, причудливые башенки, деревянное кружево отделки, миниатюрные резные балкончики бельэтажей, обветшало, покосилось, подслеповатые окна, забитые фанерой окна, деревянные домики сказочной красоты, деревянная душа кикиморы, резные наличники, узорчье серовато-свекольных оттенков, избыные Кимры, светлая башенка с балконом [почти васнецовское, дом</p>

			<p>Лужина], крылечко [почти васнецовское, дом Лужина], поджоги [дом Лужина], дом-теремок крестьян Рыбкиных, изящные формы, сказочно-уютное, «теремок», символ города [«теремок»], наглухо заколоченный, медленно разрушается, дом купца Лужина, деревянные шедевры, опрятные деревянные домишки, затейливая неповторимая резьба на окнах, карнизах, водосточных трубах, обугленные дома-призраки, умирающий дом, удивительная резьба, балкончики, мезонины, мансарды</p>
Великая Отечественная война		Атака вражеского самолёта, пулемётный обстрел, отправление беженцев на	Новогодний гостинец фюрера [воспоминания о бомбардировках в Кимрах], обелиск во имя жизни

		<p>пароходе, страшное столпотворение, напугались, не спали всю ночь, бомбят, сбросили бомбу, выбиты стёкла, оторвало угол [у дома], сильный взрыв, падение советского бомбардиров- щика с бомбами, три пилота погибли, два пилота погибли, убито и ранено несколько десятков человек, стёкла, заклеенные полосками бумаг и газет, очереди за хлебом, карточки, ящики с песком и щипцами, кучи песка, светомаскировка,</p>	
--	--	---	--

		дежурные, патрулирующие город, опустевшие школы, люди, уходящие на фронт, заготовка школьниками торфа, очистка от снега взлётной полосы [Борковского аэродрома], работа на морозе, отмороженные руки, переписка с бойцами Красной Армии, посылки на фронт, предчувствие победы, более трёх тысяч пар белья [от одной швей- надомницы], эвакуация по Волге, эвакуация по железной дороге, возврат оборудования в	
--	--	--	--

		<p>Кимры, восстановить производство, оборонительные рубежи, обстрелы из пулемётов, след пуль на стене хлебного магазина, пуля, попавшая в рукоятку молотка, земляные работы, пулемётные гнёзда, блиндажи, окопы, противотанковые рвы, баррикады на улицах, металлические ежи, лётчик Кукушкин, обелиск во славу воинам</p>	
<p>Прочее (общие описания села/горо- да и жите- лей и др.)</p>	<p>Гостиный двор, красивый городок, праздничный вид, изящные туалеты, французская мода</p>	<p>Большое село, родимые Кимры, мать Корчева, подвода с битюгами, пыльные</p>	<p>Плешка, улочки то вверх, то вниз, пальто на куричьем меху, кимрски ребята, кимрский клуб, рыботрест, милые кимерские кикиморы,</p>

	<p>(с опозданием), национальный фон, ситцевые сарафаны с устарелым рисунком, андалузские шапочки, зуавские куртки, вздутые кринолины, западная непринуждён- ность, роскошные сапожки, ни одной жалкой лачуги, значительные капиталы, купцы 1, 2, 3 гильдий, хорошие дома, каменные дома вдоль набережной, пятиглавый собор, солидные каменные дома, большая мощёная площадь, гостиница,</p>	<p>крапивы, гуси, откосы у берега Волги, неровные берега, греховные берега, тяжелокровные ястреба, коньковые избы, серо-зелёные берега, луга, косари, нехватка книг, книги, Рабле, волчки*, урчуны* рыжие*, с окладистыми бородами*, в староозёрских кафтанах*, нелюдимые* [отмеченное * — о кимряках], кимрский край, Ост-Индия [о кимрском крае], ремни фабричные, Абаляев, реалистичные работы**, слёзы и горькая усмешка</p>	<p>мерзкие комары, кикиморомымыры, средь мымриков и мымр, кимряне [по отношению к XVIII веку], стоцентный гений [об Абаляеве], скромная малая родина, глубинка России, отмечены царёвой грамотой, часть России, город старый, город маленький, малый городок, обжитая семейка [Кимры], кимрский говорок бабушек, заводской гудок**, уездное училище**, маленький приволжский городок**, две мощёные улицы**, зарастающие летом травой улицы**, скорбь о Кимрах** выросстал Савёловский завод**, Савёловский знаменитый завод**, прославленный Туполев**, земляк и Герой [о Туполеве]**, отходили к Москве**,</p>
--	---	--	--

	<p>пожарная часть с высокой каланчой, деревянное здание гостиного двора, сильно развитое, людное село (7 тысяч жителей), деревянные постройки, мельница [3-4 версты вниз от Кимр], небольшой город, плохие земледельцы, дома городские, городские привычки, щегольство, честные, трудолюбивые, бедные [кимряки], кимряки, порядочный городок, улицы замощены, улицы опрятны, много</p>	<p>при показе прошлого**, замечательный талант**, труднейший замысел**, успешное разрешение**, знание анатомии человеческого тела**, зрелое мастерство* (отмеченное ** — об Абаляеве), седеющая морось, пустые матрацы, печное отопление школ, родной городок, болото, опустился массив леса, новое озеро, в три версты***, вода неприятного запаха и тёмного цвета***, бурлило***, выделяло болотный газ***, «Озерко»***, превратилось в</p>	<p>кимрское сельпо**, удаляющиеся Кимры** (отмеченное ** — о советском времени), нестрогие улицы, богатые улицы, убогие улицы, не плохое место, хорошее впечатление [от поездки по кимрскому краю], дом ремёсел и фольклора, неутомимо деятельны*** [жители Кимр], все виды ремёсел***, село Кимра*** (отмеченное *** — о дореволюционном времени), Гостиный двор, торговые ряды, мелкокаменная укладка, Корнвестхайм возлюбил Кимры, воссияли Кимры [столицей сердца], столица сердца, старинный городок, досточтимый городок, особый говорок, пора восславить [Кимры], Кимрам не чета, кимрские жёны,</p>
--	--	---	---

	<p>лавок и магазинов, банк, больница, клуб, больше похож на горожанина, чем на селянина [кимряк], кимряки летом штукатуры, варка требухи в кувшине</p>	<p>болото***, образовалось вновь*** (отмеченное *** — о Новом озере), охота на тетеревов, большое село****, Индия [синоним Кимр] **** (отмеченное **** — о начале XX века), промышленный и культурный город, старейший российский писатель [о Рыбакове], город мой, колыбель моя, провинциальный городок, театр, чудо-уголок, окроплён святой водою [о Кимрах], Кимрский передвижной (колхозно-</p>	<p>небольшой городок, городок в лопухах, пропахший [город] полынью и медовой травой, тихие переулочки, забытьё лип [в тихих переулочках], среди русских лесов и зелёных полей, сторона синеглазого льна, деревья выше, чем дома, Суханов, собирал и спасал [о Суханове], полутёмные Кимры, глухие ворота, бильярд-бар «Атлантис», драка [у бильярд-бара «Атлантис»], глубокие дорожные выбоины, маленький провинциальный городок, кимрский театр драмы и комедии, городок невелик, краеведческий музей, Фадеев, Мандельштам, кикимора, кикимор, много кикимор, кикиморка, унылый вид, кособокий вид, смешное</p>
--	--	---	--

		<p>совхозный) театр, чахлый лес [на савёловской стороне], облупленный городок, завод [о Савёловском машиностроительном заводе]</p>	<p>название Кимры, работавший здесь Бахтин, камни мостовой, ноги Мандельштама [ходили по камням мостовой], бесприютность кимрской гостиницы [гостиница «Чайка»], гостиница Кимр [гостиница «Чайка»], кимряки, расторопный кимрячок, древний парк, голубые ели, культовые кабак «Погребок», посёлок [ошибочно о Кимрах], М. Сапожник, Макар Рыбаков, литературный псевдоним [Кимры], Александр Фадеев, Мандельштам, Михаил Бахтин, сосланный в Кимры, кимрские литературные летописи, Сергей Петров, Белла Ахмадулина</p>
--	--	--	--

Фольклорные и диалектные особенности кимрского края

Даже самый незначительный локус способен породить целый пласт фольклорных текстов, накрепко спаянных временем, местом и прочими общностями. С течением лет изменяются представления о крае, но ключевые особенности локального текста (тем, чем «дышит» эта территория) — проникают в последующие и последующие письменные и устные источники. На примере города Кимры и Кимрского района можно проследить изменения в самоопределении жителей, понаблюдать за основными темами, связанными с этим местом, наконец, заглянуть в сокровищницу народной мудрости. Чем исторически известны Кимры? Сапожным промыслом, ярмарками, железнодорожным сообщением с Москвой, чудным названием (по этому поводу не утихают споры краеведов, но окончательного мнения нет). Очевидно, что это становится скелетом к определению «кимрского текста». А что с диалектом?

Существует считанное количество источников, посвящённых именно кимрским диалектам (стоит упомянуть, что кимрский диалект, рассматриваемый нами в данном разделе, не имеет ничего общего с «кимрским диалектом валлийского языка», на который указывает ряд источников в интернете), пословицам, поговоркам и частушкам, связанным с этим краем. Это статья «Кимрские диалекты» педагога, к. ф. н. Л.И. Виноградовой⁴⁸⁰, архивные материалы кафедры истории русской литературы филологического факультета ТвГУ⁴⁸¹, пословицы из собрания В.И. Даля⁴⁸², публикации А. Боброва⁴⁸³, А.П. Субботина⁴⁸⁴, Е.П. Иванова⁴⁸⁵ и некоторые другие.

⁴⁸⁰ Виноградова Л.И. Кимрские диалекты // Коллективная жизнь. — 1952. 28 мая. — С. 3-4.

⁴⁸¹ Кимры в частушках // Город Кимры в художественной литературе и публицистике... С. 134-135.

⁴⁸² Пословицы русского народа: Сборник В.И. Даля: в трёх томах. Т. 2. — М.: Русская книга, 1993. — 704 с.

⁴⁸³ Бобров А. «Кимряк лучше не доест...» // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2012. № 3. — С. 2.

⁴⁸⁴ Субботин А.П. «Кимряки свои сапоги...» // Город Кимры в художественной литературе и публицистике... С. 132.

⁴⁸⁵ Иванов Е.П. Меткое московское слово // М.: Московский рабочий, 1989. — 320 с.

С течением лет память о говорах стирается, всё труднее выделить особенности языка, бывшего в употреблении ещё век или даже полвека назад. Сейчас пословицы, приведённые в собрании В.И. Даля, теряют большую часть актуальности, выглядят скорее как занятный анахронизм:

«Кимряки — летом штукатуры, зимой чеботари».

«Кимряки — сычужники (*от блюда: свиной сычуг с кашей*)»⁴⁸⁶.

Тем не менее, даже Даль отмечает сапожную «душу» края (чеботарь означает сапожник). И — вокруг сапожного промысла, так или иначе, «крутится» большинство найденных материалов. Так, в «Вышневолоцком историко-краеведческом альманахе “ВИКА”» приведена следующая поговорка: «Кимряки-сапожники <...> требуху в кувшине варят, шильце в руках, а щетинка в зубах и живут от субботы до субботы»⁴⁸⁷. Получается — от торгового дня до торгового дня. Ярмарки, как мы уже говорили — неотъемлемая часть кимрской жизни.

В период массового производства халтурной обуви кимрскими кустарями появляется поговорка, попавшая в книгу А.П. Субботина «Волга и волгари» (волгари, кстати, нередко подписывали жители Кимр свои материалы в местные газеты в начале XX века):

«Кимряки свои сапоги на лапти променяли»⁴⁸⁸.

В поговорке слышится намёк и на собственно халтуру (обувь с картонными подмётками), и на смену промысла — из-за своеобразной «славы» спрос на кимрскую обувь падал.

В этом же ряду и «острословицы», собранные Е.П. Ивановым в «Метком московском слове».

«Кимряк из глины сапоги слепит!»

«Кимрские сапожки, что головки, что ушки — обрядные да нарядные. В гости за три версты в них пошёл, обернулся, он босиком вернулся!»

⁴⁸⁶ Пословицы русского народа... С. 27.

⁴⁸⁷ Город Кимры в художественной литературе и публицистике... С. 132.

⁴⁸⁸ Субботин А.П. «Кимряки свои сапоги...» С. 132.

«Береги сапог кимрский от воды — наживёшь беды. А как так? Да на грамотках они, на бумагах шиты — от воды размокнет, а от солнышка усохнет!»

«Сапоги — политурка: в подмётке штукатурка, сахарная бумажка и мучной глянec. Хорош товарец!»⁴⁸⁹

Как видим, фольклористы подмечают и умение кимряков («из глины сапоги слепит»), и сложившийся стереотип («на бумагах шиты»). Важно отметить, что источником «острословиц» стали московские сапожники — конкуренты кимрских кустарей.

Ценный материал, мини-словарик, связанный с сапожным производством, приводит Л.И. Виноградова: «шпандырь, липка, шмухты, гладилка, заготовка, обсоюзка, илёнка и т.п.» — к сожалению, без расшифровки значений⁴⁹⁰.

28 июля 2013 года в Кимрах автор исследования встретился с потомственным кустарём, сапожником пятого разряда В.Н. Степановым (родился в деревне Ваулино Кимрского района, 74 года) и записал словарь «сапожной лексики», сохранённый в его памяти: «Колодка, стелька, задник, крючок, шило, заготовка, каблук, рант (узкий кожаный ремешок, путём прошивки скрепляет заготовку с подошвой — В.К.), — перечислял сапожник, — токмачик — инструмент, его накаливают и глажением распрямляют морщины на коже заготовки. Щучки — затяжки (тут В.Н. Степанов продемонстрировал работу щучек: он поднёс к готовому ботинку инструмент и поступательным движением показал, как кожа натягивается на колодку. — В.К.). Дратва — толстые просмолённые нитки. Её ещё используют с щетиной — конским волосом, скрепляют ими подошву и заготовку, верх обуви к подошве приделывают. Вначале щетину с одного конца расщепляют и сплетают, связывают с дратвой, щетинки просовывают в отверстие, проделанное шилом, и связывают заготовку с подошвой».

⁴⁸⁹ Иванов Е.П. Меткое московское слово... С. 269.

⁴⁹⁰ Виноградова Л.И. Кимрские диалекты... С. 3.

В.Н. Степанову мы задали вопрос о значении слов, приведённых Л.И. Виноградовой.

«Шпандырь — что-то вроде ремня, который удерживает обувь с помощью ноги. Липка — на чём сидит сапожник, кожей обычно была покрыта. Гладилка — для разглаживания заготовок. Обсоюзка — это больше портняжная вещь, край какой-то простроченный, не знаю точно, помню только “союзка”, “союзка” всё говорили». Значений слов «шмухты» и «илёнка» сапожник не знал.

Богаты и кимрские бытовые говоры, и если сейчас неправильности в произношении практически стёрлись повсеместным распространением литературного языка, в 1952 году Л.И. Виноградовой удалось собрать показательную подборку характерных особенностей кимрских говоров:

«...“оканье” (сохранение в предударном слоге гласного «о» при произношении. Употребляется в севернорусском наречии, в частности, во владими́ро-пово́лжской группе, к которой относятся и кимрские говоры. — В.К.), т.е. порядок, хозява (в литературном произношении парядок). О произносится и в тех словах, в которых в древнерусском языке произносилось о, а современной орфографией узаконено написание с а: розбилас, работа, зобота, робяты, кропива. В Романовском сельсовете встречается произношение о на месте а: стокан, боран, торелка.

Характерным является произношение в слоге перед ударением гласного ё в соответствии с орфографическим е: вёсна, тёпло, мётла. В Романове отмечается ё в слогах с ударением мнё, полё, и дитё синёет.

В Губин-Угольском, Троице-Кочкинском, Титовском и Ильинском сельсоветах под ударением на месте гласного е перед следующими мягкими согласными произносится звук и: двирь, виник, пичка, диник, лий, соловий.

В начале слова во втором слоге до ударения на месте о произносится у, т.е. говорят: угорот (огород), удеяло, утойди.

Гранича со среднерусскими диалектами, кимрские говоры восприняли от них произношение т и д на месте мягких к и г, например: рути, тино, ноги, тимра, саподи и т.д.»⁴⁹¹.

Как видим, за исключением этих особенностей, морфологически кимрские говоры близки нормам литературного языка. «Оканье» до сих пор сохраняется в местной среде, но всё реже в серьёзных разговорах — скорее в шутках (даже в среде молодёжи!), в стремлении подчеркнуть «русский говор», под которым в кимрском крае негласно подразумевается именно «оканье».

Исчезли или исчезают из употребления «формы родительного падежа на е: у сестре, без родне, дательного — рукам, ногам; именительного падежа на ы: брёвны, стёклы, робяты, теляты, поросяты»⁴⁹².

В формах склонений местоимений и прилагательных исследователь находит куда больше отклонений от литературного русского языка: «мое, свое, моих, своих, моем; ут плохех, к плохем, худэми, в худэх, худых, красных. В говоре сохранились старые формы кратких прилагательных — мы сыти, богати, ради»⁴⁹³.

Отметим приведённые Л.И. Виноградовой объединённые окончания I и II спряжений, употреблённых в формах I спряжения: «ходят, видют, любют, носяцца»⁴⁹⁴. Отголоски подобных форм до сих пор встречаются в языке: ходют, носяцца, встречающца и пр.

Л.И. Виноградова пишет:

«Из севернорусских слов в говоре бытуют: завор (проезд в изгороди, закрываемый жердями), нетель (корова, не принеся приплода), коленка (корова, отелившаяся по второму году), овин, гувно (*диалектическая форма слова “гумно”*. — В.К.), коровяк (белый гриб) и др.

⁴⁹¹ Там же. С. 2, 3.

⁴⁹² Там же. С. 3.

⁴⁹³ Там же.

⁴⁹⁴ Там же.

В говоре ещё продолжает сохраняться большое количество слов, обозначающих видовые понятия, например, названия лошади по возрасту — сосунок, стригун (на моей памяти в детстве вместо “стригуна” молодую лошадь называли “стригунком” — это название сохраняется и по сей день. — В.К.), лощачок (лошадь 2-х лет), боронка (лошадь по 3-му году), названия земельных угодий: челизна (непаханное поле), залог (заброшенная пашня), овсище, клеверище, ржанище, льнянище, стлище (название угодий по их использованию), звёно, плёса (участки земли в огороде, занятые различными культурами)».⁴⁹⁵

Вывод Виноградовой: «современные диалекты являются исчезающей категорией» — вполне уместен. Год от года уменьшается число носителей кимрских говоров, частушки, профессионализмы, пословицы и поговорки становятся менее понятными подрастающему поколению (как, скажем, найденная А. Бобровым: «Кимряк лучше не доест, но нарядится»⁴⁹⁶); место кимрского диалекта занимает литературный язык, сдобренный активно приходящими англицизмами.

Одна из экспедиций в Кимрский район будет нами отмечена особо. Её возглавляла известный тверской фольклорист, руководитель Народного фольклорно-этнографического ансамбля «Межа» И.Н. Некрасова. Результаты исследования опубликованы в её статье «Голузинская кадрили. К вопросу об этических и эстетических нормах мужского поведения на беседах»⁴⁹⁷.

В статье рассказывается о проявлениях мужского приоритета в кадрили — традиционного элемента местных празднеств. Интересны воспоминания старшего поколения (открывающие статью) о том, «как раньше гуляли»: «Летом ходили на “плешку” — площадку на берегу реки: “там и плясали, там и пели, там и танцевали, и влюблялись, все там...”. В осенне-зимний период

⁴⁹⁵ Там же.

⁴⁹⁶ Бобров А. Белая дорога... С. 2.

⁴⁹⁷ Некрасова И.Н. Голузинская кадрили. К вопросу об этических и эстетических нормах мужского поведения на беседах // «Мужское» в традиционном и современном обществе. Материалы научной конференции. — М., 2003. — С. 53-54. (всего 92 с.)

каждое воскресенье, а также в праздники беседы проводили в избах. Пост же строго соблюдали, хотя и “старалис в украдку где-нибудь спеть пессинку или чиво...”⁴⁹⁸. В переписке с автором исследования И.Н. Некрасова акцентировала внимание на одной детали: «Когда общалась с голузинскими, обратил на себя внимание такой факт: твёрдые окончания глаголов: напр. осталис, умылас. Интересно, ведь в XIX веке это — достаточно распространённая речевая форма в светских кругах. Такое же произношение укрепилось и в вокальной музыке. Кто у кого перенял?»⁴⁹⁹. Добавим к этому и то, что по местным легендам (например, в беседах санитарок с Б.А. Ахмадулиной), в царские времена в кимрский край ссылали дворцовых девок, ставших неугодными. С ними, разумеется, «мигрировал» и говор.

Интересны свидетельства, записанные автором исследования в августе 2013 г. С.А. Беляев, житель Кимр, родился в районе города под названием Чернигово (ранее здесь располагалась одноимённая деревня). Некоторые черниговские (микротопонимические) диалектические особенности дополняют представление о фольклорных богатствах кимрского края. Среди особенностей произношения С.А. Беляев отмечает: «“угурцы” — так говорят некоторые бабки»; «“хороняют” вместо “хоронят”», «“суп третёвышний” (три дня стоял) — такое тоже слышал», «у меня бабка всегда говорит вместо “четверг” — “четверег”», «ещё вспомнил интересное выражение наше, черниговское — “позастенЕ” (вдоль стены). Я когда-то в сочинении написал его в пятом классе — учительница не поняла. А у нас так многие говорили. Правда, как правильно пишется — не знаю. Не то слитно, не то раздельно»⁵⁰⁰.

Частушки, собранные студентами ТвГУ во время летних экспедиций в Кимрский район, подтверждают: профессиональной принадлежности Кимр

⁴⁹⁸ Там же.

⁴⁹⁹ Переписка хранится в домашнем архиве автора исследования.

⁵⁰⁰ Записи хранятся в домашнем архиве автора исследования.

как сапожного села, вообще локальных признаков, кроме географических, в них нет.

Однако топонимические особенности в частушках представляют немалую ценность и позволяют найти соответствия в других литературных источниках:

* * *

Если в Кимры войти —
Надо в гору влезти,
Чтобы кимрских любить —
Надо много чести⁵⁰¹.

Очевидна переключка со строками О.Э. Мандельштама: «Против друга — за грехи, за грехи —/ Берега стоят неровные...», так и с другими, например, с услышанной автором исследованием песней, прозвучавшей во время празднования Дня Кимрского района в Малом Василёве 27 июля 2013 г.: «Город Кимры, город Кимры, улочки то вверх, то вниз» (автор — Г. Григорьев). Эта особенность точнее мандельштамовской (хотя, разумеется, и менее талантлива) — если следовать по течению Волги, то вначале савёловская сторона находится на возвышении, затем кимрская (отсюда: то вверх, то вниз).

Упоминается Волга или «городская принадлежность» Кимр:

* * *

Если Кимры не город,
То и Волга не река.
Если я тебе не пара,
То валяешь дурака.

⁵⁰¹ Кимры в частушках... С. 135.

* * *

Если Кимры не город,
То и роза не букет.
Если я тебе не пара,
Лучшей пары тебе нет⁵⁰².

Встречаются и «нейтральные», значимые для нас только упоминанием топонима «Кимры»:

* * *

Наших кимрских ребят
Издали можно узнать:
Рубахи длинные до пят
И раздеваться не хотят.

* * *

А как кимрски ребята
В гору поднимаются:
Пальто на куричьим меху,
Заплаты развеваются.

* * *

А мы, кимрские девчонки,
Мы нигде не пропадём.
В Ленинграде вечер будет,
И туда гулять пойдём.

⁵⁰² Там же. С. 134.

* * *

Ой, ты, Юля дорогая,
Вспомним про былое,
Как нас с кимрского клуба
Провожали двое⁵⁰³.

Не обошлось и без распространённых частушечных тем (например, «про залётку»: «Полюбила я залётку —/ А он в Кимры ушёл./ День и ночь буду молиться/ Чтобы места не нашёл»), но, в общем и целом, современные частушки содержат минимум слов, отклоняющихся от норм современного русского языка или норм местного произношения (например: «кимрски ребята»), топографических особенностей города и района. «Кимрский клуб», встретившийся в одной из частушек, говорит лишь о наличии в Кимрах клуба, но сам по себе этот факт не показателен: клубы присутствуют в большинстве более-менее крупных населённых пунктов. Это было бы такой же «особенностью», как, к примеру, упоминание абстрактной «кимрской церкви»; без уточнения эта фраза становится малозначительной.

17 августа 2013 г. автор исследования встретился с местным фольклористом Ю.И. Прокофьевым, в 1970-80-е гг. регулярно выбирающегося в деревни и сёла Кимрского района в поисках фольклорного материала. Нами записаны некоторые частушки, сохранившиеся в его памяти:

* * *

На савёловском вокзале
Я кассира обманул.
Взял билет, а не поехал,
До Москвы пешком продул.

⁵⁰³ Там же. С. 135.

* * *

На савёловском вокзале
Обокрали рыботрест.
На воротах написали:
«Не ворующий — не ест».

* * *

Савёлово, Савёлово,
Савёловский вокзал,
Пока девку уговаривал,
На поезд опоздал⁵⁰⁴.

В приведённых частушках очевидна микротопонимика — упоминание Савёлова (в настоящее время — район Кимр; до 1934 г. — территория, на которой находилось несколько деревень) и, как следствие, савёловского вокзала. Обратим внимание, что «савёловский вокзал» пишется со строчной буквы, что указывает именно на топонимическую его особенность, а не на название (в Москве находится Савёловский вокзал). Строчная буква указывает на то, что имеется в виду вокзал не столичный, а кимрский.

Также Ю.И. Прокофьев рассказал историю создания частушки «Если Кимры не город,/ То и Волга не река...» — по его сведениям, она появилась в конце 1910-х гг., вскоре после обретения Кимрами статуса города (1917). Изначально звучала она так: «Если Кимора не город...», что подчёркивало связь Кимр и местного гидронима «Кимрка», прочитываемого как «Киморка».

⁵⁰⁴ Записи хранятся в домашнем архиве автора исследования.

Изначальное название реки, впрочем, было иным — «Кимерка», что нашло отражение в частушках современной поэтессы Н.П. Красновой. Отметим, что цикл Красновой «Кимрские мотивы» был написан по просьбе автора исследования.

Н.П. Краснова:

Савёлово

С бодуна с весёлого
Поехал я в Савёлово,
Приехал я в Савёлово,
С ума собою свёл его.
*10 августа 2013 г.,
Москва*

Речка Кимерка

1
В Кимрах, в речке Кимерке
Купались две кикиморки,
И голый — в тине весь в одной —
Ласкал обеих Водяной.

2
Как на речке Кимерке
Купались две кикиморки,
С одним пловцом, каким мирней,
Одна другой кикиморней.
*24-25 августа 2013 года,
Москва⁵⁰⁵*

⁵⁰⁵ Краснова Н.П. Кимрские мотивы // Литературная гостиная: прилож. к газ. «Кимрская общественная газета». — 2013. № 9. — С. 2.

В приведённых текстах мы также сталкиваемся с микропонимом (по отношению к Кимрам) Савёлово, а также гидронимом Кимерка. Рифмованная пара «Кимры»-«кикимора» не нова, она периодически встречается в местных текстах (см. в творчестве Б. Зверева: «Где ныне стоит город Кимры/ Кикиморы жили и мымыры./ Селение так и назвали/ Кикиморомымыры вначале./ Потом, чтоб чернила не тратить./ Решили, мол, Кимры, и хватит»⁵⁰⁶, В.И. Салимона: «Как если бы я родом был из Кимр./ И никуда оттуда не стремился./ Чуть свет вставал./ Работал и учился./ Один, как перст, средь мымриков и мымр...»⁵⁰⁷ и др.)

Г.П. Смолицкая в «Топонимическом словаре Центральной России», основываясь на некоторых соображениях и подкрепляя их примером — шутивным диалогом:

«— Кимряк, где остановился? (по приезде в Москву).

— На Болоте (местность на противоположном от Кремля берегу Москвы-реки)»⁵⁰⁸ —

делает «сенсационный» вывод — «вероятно, название реки связано с литов. Kumzune — “болото, где много гнилых пней”»⁵⁰⁹. В комментариях подобная «топонимика» не нуждается.

⁵⁰⁶ Зверев Б. Кимры // Кимрская независимая газета. — 2007. 15 июля. — С. 6.

⁵⁰⁷ Салимон В.И. Москва — Пермь — Москва. Поэма набросков [Электронный ресурс] // <http://magazines.russ.ru/october/1998/2/salim.html>.

⁵⁰⁸ Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России. — М.: Армада-пресс, 2002. — С. 149.

⁵⁰⁹ Там же.

Рифмы к слову «Кимры»

Выделим известные нам рифмы к названию города. Одновременно отметим устойчивые слова и выражения, ассоциирующиеся с Кимрами.

Я.З. Шведов (1924)

«шнырит» — «Кимры»

Сопутствующие слова и словосочетания: «Волга», «запах кожи», «большое село», «дратва», «молотки и подошвы», «паровозы», «Савёлово», «церковь», «четыре соборные головы» (имеются в виду Покровский собор с прилегающей к нему церковью), «обувные корпуса».

М.Е. Соковнин (1966)

«мирно» — «Кимры»

Василий Пригодич (С.С. Гречишкин) (1974)

«игры» — «Кимры»

Сопутствующие слова и словосочетания: «причал», «пьедестал», «вождь» (на месте памятника Александру II в советское время установлен памятник Ленину), «разрушена церковь».

В.И. Салимон (1998)

«Кимр» — «мыр»

Б.А. Ахмадулина (1999)

«каким» — «Кимр»

«Кимр» — «говорим»

«Кипре» — «Кимры»

«Кимр» — «вкривь»

«покрыли» — «Кимры»

Сопутствующие слова и словосочетания: «старинный городок», «прихожанин», «сапожник», «особый говорок» «Пётр I» (именно с петровских времён кимрские обувщики стали поставлять обувь в русскую армию), «цари», «князья», «село», «почитание», «поклоны», «ярмарки» (последнее выражено метафорой: «И вся Россия шла, плыла сюда»), «столица сердца», «Волга», «взрыв храма», «танцплощадка», «горпарк».

Б. Зверев (2008)

«Кимры» — «мымры»

Сопутствующие слова и словосочетания: «кикиморы».

Б.О. Кутенков (2009)

«раскиды» — «Кимры»

«дорогим» — «Кимр»

Сопутствующие слова и словосочетания: «унылый вид», «поля», «Волга», «Бахтин», «Ленин», «Мандельштам».

Н.П. Краснова (2013)

«Кимр» — «Крым»

«Кимрам» — «кикиморам»

Сопутствующие слова и словосочетания (анализируем цикл Нины Красновой «Кимрские мотивы»): «комары», «Савёлово», «Кимерка».

Б.Г. Режабек (2014)

«Крым ли» — «Кимры»

Сопутствующие слова и словосочетания: «туристы», «речка» (судя по всему — Кимрка. — В.К.), «река» (судя по всему — Волга. — В.К.), «кимрячки», «кимряки», «обшарпанная печальность», «инкрустированная благодать», «Бахтин», «Мандельштам», «Фадеев», снос дома для постройки церкви (имеется в виду случай А.А. Фадеева: дом, в котором он родился, был

снесён, на его месте построен Спасо-Преображенский собор. — В.К.), снос церкви ради гульбища (имеются в виду снос Скорбященской церкви и создание на месте бывшей церковной территории парка. — В.К.), «ave, Кимры!», «на ниточке тонкой <...> мост» (имеются в виду дополнительные опоры для моста, издали напоминающие натянутые нити. — В.К.), «Волга», «Кимрка».

В.В. Шутиков (2014)

«Кимры» — «вымрут»

На основании анализа парадигмы видны случаи, когда авторы употребляли слово «Кимры» по случаю (Соковнин, Салимон), а когда ставилась цель описать населённый пункт, наделить его характеризующими свойствами (Шведов, Ахмадулина, Режабек и др.)

Характерно и веяние времени, формирующего особую форму и язык общения в соцсетях. Публикуя отдельные фрагменты исследования в социальной сети Facebook, я столкнулся с народным творчеством. Поэт А.Ю. Гедымин предложила рифму: «тигры»; израильский поэт и пародист Е.А. Минин — шуточное двустишие: «Приехал в Кимры/ Кальман Имре...»; поэт и критик Д. Артис предположил фантастическое: «Как по речке Кимрке/ Проплывали киборги./ Проплывали вот как:/ Все в косоворотках!».

Круглые и юбилейные даты А.А. Фадеева в Кимрах (1951-1991 гг.)

Круглые и юбилейные даты А.А. Фадеева неизменно отмечались на его малой родине. Автором исследования изучены подшивки районной газеты «Коллективная жизнь» (позднее — «За коммунистический труд» и «Кимрский вестник») с соответствующими публикациями.

Материалы, посвящённые 50-летию Фадеева (1951), заняли в районной газете «Коллективная жизнь» всю первую полосу. Помимо официальных текстов: кратком очерке о жизни писателя и отчёте о праздновании его юбилея 23 декабря 1951 г. в ЦДЛ, где юбиляру был вручён орден Ленина, а также рецензией на новое издание «Молодой гвардии», избавившееся от «слабых мест», выявленных партийной критикой, — были опубликованы воспоминания очевидцев визита Фадеева в Кимры 10-летней давности. Авторами воспоминаний стали: заведующий отделом пропаганды и агитации ГК ВКП(б) А. Беляков (нарочито официальная заметка) и заведующая библиотекой Кимрского педагогического училища О. Смирнова. Помимо этого было перепечатано письмо А.А. Фадеева землякам 1946 г.⁵¹⁰

16 мая 1956 г. «Коллективная жизнь» публикует на третьей полосе официальный некролог, в котором причина смерти писателя указана не была; формулировки предельно обтекаемые: «скончался», «ушёл от нас» и др.

55-летие писателя, которое должно было отмечаться в декабре 1956 г., газета проигнорировала, хотя аналогичные «даты» деятелей культуры и партийного руководства отмечались повсеместно. И только к 70-летию (sic!) А.А. Фадеева, в декабре 1971 г., в газете появилась серия материалов о писателе. Помимо публикации ряда воспоминаний о его визите в Кимры 1941 г. (заведующего промышленным отделом газеты тех лет А. Никитина и О. Смирновой), было проведено анкетирование читателей: что значит творчество А.А. Фадеева в жизни респондентов и приводилась просьба

⁵¹⁰ Коллективная жизнь. — 1951. 26 декабря.

назвать любимых героев писателя. В одной из заметок «юбилейной подборки» рассказывалось о праздновании 60-летия Фадеева — цитировалась одна из украинских газет⁵¹¹ (в Кимрах, напомним, о 60-лети писателя не было опубликовано ни строчки). В следующем номере газеты (от 25 декабря 1971 г.), в двух небольших сообщениях под общим заголовком «В честь писателя-земляка», говорилось об открытии 23 декабря мемориальной доски А.А. Фадеева на здании городской гостиницы; прошедшем в честь этого события митинге, а также — *празднике улицы*, который должен был состояться в день выхода газеты на Набережной Фадеева. В тот же день в драмтеатре состоялось торжественное собрание, посвящённое юбилею Фадеева. Продолжилась «фадеевская» тема и в следующем номере газеты (от 28 декабря 1971 г.). В статье «В честь юбилея» Т. Беляковой рассказывалось, как отмечался юбилей Фадеева в кимрском драмтеатре. Секретарь горкома А.С. Топилина сделала доклад об общественной деятельности Фадеева; сотрудник редакции О.П. Арефьева рассказала о его творческом пути; представители молодёжи города показали театрализованное действие о воспитательной роли книг писателя; сотрудник областной библиотеки им. А.М. Горького С.И. Сергеева доложила о неослабевающем интересе читателей к произведениям Фадеева; также выступили артисты областной филармонии. Как следовало из газеты, отмечался юбилей Фадеева и в сельских поселениях. Так, в Печетовской восьмилетней школе учащиеся подготовили инсценированные отрывки из произведений писателя.

Отметим, что на странице с сообщением об открытии мемориальной доски, приводилась её фотография (крайне плохого качества), на которой можно было разглядеть надпись: «24 декабря 1901 года в городе Кимры родился <далее следует промежуток размером в одну строку> в 1941 году посетил и выступил в Доме учителя писатель А.А. Фадеев»⁵¹².

⁵¹¹ За коммунистический труд. — 1971. 23 декабря.

⁵¹² За коммунистический труд. — 1971. 28 декабря.

20 апреля 1972 г., по инициативе горкома ВЛКСМ, детской библиотеке города Кимры было присвоено имя А.А. Фадеева. С течением лет в ней «скапливались» местные артефакты, объединённые «фадеевской» темой. Среди них — появившийся в самом начале 1988 г. — деревянный бюст Фадеева, выполненный скульптором-самоучкой А.И. Пановым⁵¹³. Вот что рассказала дочь скульптора Р.А. Панова: «— Когда ему (А.И. Панову. — В.К.) на глаза попала фотография молодого Фадеева (я тогда с учениками делала альбом о Фадееве), он стал выпрашивать её у меня, а позднее я увидела тот самый бюст, что сейчас в библиотеке. <...> Я, кстати, его (А.А. Фадеева. — В.К.) видела, когда он приезжал в Кимры перед самой войной. Он заходил в библиотеку, а мы с подругой в читальном зале занимались»⁵¹⁴.

К открытию театрального сезона 1974-75 гг. труппа Кимрского драматического театра подготовила пьесу И. Зарубина по роману Фадеева «Разгром».

А. Асанин, главный режиссёр театра:

«Работа над воплощением этого сложнейшего произведения на сцене Кимрского театра потребовала огромных усилий и напряжения всего творческого коллектива и технических служб»⁵¹⁵.

К 80-летию А.А. Фадеева в районной газете появилось множество материалов. От небольших заметок, свидетельствующих о подготовке к празднованию круглой даты, до очерков и воспоминаний, растянувшихся, в общей сложности, на пять номеров подряд: с 19 по 29 декабря 1981 г. Уже за месяц до дня рождения писателя в газете появлялись первые публикации, посвящённые этому событию. Перепечатывались главы из «Молодой гвардии», публиковались фотографии Фадеева разных периодов жизни. С середины ноября на страницах газеты — цикл статей Б.П. Митекина о «второй родине» Фадеева — Владивостоке, Чугуевке, затем — о

⁵¹³ Рулькова Е.П. // За коммунистический труд. — 1988. 14 января. — С. 1.

⁵¹⁴ Крюкова Г.И. Нас познакомил Фадеев // Кимрский вестник. — 2001. 20 декабря. — С. 3.

⁵¹⁵ Асанин А. «Разгром» на родине своего автора // За коммунистический труд. — 1974. 28 ноября. — С. 2.

Верхневолжье, куда писатель приезжал в зрелые годы, ненаписанной книге для детей и т.д. Непосредственно «юбилейный цикл» начался с репортажа о первом фадеевском мероприятии — сцену клуба фабрики «Красная звезда» украшал лозунг на красном полотнище: «Боец, писатель, коммунист — А.А. Фадеев». На занавесе сцены — изображение разворота книги и даты: 1901-1981 гг. Далее сообщалось о грандиозном представлении, в котором приняли участие школьники города, работники детской библиотеки им. А.А. Фадеева, клуба и преподаватели школ, хора под руководством В.И. Лазарева и др.⁵¹⁶

В холле детской библиотеки им. А.А. Фадеева была оформлена выставка «Александр Александрович Фадеев». Сотрудник библиотеки Е.П. Рулькова провела с третьеклассниками школ №№ 4, 5, 13, 16 беседы на тему «А.А. Фадеев — наше земляк», сопровождавшиеся обзорами его книг; беседу с учащимися 5-6 классов «Детские годы Фадеева» (в кинотеатре «Волга»); беседу «Путь в литературу», сопровождавшуюся фрагментами из фильма по роману «Молодая гвардия»⁵¹⁷ (также в кинотеатре «Волга»).

В кинотеатре «Волга» для учащихся 4-10 классов средней школы № 13 был показан фильм по роману «Молодая гвардия», после чего ребята 7-10 классов обсуждали увиденное на уроках⁵¹⁸. В Кимрском краеведческом музее, открывшемся 23 декабря после реставрации, представлена выставка «Литературное Верхневолжье», ключевое место в которой было отведено А.А. Фадееву⁵¹⁹.

Кимрское бюро путешествий и экскурсий 9 декабря «выпустило» *устный журнал*, в котором были «опубликованы материалы»: «Жизнь и творчество А.А. Фадеева» (Т.А. Лапшина), «О художественных особенностях произведений писателя» (В.Н. Грекова), «Воспитание у экскурсантов любви к Родине, к родному краю на конкретных примерах образов героев произведений Фадеева» (Л.В. Рыбкина). Завершался журнал выступлением

⁵¹⁶ Рулькова Е.П. Ожили страницы книг // За коммунистический труд. — 1981. 19 декабря. — С. 2.

⁵¹⁷ Быкова Н. С именем писателя // За коммунистический труд. — 1981. 22 декабря. — С. 3.

⁵¹⁸ Румянцева Л. В кино и на уроках // За коммунистический труд. — 1981. 22 декабря. — С. 3.

⁵¹⁹ Матюнина М. Подарок истории // «За коммунистический труд. — 1981. 26 декабря. — С. 3.

Г.Н. Шиловой, посвящённым «использованию в экскурсиях отрывков литературных произведений» и применению литературного монтажа⁵²⁰.

В библиотеке СПО «Прогресс» (Савёловского машиностроительного завода) в канун юбилея писателя открылась выставка «Художник, рождённой революцией», на которой были представлены книги Фадеева и литература о нём. Для студентов машиностроительного техникума и рабочих головного предприятия «Прогресса» подготовлена лекция⁵²¹.

В номере газеты «За коммунистический труд» от 24 декабря, в день рождения А.А. Фадеева, читателям предлагались очередная перепечатка его письма кимрякам; фотография писателя на первой полосе; продолжение «фадеевского цикла» Б.П. Митекина и ряд материалов, занявших вторую полосу газеты. Отметим материал старшего библиотекаря ЦБС Т. Беляковой, сообщившей, что библиотекари ведут журнал «Наш земляк», для которого собирают материалы о Фадееве, опубликованные в газетах и журналах, особенно — «о взаимосвязи писателя с нашим краем»⁵²².

В следующем номере газеты помещён отчет о прошедшем в ДК «Юность» (микрорайон Южный) торжественном мероприятии. Помимо выступлений представителей горкома и воспоминаний очевидцев о визите Фадеева в Кимры и его похоронах, прозвучали выступления молодёжи, посвящённые книгам и героям Фадеева, а также — предложения увековечить имя земляка «более, чем сейчас»; показан слайд-фильм «Кимры — родина А.А. Фадеева», подготовленный инженером Савёловского ПО «Прогресс» Н.А. Девяткиным. В основе слайд-фильма — виды города, сопровождающиеся фотоматериалами из жизни писателя. В конце фильма из динамиков раздались слова А.А. Фадеева, записанные во время празднования его 50-летия: «Я вас люблю»⁵²³.

⁵²⁰ Романова М.П. Жизнь — творчество // За коммунистический труд. — 1981. 19 декабря. — С. 3.

⁵²¹ Сахарова Г. Рождённой революцией // За коммунистический труд. — 1981. 19 декабря. — С. 3.

⁵²² Белякова Т. Всегда с нами // За коммунистический труд. — 1981. 24 декабря. — С. 2.

⁵²³ Скабицкий В. Память сердца // За коммунистический труд. — 1981. 26 декабря. — С. 2.

В 1991 г. в районной газете не было опубликовано ни одного материала, посвящённого очередной круглой дате писателя. Только в новообразованной газете «Народный депутат» (позднее — «Кимрская жизнь» и «Волжское время») появилась приуроченная к юбилею краеведческая статья о визитах Фадеева в Кимры⁵²⁴.

⁵²⁴ Кудленков В. Дважды в нашем городе // Народный депутат. — 1991. 28 декабря. — С. 4. (В. Кудленков — псевдоним В.И. Коркунова.)